

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

1
1976

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

ЯНВАРЬ — ФЕВРАЛЬ

1
1976ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

СОДЕРЖАНИЕ

<i>М. В. Искров.</i> Принципы социалистического интернационализма — основа взаимоотношений социалистических стран	3
<i>И. В. Михутина.</i> Советско-польские отношения в начале польско-германского сближения (февраль — апрель 1934 г.)	11
<i>Г. И. Чернявский.</i> Миссия советского Красного Креста в Болгарии (1922—1923 гг.)	29
<i>Хильмар Вальтер</i> (ГДР). Из истории болгарского Возрождения	42
<i>Е. П. Наумов.</i> К истории сербского феодального государства в конце XII — начале XIII века (Центральная власть и удельные княжества)	50
<i>М. Э. Власова.</i> Из истории и теории польской реалистической новеллы второй половины XIX века (К вопросу о традициях малого прозаического жанра)	62
<i>В. М. Мокшенко.</i> Структурно-семантическая диффузия русской и чешской фразеологии (На материале фразеологических рядов «бить, наказывать»)	74
<i>А. С. Львов.</i> О записи про Константина-Кирилла философа в календаре Остромирова евангелия	88

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>М. А. Мунтян.</i> «Социалистическата външна политика на Народна Република България. 1944—1974»	98
<i>Л. Б. Валев.</i> Д. Б. Мельцер. Советско-болгарские отношения (1917—1935 гг.)	100
<i>С. М. Фалькович.</i> Р. Я. Евзеров, И. С. Яжборовская. Роза Люксембург. Биографический очерк	101

<i>О. А. Северная.</i> Актуальное исследование о болгарской интеллигенции	103
<i>И. К. Горский.</i> «Studia polono-slavica-orientalia»	105
<i>Л. К.</i> Чешские переводы Некрасова	107
<i>А. С. Мильников.</i> Е. П. Львова. Изобразительное искусство Болгарии эпохи национального Возрождения	108

БИБЛИОГРАФИЯ

Важнейшие статьи и материалы по современному положению, истории, культуре и языкам зарубежных славянских народов, опубликованные в советских периодических изданиях в 1975 г. (продолжение)	111
Содержание иностранных журналов	125

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Ю. И. Макар, И. М. Теодорович.</i> VII Всесоюзная научная конференция историков-славистов	126
XVII пленарное заседание Международного комитета славистов	134
Тематика VIII Международного съезда славистов	134

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), И. Ф. БЭЛЗА, Л. Б. ВАЛЕВ,
 В. Г. КАРАСЕВ, В. Д. КОРОЛЮК (зам. главного редактора), Д. Ф. МАРКОВ,
 И. С. МИЛЛЕР, А. И. НЕДОРЕЗОВ, Ю. А. ПИСАРЕВ, Г. М. СЛАВИН,
 Б. Ф. СТАХЕЕВ (зам. главного редактора), Н. И. ТОЛСТОЙ
 (зам. главного редактора), И. М. ШЕПТУНОВ, Я. Б. ШМЕРАЛЬ

Ответственный секретарь В. В. ЗЕЛЕНИН

Адрес редакции: Москва, Г-69, Трубниковский пер., д. 30а
 Телефон 290-27-40

М. В. ИСКРОВ

ПРИНЦИПЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМА—ОСНОВА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН

Важнейшим результатом процесса революционного обновления мира, начатого Великой Октябрьской социалистической революцией, является образование мировой социалистической системы — решающего фактора прогрессивного развития человечества. Образование и развитие мировой социалистической системы — реальное воплощение идей ленинизма, торжество идей пролетарского интернационализма. Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, выступая на торжественном заседании сейма ПНР 21 июля 1974 г., подчеркнул, что «после второй мировой войны родилась не только целая группа социалистических государств. Зародилось и то, что мы называем социалистическим содружеством. Это совершенно новое, невиданное в прошлом явление. Речь шла не об обычном союзе государств, а о союзе социалистическом, основанном на общности идеологии и целей, на международной солидарности трудящихся, о союзе, ведущей силой которого впервые выступили рабочий класс и его испытанный авангард — коммунистические и рабочие партии»¹.

С возникновением мировой социалистической системы пролетарский интернационализм становится одним из основополагающих принципов международной политики, фактором, определяющим содержание и формы взаимосвязей трудящихся социалистических стран, регулятором их политических, экономических, культурных, идеологических отношений и взаимной помощи во всех областях общественной жизни, основой их совместных действий против империализма. В этих условиях пролетарский интернационализм обогащается новым содержанием, становится социалистическим.

В странах социализма расширяется социальная база интернационализма. Под его знаменем выступает не только рабочий класс, но и трудовое крестьянство и народная интеллигенция. Между нациями как внутри социалистической федерации, так и в отношениях между отдельными государствами устанавливаются отношения искренней дружбы и взаимопомощи, осуществляется разносторонняя, бескорыстная помощь отстающим в своем развитии странам. Во все возрастающем масштабе развивается сотрудничество в области экономики, науки, культуры. Налаживаются постоянные межпартийные связи, тесные контакты всех общественных, научных организаций. Социалистический интернационализм характеризует гармоническое сочетание интернациональных и национальных

¹ «Правда», 1974, 2 июля.

интересов социалистических государств с преимущественным выделением общих для всех социалистических стран интернациональных интересов, выражающихся в последовательной борьбе против империализма, за победу социализма во всемирном масштабе. Перешагнув границы двух государств — СССР и Монгольской Народной Республики, принципы социалистического интернационализма как государственной идеологии материализовались в мировой системе социализма, на их основе развивается тесное взаимодействие всех трех революционных потоков современности.

Идеи социалистического интернационализма являются важнейшим орудием реализации огромных возможностей, заложенных в современном революционном процессе. В победе принципов интернационализма видит империализм главную опасность своему существованию.

Вопрос о сочетании национальных и интернациональных интересов — один из первостепенных в теоретической и практической деятельности коммунистических и рабочих партий. В Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду указывается: «Успехи в деле строительства социализма во многом зависят от правильного сочетания общего и национально-особенного в общественном развитии. Теперь мы знаем не только теоретически, но убедились и практически, что путь к социализму, его главные черты определяются общими закономерностями, которые присущи развитию всех социалистических стран. Знаем мы также и то, что действие общих закономерностей проявляется в различных формах, отвечающих конкретным историческим условиям, национальным особенностям. Не базируясь на общих закономерностях, не учитывая конкретно-исторической специфики каждой страны, невозможно строить социализм. Без учета обоих факторов невозможно и правильно развивать отношения между социалистическими государствами»².

Национальные и интернациональные интересы социалистических стран имеют объективный характер, отражают реальные потребности общественного развития. Коренные интересы, общие для всех социалистических стран, независимо от расово-национального состава их населения, географического положения, исторического прошлого, определяются их единой конечной целью, общностью закономерностей перехода от капитализма к социализму, интернациональным характером условий революционного преобразования общества, а именно:

- созданием в каждой стране однотипной экономической основы — общественной собственности на средства производства;
- однотипностью социально-классовой структуры общества, отсутствием эксплуататорских классов;
- наличием однотипного государственного строя — власти народа во главе с рабочим классом и его марксистско-ленинской партией;
- утверждением единой идеологии марксизма-ленинизма;
- необходимостью защиты революционных завоеваний и национальной независимости от происков со стороны империалистической реакции; только тесные узы международной социалистической солидарности могут надежно гарантировать каждую страну от реставрации капитализма;
- необходимостью объединения усилий народов, ставших на путь социалистического строительства, в преодолении внешних и внутренних трудностей с целью ускорения процесса становления нового строя.

Перед социалистическими странами стоят общие задачи дальнейшего укрепления социализма, осуществления научно-технической революции,

² «XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет», т. I. М., 1971, стр. 29.

всемерного ускорения технического прогресса, создания оптимальной структуры и расширения масштабов производства, повышения его эффективности, обеспечения максимального роста производительности общественного труда и на этой основе подъема материального благосостояния трудящихся, постепенного сближения и выравнивания уровней экономического развития всех стран социализма.

Все социалистические страны заинтересованы в углублении и совершенствовании экономического и научно-технического сотрудничества, в наиболее полном использовании преимущества социалистического разделения труда, эффективном использовании своих ресурсов, в развитии социалистической интеграции, в расширении и укреплении своего международного рынка, в совершенствовании товарно-денежных отношений.

В. И. Ленин указывал, что уже при капитализме вполне явственно обнаруживается тенденция к созданию единого, по общему плану регулируемого пролетариатом всех наций, всемирного хозяйства как целого. При социализме эта тенденция подлежит дальнейшему развитию и полному завершению³.

Интернациональные интересы, общие для всех социалистических стран,— это наиболее адекватное выражение исторической миссии рабочего класса как могильщика капитализма и создателя социализма и коммунизма. Непосредственно связанные не только с внешней, но и с внутренней жизнью народов, интернациональные интересы отражают как потребности всей мировой системы социализма, всего международного рабочего класса, так и коренные потребности отдельных социалистических стран, национальных отрядов рабочего класса.

Единство всех национальных отрядов международного рабочего и коммунистического движения, их интернациональный долг обуславливают осуществление общих закономерностей освободительного движения с учетом национально-специфических особенностей отдельных стран. Говоря о сущности совместного плана действий рабочих всех стран, первоначально начертанного I Интернационалом, Ф. Энгельс разъяснял, что «это план, который свободно приспосабливается к разнообразным условиям каждой нации и каждой местности и сохраняет, тем не менее, повсюду свои основные черты, обеспечивая таким образом единство цели и общее соответствие средств, применяемых для достижения общей цели — освобождения рабочего класса самим же рабочим классом»⁴. В. И. Ленин указывал, что, пока существуют национальные и государственные различия, единство интернациональной тактики рабочего и коммунистического движения всех стран требует не устранения разнообразия, не уничтожения национальных различий, а такого применения основных принципов коммунизма, «которое бы *правильно видоизменяло* эти принципы *в частности*, правильно приспособляло, применяло их к национальным и национально-государственным различиям. Исследовать, изучить, отыскать, угадать, схватить национально-особенное, национально-специфическое в *конкретных* подходах каждой страны к разрешению *единой* интернациональной задачи...»⁵. Он требовал внимательного учета национальных особенностей на базе общих закономерностей социалистического строительства.

Поиски некоего «чисто» национального пути к социализму, отрицание общих закономерностей социалистического строительства, по существу, в корне извращают интернациональную природу социализма, а следова-

³ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 164.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 132.

⁵ В. И. Ленин. Там же, т. 41, стр. 77; см. также стр. 74.

тельно, подрывают и функционирование данного общества как социалистического. В. И. Ленин считал стремление замкнуть социализм в узконациональные рамки изменой не только интернациональным, но и национальным интересам трудящихся.

При социализме расцвет и сближение наций обеспечивается гармоничным сочетанием интернациональных и национальных интересов; их единство понимается не как параллельное развитие или абстрактное тождество, а как диалектическое единство, в котором «отдельное не существует иначе как в той связи, которая ведет к общему. Общее существует лишь в отдельном, через отдельное»⁶.

Развитие наций в СССР, а теперь и в мировом социалистическом содружестве подтверждает вывод марксизма-ленинизма о том, что единство национальных и интернациональных интересов социалистических наций и народностей, их всесторонний расцвет и сближение определяются природой социализма, являются объективной закономерностью развития мировой социалистической системы.

Национальные и интернациональные задачи находятся в неразрывном единстве как общее и отдельное. При этом национально-особенное имеет подчиненное значение по отношению к общему: его удельный вес все более уменьшается по мере выравнивания уровней развития производительных сил, совершенствования социалистических общественных отношений, углубления процесса интернационализации.

В диалектическом единстве национального и интернационального ведущую, доминирующую, определяющую роль играет интернациональное. Оно составляет главный элемент в содержании национального, его удельный вес непрерывно увеличивается.

Доминирующая роль, приоритет интернациональных интересов определяются основным противоречием эпохи — противоборством социализма с капитализмом, объективным процессом интернационализации производительных сил, действием общих закономерностей строительства социализма, необходимостью согласования действий социалистических стран в области внутренней и внешней политики, возрастающим значением социалистического содружества в борьбе против мирового империализма.

Развитие современных производительных сил, укрепляя национальные социалистические хозяйства, усиливает тенденцию перерастания производительными силами национальных границ, ибо только в рамках содружества социалистических стран полнее всего могут реализоваться преимущества социализма, достижения научно-технической революции, а следовательно, и оптимально решаться национально-специфические задачи.

Общность интересов социалистических стран, совпадение их внутренних объективных потребностей, усиление интернационализации хозяйственной и культурной жизни определяют закономерный и исторически необходимый процесс сближения социалистических наций и государств.

Образование и развитие мировой социалистической системы как прообраза будущего единого коммунистического общества объективно выдвинули историческую задачу углубления экономического сотрудничества и братской взаимопомощи социалистических стран, неуклонного сближения их хозяйств и постепенного преодоления различий в уровнях их развития.

В социалистическом содружестве ныне происходит процесс формирования мирового социалистического хозяйства, в которое по мере углубления международного социалистического разделения труда националь-

⁶ См. В. И. Л е н и н. Там же, т. 29, стр. 318.

ные хозяйства социалистических государств, сохраняя свою суверенность, постепенно входят как его неотъемлемая составная часть.

Объективное единство, совпадение коренных национальных и интернациональных интересов, конечных целей социалистических стран не устраняют полностью противоречий внутри мировой системы социализма. На почве определенных различий возникают отдельные несовпадения тех или иных практических задач или специфических первоочередных национальных интересов, однако эти несовпадения не носят антагонистического характера. Они успешно разрешаются на основе социалистического интернационализма, путем товарищеского обсуждения и добровольного, братского сотрудничества. Коммунистические и рабочие партии социалистических стран руководствуются известным положением Ф. Энгельса, что «в рабочем движении *подлинно* национальные идеи, то есть идеи, отвечающие экономическим факторам как в промышленности, так и в сельском хозяйстве, факторам, господствующим в соответствующей стране, в то же время всегда являются и подлинно *интернациональными* идеями»⁷. Исходя из задачи укрепления интернациональной классовой солидарности и правильного сочетания национальных и интернациональных интересов, В. И. Ленин призывал «бороться *против* мелконациональной узости, замкнутости, обособленности, за учет целого, всеобщего, за подчинение интересов частного интересам общего»⁸.

Как показал исторический опыт развития мирового социализма, всякое гипертрофирование национально-специфических интересов, противопоставление их общим, интернациональным интересам наносит ущерб не только высшим целям мирового освободительного движения, но и правильно понимаемым интересам своей страны. Первый секретарь ЦК КПС Г. Гусак отмечал, что «каждый, кто хочет ограничить социализм только узкими национальными рамками отдельных социалистических стран, противопоставлять их интернациональные и национальные интересы, тем самым действует вразрез с объективными потребностями развития социализма в мире и национальными интересами отдельных стран»⁹.

Укрепление единства мировой системы социализма, главной ведущей силы прогрессивного развития человечества — это важнейшая национальная и интернациональная задача братских марксистско-ленинских партий. Становление и развитие социалистического содружества сопровождается совершенствованием межгосударственных связей, преодолением старых представлений о национальных отношениях, ломкой частнособственнических воззрений в сознании людей, внедрением социалистической идеологии. Здесь огромную роль играет субъективный фактор — руководящая, направляющая деятельность партии рабочего класса, ее интернационализм на деле.

КПСС с самого начала становления мировой системы социализма исходила в своей политике из первостепенной важности братской помощи народам, порвавшим с социальным и национальным гнетом. Советский Союз оказывал всемерную поддержку молодым странам народной демократии. С годами эта помощь переросла в эффективную взаимопомощь, что способствовало образованию мощного социалистического содружества — главной силы мирового революционного процесса.

Характеризуя отношение КПСС и Советского правительства к социалистическим странам, Л. И. Брежнев указывал: «ЦК КПСС выдвигает

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 374.

⁸ В. И. Ленин. Там же, т. 30, стр. 45.

⁹ Г. Гусак. Выступление на международном Совещании коммунистических и рабочих партий. В кн. «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий». М., 1969, стр. 516.

и на будущее как одно из главных направлений внешнеполитической деятельности партии и Советского государства развитие и укрепление идейно-политических и организационных связей с коммунистическими партиями всех стран социализма на принципах марксизма-ленинизма, развитие и укрепление политических, экономических и иных связей СССР с социалистическими государствами, всемерное содействие сплоченности социалистического содружества, укрепление его мощи и влияния. КПСС будет со своей стороны делать все от нее зависящее, чтобы мировая социалистическая система становилась все более могучей и шла от победы к победе»¹⁰.

Коммунистические и рабочие партии социалистических стран в полной мере осознают, что в упрочении их связей с КПСС, с Советским Союзом — источник их силы, уверенности в ускорении их развития по пути социализма. Первый секретарь ЦК ПОРП Э. Герек, выступая на XXIV съезде КПСС, отметил, что «дружба и союз с Советской страной глубоко проникли в сознание польского народа, обогатили сущность современного патриотизма»¹¹.

В процессе социалистического строительства коммунистические и рабочие партии социалистических стран широко и творчески используют богатый опыт КПСС и Советской страны. Они руководствуются указанием В. И. Ленина, что «только путем ряда попыток, — из которых каждая, отдельно взятая, будет одностороння, будет страдать известным несоответствием, — создается цельный социализм из революционного сотрудничества пролетариев *всех* стран»¹². Коллективный опыт мирового социализма представляет собой результат действия общих закономерностей социалистического строительства в единстве с конкретно-историческим, особенным, как выявление и использование всего лучшего, что создано и создается социалистическими странами.

Опыт становления и развития социалистического содружества показал, что сила и прочность этого содружества строятся на основе единства целей борьбы за построение социализма и коммунизма и вместе с тем на полном равноправии всех государств и их правящих партий, на прочных и нерушимых принципах социалистического интернационализма.

Идеологи буржуазии часто выступают с клеветническими заявлениями, будто бы соблюдение принципов социалистического интернационализма противоречит национальным интересам социалистических государств, ограничивает, стесняет их суверенитет. Марксистское, «классовое понимание суверенитета, — отмечается в совместном советско-чехословацком заявлении, — включает в себя как неотъемлемое право каждого социалистического государства, каждой коммунистической партии определять формы и методы социалистического строительства, так и прямой долг защищать власть рабочего класса и всего трудового народа, его революционные социалистические завоевания. В этом смысле каждая коммунистическая партия отвечает за свою деятельность перед народом своей страны и несет интернациональную ответственность перед странами социалистического содружества и международным коммунистическим и рабочим движением»¹³.

В наше время сила международного революционного движения, его наступательные потенции определяются прежде всего успехами мирового

¹⁰ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. I. М., 1971, стр. 273.

¹¹ «XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет», т. I, стр. 222.

¹² В. И. Ленин. Там же, т. 36, стр. 306.

¹³ «Правда», 1969, 29 октября.

социализма. Рассматривая вопрос о роли социалистической системы в реализации задач коммунистического движения, Л. И. Брежнев подчеркнул, что развитие и укрепление мировой системы социализма — самый ценный вклад народов социалистических стран в общее революционное дело коммунистов, в антиимпериалистическую борьбу, и указал на важность и актуальность задачи «укрепления сплоченности и развития всестороннего сотрудничества социалистических стран»¹⁴.

В Отчетном докладе XXIV съезду КПСС был дан марксистский анализ глубоких процессов, происходящих в мировой социалистической системе. Самым характерным является то, что в настоящее время неуклонно идет объективный процесс интернационализации хозяйственной, политической и культурной жизни социалистических стран, сближения их национальных хозяйств. Конкретным проявлением этого процесса является социалистическая экономическая интеграция, сознательно регулируемая и осуществляемая братскими партиями и правительствами стран — членов Совета Экономической Взаимопомощи на основе совместно выработанной программы.

XXV сессия Совета Экономической Взаимопомощи единогласно приняла «Комплексную программу дальнейшего углубления и совершенствования сотрудничества и развития социалистической, экономической интеграции стран — членов СЭВ», разработанную усилиями всех государств — участников СЭВ. Эта программа, рассчитанная на поэтапную реализацию в течение 15—20 лет, представляет собой комплекс экономических и организационных мероприятий, основанных на базе прочного и устойчивого международного разделения труда. Она знаменует качественно новый этап в экономическом сотрудничестве социалистических стран, свидетельствует о все большем сплочении этих стран, о все более согласованных их действиях в деле строительства социализма и коммунизма, в укреплении экономического и оборонного могущества мировой социалистической системы, в упрочении международных позиций социалистического содружества и в укреплении мира и безопасности народов всех стран. «Вбирая в себя ранее существовавшие формы, — отмечает секретарь ЦК КПСС К. Ф. Катушев, — эта программа утверждает самые прогрессивные в современных условиях методы сотрудничества, открывает широкую перспективу взаимодействия братских стран в интересах их ускоренного развития»¹⁵.

В последующие годы сессии СЭВ наметили конкретные шаги по ускорению и углублению интеграционного процесса, совершенствованию его планирования с учетом развертывающейся научно-технической революции. Экономическая интеграция ускоряет социалистическое и коммунистическое строительство, усиливает мощь и единство мирового социализма, умножает его воздействие на ход и темпы общественного прогресса в целом.

Важное значение в процессе укрепления всестороннего сотрудничества, обогащения опытом создания нового строя, выработки механизма комплексного и гармоничного развития социалистических стран, как и системы в целом, имели состоявшиеся в 1971, 1972 и 1973 годах встречи руководителей коммунистических и рабочих партий в Крыму. На них рассматривались актуальные вопросы внешнеполитической обстановки, анализировался ход решения задач, поставленных мировым коммунистическим движением перед его важнейшей составной частью — партиями социалистической системы. Участники встреч единодушно отметили жиз-

¹⁴ Л. И. Б р е ж н е в. Ленинским курсом. Речь и статьи, т. II, стр. 591.

¹⁵ К. К а т у ш е в. Главное направление. «Проблемы мира и социализма», 1973, № 8, стр. 7.

ненность и действенность активной миролюбивой внешней политики социалистических стран, указали на большое международное значение разработанной XXIV съездом КПСС Программы мира, уделили большое внимание задачам упрочения европейской безопасности и созыва общеевропейского совещания. Как на задачу первостепенной важности участники крымских встреч указали на необходимость дальнейшей борьбы за укрепление единства и сплоченности социалистических стран, международного рабочего и коммунистического движения, всех антиимпериалистических сил с целью обеспечения прочного мира и ускорения развития мирового революционного процесса.

Объективная потребность непрерывного расширения межпартийных связей реализуется в систематических контактах на всех уровнях и в разнообразных формах, как в многостороннем, так и двустороннем порядке. Среди них особое место принадлежит совещаниям и встречам генеральных (первых) секретарей центральных комитетов коммунистических партий социалистического содружества. На совещаниях секретарей центральных комитетов партий социалистических стран в 1973, 1974 и 1975 гг. обсуждались вопросы деятельности партий в идеологической области и по проблемам партийного строительства. Идеологическое сотрудничество, координация мероприятий в этой области стали важной частью совместной деятельности братских партий.

Огромная, все возрастающая роль принадлежит социалистическому содружеству в том коренном повороте к разрядке международной напряженности, который стал возможен именно благодаря росту силы и влияния на судьбы мира социалистических стран. Социалистическая политика мира, самым ярким выражением которой является Программа мира, выдвинутая XXIV съездом КПСС, поддержанная и проводимая в жизнь усилиями всего социалистического содружества, создала благоприятные перспективы для революционных сил современности, для укрепления политических и идеологических позиций социализма в мире. Ярчайшим проявлением, торжеством социалистической политики мира, подтверждением огромного успеха последовательного курса социалистических стран на обеспечение и сохранение мира во всем мире явились результаты Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Мировое социалистическое содружество превратилось, как и предвидел В. И. Ленин, в силу, «способную иметь решающее влияние на всю мировую политику»¹⁶.

¹⁶ В. И. Ленин. Там же, т. 41, стр. 165.

И. В. МИХУТИНА

СОВЕТСКО-ПОЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В НАЧАЛЕ ПОЛЬСКО-ГЕРМАНСКОГО СБЛИЖЕНИЯ (февраль — апрель 1934 г.)

Международная обстановка, сложившаяся после прихода нацистов к власти в Германии, поставила правительство Польши перед ответственным выбором, от которого, как показало дальнейшее развитие событий, зависело само существование польского государства.

Советское правительство, правильно оценивая степень опасности нацистской агрессии, считало, что сотрудничество государств, которым угрожает гитлеровская экспансия, было бы наиболее эффективно не только для отражения агрессии, но и ее предупреждения политическими средствами. Стратегическое положение Польши на пути германского «похода на Восток», острота и неразрешимость противоречий с Германией, открыто претендовавшей на польские территории в западной части страны, создавали объективную заинтересованность Польши в реализации советской концепции. Учитывая это, советская дипломатия видела свою задачу в привлечении Польши ко всем мероприятиям по укреплению мира, а особенно тем, которые способствовали бы безопасности стран Центральной и Восточной Европы.

В свою очередь нацистская дипломатия прилагала усилия к тому, чтобы не допустить образования фронта стран против агрессии и особенно помешать формированию наиболее важного его звена — взаимодействия СССР и Польши.

Если стремление Советского Союза к сближению с Польшей носило принципиальный характер и основывалось на объективной общности их национальных интересов, то заинтересованность Германии в позиции Польши объяснялась временными, тактическими причинами: Гитлеру важно было обеспечить нейтральное отношение польского правительства на начальной стадии подготовки к войне, которая представлялась ему наиболее опасной из-за отсутствия достаточной армии. Вопрос же о том, станет ли Польша в дальнейшем послушным пособником нацистской Германии в «походе на Восток» или ее сопротивление придется подавить силой, для гитлеровского правительства принципиального значения не имел. Этим определялся временный характер положения, когда Польше представлялась возможность выбора ориентации и неравноценность вариантов.

Задачей настоящего сообщения является проследить развитие советско-польских межгосударственных отношений в период формирования той линии внешней политики Польши, которая не менялась по существу вплоть до второй мировой войны, выявить мотивы сделанного выбора и показать

отношение польской общественности к принятой правительством ориентации.

По мере успехов советской политики в консолидации на миролюбивой основе стран Центральной и Восточной Европы (заключение по инициативе СССР в июле 1933 г. двумя группами стран с участием Польши конвенции об определении агрессора) росла активность нацистской дипломатии в отношении Польши. Первоначально Гитлер ограничивался неофициальными декларациями и пожеланиями об урегулировании польско-германских противоречий, не подкрепляя их никакими конкретными мерами. В конце 1933 г. после советско-французских консультаций идея коллективной безопасности приобрела конкретную форму многостороннего соглашения о взаимопомощи с участием СССР, Франции, Польши и других стран Центральной и Восточной Европы. План коллективной безопасности тогда еще не созрел для оглашения, но советская дипломатия развернула подготовительную работу, предложив Польше выступить с совместной декларацией о независимости стран Прибалтики. В таких условиях нацисты сочли за лучшее дать согласие на переговоры с Польшей для общего урегулирования отношений. История переговоров свидетельствует о том, что желание не допустить советско-польского сближения было решающим мотивом, а вопрос о балтийской декларации — дополнительным толчком к подписанию Германией с Польшей¹ 26 января 1934 г. декларации о ненападении.

Несмотря на некоторое внешнее сходство между этой декларацией и договорами о ненападении, заключенными СССР с Польшей и рядом других стран, обстановка, в которой она была подписана, а также формально-правовые различия придали польско-германской декларации совершенно отличный от других подобных договоров смысл. Этот акт, последовавший за разрывом нацистов с международными организациями², позволил гитлеровской Германии избежать международно-политической изоляции в наиболее важный для нее момент. Временное ослабление напряженности на польско-германской границе было достигнуто ценой молчаливого согласия Польши на развитие гитлеровской агрессии в двух направлениях: на юго-восток, против Австрии и Чехословакии, а также на восток, против Советского Союза. Антисоветский аспект соглашения был особо подчеркнут Гитлером в беседе с польским посланником Ю. Липским накануне подписания декларации³. Экспансионистская направленность, не конкретизированная, правда, в официально зафиксированных планах, выразилась в виде некоторых общих принципов декларации. В отличие от других договоров о ненападении в ней не было обязательства не оказывать помощь контрагенту в случае его нападения на третье государство. Наконец, особое значение приобрел двусторонний характер договоренности, специально обусловленный в тексте декларации. Преувеличенное внимание к этому аспекту польской стороны первоначально было продиктовано стремлением оградить себя от попыток западных держав разрешить польско-германские противоречия за счет Польши. Нацистская же дипломатия, ловко используя недовольство Польши политикой западных держав, ста-

¹ Подробно об этом см. И. В. М и х у т и н а. СССР и польско-германское сближение на рубеже 1933—1934 гг. «Советское славяноведение», 1973, № 6.

² В октябре 1933 г. Германия объявила о выходе из Лиги наций и отказе от участия в Конференции по сокращению и ограничению вооружений.

³ Гитлер заметил тогда, что видит роль Польши как «последнего бастиона западной цивилизации против сцементированной коммунистической доктрины России». На это Липский ответил, что «Польша в своей истории уже не раз исполняла историческую роль, заслоня западную культуру» («Dokumenty dotyczące genezy polsko-niemieckiej deklaracji o niestosowaniu przemocy z 26 I 1934», «Studia z najnowszych dziejów powszechnych», t. 5. Warszawa, 1963, s. 283).

ла искусственно противопоставлять принципы двусторонних и многосторонних межгосударственных отношений, чтобы заранее «теоретически обосновать» и обусловить неучастие Польши в системе коллективной безопасности.

Менее обязывающая форма декларации, на которой настояли гитлеровцы, позволила избежать некоторых нежелательных, с точки зрения их подлинных целей, условий, присущих договорам о ненападении. Значение отказа от применения силы ослабилось отсутствием определения агрессора, которое, например, в советско-польском пакте органически вписывалось в главное условие договора. Декларация не фиксировала также правовых основ отношений договаривавшихся стран, а между тем Германия не признавала границы с Польшей, определенной Версальским миром.

Двусмысленность такого положения, с одной стороны, а с другой — подчеркнутая удовлетворенность польского правительства породили в дипломатических кругах и европейском общественном мнении опасения, что обойденные в декларации жизненно важные для Польши вопросы нашли разрешение в секретной польско-германской договоренности за счет третьих стран. Распространению этой версии в немалой степени способствовала провокационная тактика нацистов, заинтересованных в компрометации и изоляции Польши. Так, выходявший в Германии бюллетень «Фюрербрифе» в начале февраля 1934 г. многозначительно сообщил, будто польско-германское соглашение сводит на нет франко-польский союз, ликвидирует обязательства Польши как члена Лиги наций, выдает Германии Австрию и обеспечивает Германии свободу рук в Прибалтике вплоть до согласия на ликвидацию независимости стран этого района⁴.

Советское правительство не исключало секретной польско-германской договоренности и имело в виду проверку этой версии. Однако в оценке им официально известного соглашения между Польшей и Германией преобладало основанное на реалистическом и точном анализе польско-германских противоречий мнение о непрочности и временном характере урегулирования. В случае близости польской точки зрения на договоренность с Германией с мнением советских официальных кругов правомерно было рассчитывать на заинтересованность в развитии отношений с СССР. На выяснение польской позиции была направлена как деятельность советской дипломатии⁵, так и выступления ведущих органов печати, подвергших специальному рассмотрению положение, созданное польско-германской декларацией. «Означает ли это соглашение, — ставился вопрос в редакционной статье „Правды“, — что Польша готова вести переговоры о своих границах?.. Неясным является вопрос, признало ли германское правительство польско-германскую границу как не подлежащую изменению или же оно отказывается только от применения насилия для изменения границ»⁶. Опасный для Польши смысл неразрешенных в декларации вопросов конкретизировался в редакционном комментарии «Известий»: «Решимость, с которой правительство Гитлера пошло на подписание подобного соглашения, — говорилось в нем, — не могла не вызвать за границей вопроса о том, имеется ли здесь действительная капитуляция Германии, или же лишь внешнеполитический маневр?... Какие компенсации и за чей счет обещаны Германии за ее отказ от насильственного изменения границ... ибо вряд ли добровольно Польша согласилась бы на новый раздел своей терри-

⁴ «Führerbriefe», 3 II 1934.

⁵ «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. VI. М., 1969, стр. 156—163; «Документы внешней политики СССР» (далее — ДВП СССР), т. XVII. М., 1971, стр. 108—109; Archiwum Akt Nowych. Ministerstwo Spraw Zagranicznych (далее ААН MSZ), Р III, t. 61 [75 Sow], k. 123—125.

⁶ «Правда», 1934, 29 января.

тории. Этот последний вопрос должен интересовать не одно соседнее с Польшей государство»⁷.

Обращая внимание на двусмысленность польско-германского соглашения и провокационную тактику гитлеровцев, советская печать к большому неудовольствию польской дипломатии прямо заявляла, что положение может прояснить только четко выраженное мнение польского правительства по вызывавшим сомнения вопросам⁸. В редакционном комментарии «Известий» по поводу упомянутого выступления «Фюрербрифе» подчеркивалось, что только польские ответственные круги могут дать ответ на вопрос «имеем ли мы тут дело с благими пожеланиями Германии или же надо искать другого объяснения этой интерпретации»⁹.

Впечатление неблагоприятного делу мира поворота в польской политике усилилось после того, как в начале февраля под самыми неубедительными предлогами была отклонена балтийская декларация, на которую в свое время польской стороной давалось предварительное согласие. Хотя факт обусловленности этого решения требованием нацистской дипломатии тогда не был известен, связь его с польско-германским соглашением не вызвала сомнений.

Критическое отношение Советского правительства к польскому курсу на сближение с Германией нарушило идиллию «равновесия между Востоком и Западом», которая мерещилась правящим кругам «санации» в связи с декларацией 26 января. Констатируя «недоверие» правительства СССР к новой польской ориентации, посланник Лукасевич избрал первоначально в Москве тактику необоснованных, как сам цинично писал в польский МИД, нападок и упреков, с помощью которых пытался возложить на СССР ответственность за неизбежное при новой ориентации Польши охлаждение советско-польских отношений. Однако, убедившись вскоре в безрезультатности и даже обратном эффекте такого рода средств¹⁰, он вынужден был признать целесообразным для ослабления возникшей напряженности скорейшее осуществление визита в Москву министра иностранных дел Польши Ю. Бека, намеченного во время переговоров о балтийской декларации. Отмечая заинтересованность советской дипломатии в непосредственном контакте с главой польского МИД, посланник советовал Беку использовать это для постановки вопросов, отражавших империалистические тенденции польской политики. «Думаю, — телеграфировал он 3 февраля, — что если бы г. министр хотел добиться каких-либо выгодных нам шагов советской политики в литовском вопросе¹¹, это было бы возможно; Литвинов же мог бы увидеть в этом опосредствованное доказательство независимости от Берлина нашей балтийской политики»¹². Другой такого рода темой он назвал посредничество Польши в советско-румынских отноше-

⁷ «Известия», 1934, 29 января.

⁸ Выражая недовольство по поводу того, что советская печать сделала достоянием широкой общестественности отрицательные стороны польско-германского соглашения, посланник Польши в СССР Ю. Лукасевич писал в своем донесении в Варшаву от 3 февраля: «...следует на долгое время отбить у советских политиков желание воздействовать на нас публичным путем». AAN MSZ, P III, t. 61 [75 Sow], k. 118. В качестве ответной меры на комментарий «Известий» о провокации немецкой печати он предложил поместить в офицозе МИД «Курьер поранны» под видом телеграммы из Хельсинки материал, полный гнусных измышлений о советской политике. Ibid., t. 319 [49 Og], k. 188.

⁹ «Известия», 1934, 4 февраля.

¹⁰ AAN MSZ, P III, t 61 [75 Sow], k. 117—120.

¹¹ Польша добивалась признания со стороны СССР произведенной ею аннексии в 1919 г. литовских территорий с г. Вильнюсом.

¹² AAN MSZ, P III, t. 61 [75 Sow], k. 11.

ях. Однако, обратившись в Бухарест, Бек не получил согласия на это румынского правительства¹³.

Принципиальная установка правительства Польши состояла в том, чтобы придать визиту чисто внешний, демонстративный характер. Ю. Пилсудский, фактический диктатор Польши, инструктируя Бека в связи с предстоящим визитом, предлагал ему создать «атмосферу значительной свободы и даже дружеской манифестации», но в то же время соблюдать «осторожность» и уклоняться «от какого-либо сотрудничества с Советами»¹⁴. Поэтому программа бесед, переданная в Москву, была сформулирована в самом общем виде. «Прошу заявить Литвинову, — телеграфировал Бек Лукасевичу, — что мне кажется естественным использование первого личного широкого контакта для изложения друг другу политической позиции Польши и СССР... Намерен говорить также о разоружении и нескольких других вопросах, о которых не хочу сообщать предварительно»¹⁵. Зато в Берлине в связи с подготовкой московского визита были даны совершенно конкретные обязательства. «Суть бесед в Москве, — говорилось в письме директора кабинета министра иностранных дел Р. Дембицкого к посланнику в Германии Ю. Липскому от 6 февраля, — можно негативно свести к следующему: 1) балтийская декларация совершенно неактуальна; 2) никакие соглашения или переговоры, хотя бы косвенно направленные против Германии, не будут иметь места.... Не может быть и речи ни о каком влиянии польско-русских отношений на нашу принципиальную позицию»¹⁶.

Понятно, что в таких условиях официальный визит Бека в Москву, состоявшийся 13—15 февраля 1934 г., предвещал ограниченные политические последствия. Несомненно важная протокольная его сторона прошла безупречно и полностью удовлетворила непомерное честолюбие польского министра¹⁷. Он был принят Председателем ЦИК СССР, главой Советского правительства, имел беседы с народными комиссарами обороны и иностранных дел. Но обсуждение наркомом иностранных дел СССР М. М. Литвиновым и Беком политических проблем, чему советская сторона придавала решающее значение, подтвердило принципиальные разногласия.

Польский представитель, не заинтересованный в обсуждении вопросов европейского положения по существу, вел дискуссию поверхностно, уклоняясь от конкретных ответов и не заботясь об убедительности своих доводов и утверждений. Возвратившись позже, в воспоминаниях, к событиям тех дней, Бек лишь одной небрежной фразой упомянул об этой стороне своей миссии. «Политические беседы, — писал он, — были длинными, но по преимуществу касались общих вопросов и не добавили каких-либо новых элементов в наши взаимоотношения»¹⁸. Еще более лаконичным оказался Р. Дембицкий, сопровождавший Бека в Москву. В своем исследовании о внешней политике межвоенной Польши он вообще не обмолвился о состоявшихся политических беседах, охарактеризовав визит лишь с протокольной стороны¹⁹. Причиной такого рода «сдержанности», очевидно, не будет ошибкой считать стремление санационных дипломатов скрыть те эпизоды их деятельности, в которых порочность внешнеполитического курса режима санации выглядит особенно очевидной в сопоставлении с реалистической и дальновидной политикой Советского Союза.

¹³ Ibid., t. 316 [49 Og], k. 111; «Документы и материалы...», т. VI, стр. 171.

¹⁴ J. В е с k. Final Report. New York, 1957, p. 51.

¹⁵ AAN MSZ, P III, t. 316 [49 Og], k. 116.

¹⁶ «Документы и материалы...», т. VI, стр. 165.

¹⁷ J. В е с k. Ibid., p. 52.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ R. D e b i c k i. Foreign Policy of Poland. New York, 1962, p. 78.

В ходе обмена мнениями это выявилось прежде всего в диаметрально противоположной оценке роли гитлеровской Германии в Европе и, следовательно, отношения к ней обоих правительств. Бек отрицал военную опасность со стороны Германии и подчеркивал, что считает двустороннее урегулирование надежным средством разрешения межгосударственных противоречий. Относительно мотивов согласия Гитлера на ослабление напряженности с Польшей, с недоверием встреченного всеми реально мыслящими политиками, Бек заявил, что видит их во внутренней слабости нацистского режима, в отказе Гитлера от пропаганды агрессии, носителями которой, по мнению польского министра, были только прусские элементы, «придававшие преувеличенное значение вопросу о коридоре и Восточной Пруссии», а также якобы в сознании нацистами истинной роли Польши, которую нельзя считать «маленьким сезонным государством»²⁰.

М. М. Литвинов, не соглашаясь с таким объяснением, подчеркивал, что видит опасность в вопиющем противоречии между программными целями нацизма и характером польско-германского соглашения. «Гитлер пришел к власти и собрал свои силы на определенной платформе непризнания польского коридора и призыва к реваншу, — говорил нарком, — он своим нынешним соглашением становится в противоречие с этой платформой и этим подрывает свой престиж внутри страны, в особенности внутри своей собственной партии»²¹. Опираясь на красноречивые факты, советский представитель показал, что Гитлер не покончил с воинственной идеологией германского империализма. «В смысле идеологии, — подчеркнул М. М. Литвинов, — Германия есть теперь сплошная Пруссия. Прусские изречения о необходимости найти себе место под солнцем, об избытке населения, которому нужно найти новые территории для колонизации, глорификация военного духа и военных завоеваний находят себе наиболее яркое выражение в учениях гитлеровцев. О стремлениях гитлеровцев мы судим по прежней гитлеровской литературе, а не по тем политическим речам, которые Гитлер теперь произносит... Эти речи вызываются тактическими соображениями»²². На основании анализа политической атмосферы в Германии нарком сделал вывод, что политика соглашения с Польшей выглядит как маневр, рассчитанный на подготовку к захвату чужих территорий.

Позиция Бека не оставляла сомнений в нежелании правительства Польши сотрудничать с СССР в деле предотвращения гитлеровской агрессии. Польский министр не только подтвердил отказ от балтийской декларации, но и отклонил предложение прямо упомянуть в совместном коммюнике о визите об обоюдной заинтересованности в независимости стран Прибалтики.

Конкретными результатами визита была договоренность о преобразовании дипломатических представительств в посольства, а также согласие представителей Польши на обсуждение вопроса о продлении советско-польского пакта о ненападении²³. Однако польская дипломатия опасалась, что осуществление названных мер не понравится Германии и затормозит сближение с ней: 24 февраля предстоял обмен ратификационными документами декларации о ненападении, в стадии обсуждения находилось опубликованное 27 февраля соглашение об отказе от враждебной пропаганды, начались переговоры о прекращении «таможенной войны» и нормах регулирования экономических отношений. Поэтому согласие Бека на продление советско-польского пакта было очень сдержанным и со-

²⁰ «Документы и материалы...», т. VI, стр. 168.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же, стр. 169, 172.

ровождалось ссылками на формальные трудности этого акта. Уклончивая позиция представителя Польши отразилась и в совместном коммюнике, где вместо конкретного упоминания об увеличении срока действия пакта до 10 лет говорилось, что этому договору «признано желательным придать возможно длительный характер»²⁴.

20 февраля Лукаевич сообщил М. М. Литвинову об отсутствии у него соответствующих инструкций для официальных переговоров о продлении пакта²⁵. В предварительном порядке он заметил, что продление советско-польского пакта можно было бы синхронизировать с продлением аналогичных договоров СССР со странами Прибалтики²⁶, и дополнить заключением советско-румынского пакта о ненападении. В духе не новой в практике польской дипломатии тенденции противопоставления СССР соседних государств во главе с Польшей Лукаевич превратно толковал раздел советско-польского коммюнике, в котором говорилось, что «оба правительства и впредь готовы сотрудничать между собою в деле сохранения и укрепления всеобщего мира, уделяя особое внимание... сохранению мирных и нормальных отношений в ближе интересующей оба государства восточной части Европы»²⁷. Советская дипломатия считала, и это соответствовало содержанию московских бесед М. М. Литвинова и Бека, что в приведенных словах «отразились следы переговоров» о балтийской декларации как политической мере предосторожности против германской агрессии²⁸. Лукаевич же произвольно связал их с проблемой нормализации советско-румынских и польско-литовских отношений, сделав упрек, будто Советское правительство мешает последней. М. М. Литвинов отверг это необоснованное обвинение, заявив, что политика СССР в поднятом вопросе «определяется советско-польским и советско-литовским мирными договорами, согласно которым спорный вопрос о Виленщине должен быть решен между Польшей и Литвой»²⁹.

Нарком отметил также, что подписание польско-германской декларации, в которой интересы безопасности стран Прибалтики не нашли отражения, делает беспочвенной новую попытку Польши выступить перед СССР от ее имени. Еще меньше оснований было для нового рассмотрения вопроса о советско-румынском пакте ненападения, так как после заключения конвенции об определении агрессора Румыния признала этот документ «вполне заменяющим пакт о ненападении, а в рассматриваемое время приняла решение об установлении нормальных дипломатических отношений с СССР»³⁰.

25 марта Лукаевич сообщил члену Коллегии НКВД СССР Б. С. Стомякову, что Польша предлагает вместо увеличения основного срока действия пакта подписать протокол о многократном автоматическом двухлетнем продлении, если ни одна из сторон не объявит предварительно

²⁴ «Известия», 1934, 16 февраля.

²⁵ Он обещал представить официальный ответ польского правительства после кратковременной — на 24 часа — поездки в Варшаву, но на следующий день получил сообщение вице-министра иностранных дел, что решение задерживается из-за болезни Бека (AAN MSZ, P III, t. 316 [49 Sow]). В результате поездки Лукаевича состоялась только в середине марта и заняла 10 дней, что соответствовало намерению польской дипломатии оттянуть переговоры («Документы и материалы...», т. VI, стр. 181).

²⁶ В тот же день Лукаевич предупредил эстонского посланника в Москве, что в случае советского предложения о продлении советско-эстонского пакта, правительству Эстонии следует обусловить ответ позицией Польши и дожидаться ее решения (AAN MSZ, P III, t. 61 [75 Sow], к. 151).

²⁷ «Известия», 1934, 16 февраля.

²⁸ ДВН СССР, т. XVII, стр. 206.

²⁹ «Документы и материалы...», т. VI, стр. 176; AAN MSZ, P III, t. 61 [75 Sow], к. 142.

³⁰ «Документы и материалы...», т. VI, стр. 175—176.

о расторжении. Он доказывал, будто «польско-советский пакт был лишь частью общей акции по умиротворению Восточной Европы» и поэтому его невозможно продлить вне связи с аналогичными договорами между СССР и прибалтийскими странами, что якобы может не состояться из-за анти-советской позиции Финляндии. Советский представитель отметил, что позиция Польши означает фактический отказ от продления пакта, так как ее предложение оставляет за сторонами право расторжения его уже через год. Он констатировал нежелание польского правительства нести перед СССР такие обязательства, которые были приняты в соглашении с Германией безо всяких оговорок³¹.

Между тем 20 марта Советское правительство обратилось к Латвии, Литве и Эстонии, а 27 — к Финляндии, с предложением продлить договоры с этими странами на 10-летний срок³². 28 марта Б. С. Стомоняков сообщил польскому представителю о положительном решении первых трех стран (аналогичный ответ Финляндии последовал 30 марта). Он заметил, что в связи с предстоящими актами нельзя будет умолчать о советском предложении Польше и ее отказе, который «произведет очень неблагоприятное впечатление как на советскую, так и на заграничную общественность и бросит тень на наши отношения»³³.

Оценив смысл происшедшего, Лукасевич вынужден был признать неудачу избранной польской дипломатией тактики³⁴. «Я должен подчеркнуть, — писал он Беку, — что... было бы очень трудно как тянуть с переговорами, так и придерживаться программы-минимум, привезенной мною из Варшавы... Желая любой ценой обеспечить себе прочный мир и получить доказательства искренности нашей политики, советская дипломатия старалась исполнить наши пожелания даже прежде, чем они были выражены в официальной форме и лишить нас аргументов для дальнейшей проволочки с окончательным разрешением вопроса. Он предлагал уступить советским предложениям, так как затяжка переговоров «произвела бы серьезное, длительное и неблагоприятное впечатление на советскую сторону», а постановка новых осложняющих вопросов «вызвала бы сильное и в дальнейшем трудно изгладимое впечатление злоупотребления доверием, оказанным Советским правительством»³⁵.

31 марта Лукасевич сообщил Б. С. Стомонякову, что Бек дал согласие на переговоры, но обусловил продление пакта оговоркой об устранении якобы существующего противоречия между мирным договором СССР с Польшей и советско-литовским пактом о ненападении. Лукасевич еще 25 марта в предварительном порядке предупреждал, что польское правительство может выдвинуть вопрос о так называемой «ноте Чичерина»³⁶, которая будто не соответствует советско-польскому пакту о ненападении³⁷.

Правительству СССР было важно продлить пакт с Польшей и получить тем самым опосредствованный довод отсутствия фиксированных антисоветских условий польско-германского соглашения, толки о которых не ос-

³¹ ДВП СССР, т. XVII, стр. 204—210.

³² Там же, стр. 213, 307.

³³ «Документы и материалы...», т. VI, стр. 187.

³⁴ Вечером того же дня он узнал, что по настоянию правительств Латвии и Эстонии НКВД СССР в ближайшие дни сделает соответствующие сообщения в печати. AAN MSZ, Gabinet Ministra, t. 22 [49 Sow], k. 28.

³⁵ Ibid., k. 25—28.

³⁶ В советской ноте от 28 сентября 1926 г., направленной литовскому правительству при подписании советско-литовского договора о ненападении, подтверждалось признание Советским Союзом территориального суверенитета Литвы, несмотря на аннексию Польшей части ее территории (ДВП СССР, т. IX, стр. 446—448).

³⁷ Там же, т. XVII, стр. 207.

лабевали в дипломатических сферах и широких кругах европейской общестственности³⁸.

2 апреля М. М. Литвинов передал через Лукасевича, что Советское правительство может согласиться сопроводить продление пакта заключительным протоколом, констатирующим взаимное отсутствие обязательств, противоречащих постановлениям мирного договора. Поскольку польский представитель настаивал, чтобы Литва была специально названа, в первоначальный текст было внесено упоминание ст. 3. Рижского мирного договора, в которой говорилось, что территориальный спор между Польшей и Литвой подлежал разрешению исключительно двумя этими странами³⁹.

Однако Варшава отклонила и такой вариант. Там считали неприемлемой ссылку на ст. 3 Рижского договора целиком, так как наряду с литовским вопросом в ней содержалось обязательство о взаимном отказе от претензий на украинские и белорусские земли по обе стороны советско-польской границы. Упоминание этого условия в данном контексте рассматривалось советской дипломатией как косвенное признание Польшей отсутствия прямого соглашения с Гитлером относительно соответствующих советских территорий⁴⁰. Кроме того, несогласие советской стороны задержать продление пактов со странами Прибалтики⁴¹, означавшее утрату Польшей шансов выступить в роли лидера в этом районе, вновь свели до минимума интерес польской дипломатии к советской инициативе. В переданном 5 апреля Лукасевичем ответе Бека повторялись измышления о мнимом советском вмешательстве в польско-литовские отношения на стороне Литвы и говорилось, что предложенное толкование «ноты Чичерина» не удовлетворяет польское правительство.

Возражая против подобного искажения советской политики, М. М. Литвинов напомнил, что правительство СССР в подписанных с Польшей документах обязалось признать всякое «полюбовное соглашение между Польшей и Литвой», и что «нота Чичерина» не противоречит, а подтверждает это условие и к тому же не накладывает на СССР никаких обязательств перед Литвой, в том числе и враждебных Польше. Он отметил также, что если бы Польша действительно видела противоречие между нотой и советско-польским договором, то несомненно давно протестовала бы, в то время как в действительности вопрос ни разу не поднимался, в том числе при таких важных событиях, как заключение в 1932 г. пакта о ненападении, обсуждение советско-польских отношений во время пребывания Бека в Москве и даже при недавнем контрпредложении Польши заменить десятилетнее продление бессрочным автоматическим двухлетним. Доказав таким образом отсутствие органической связи между актом продления и условием специальной интерпретации «ноты Чичерина», нарком предложил сначала безо всяких условий продлить пакт, а затем вступить в переговоры о значении ноты или других мнимых источников недоразумений.

³⁸ Там же, стр. 277; «Документы и материалы...», т. VI, стр. 169. Западная печать сообщала о все новых вариантах польско-германского сговора, акцентируя его анти-советский характер. Например, швейцарская газета «Нейе цюрихер пайтунг» от 12 апреля упоминала о секретном соглашении с Германией, которое позволит Польше претендовать на Советскую Украину и всю территорию Литвы (Телеграмма корреспондента ТАСС из Женевы 12 апреля 1934. Отдел рукописных фондов Института истории СССР АН СССР, 1934, д. 19, п. 2).

³⁹ ДВП СССР, т. III, стр. 623.

⁴⁰ «Документы и материалы...», т. VI, стр. 189; ДВП СССР, т. XVII, стр. 235.

⁴¹ 2 апреля М. М. Литвинов сообщил польскому посланнику, что соответствующие документы с тремя прибалтийскими странами согласованы и изменить в них что-либо невозможно («Документы и материалы...», т. VI, стр. 189). Подписание их состоялось 4 апреля в Москве (ДВП СССР, т. XVII, стр. 226—232).

Вместо ответа на это предложение 13 апреля Лукасевич представил в НКВД СССР проект протокола, который польская сторона хотела присоединить к документу о продлении пакта. Предложенный документ представлял собой совершенно самостоятельный акт о признании суверенитета Польши над захваченными у Литвы Вильнюсом и окрестностями. Он имел целью узаконить этот захват, посорить Литву с Советским Союзом, изолировать и сломить ее сопротивление польским претензиям. Отчетливым было также желание избежать формулировки, из которой следовало бы, что у Польши нет обязательств, противоречащих ст. 3 Рижского договора.

Домогательства политической компенсации за продление пакта в виде признания Советским Союзом захвата Польшей Вильнюса нашли отражение даже в речи Лукасевича 13 апреля при вручении документов об аккредитовании его в качестве посла Польши в СССР. Чтобы опорочить советскую политику, он счел уместным вопреки дипломатической традиции упомянуть о «тех моментах, которые могли бы затруднить упрочение и углубление взаимного доверия». Этот выпад получил должный отпор в ответной речи М. И. Калинина. Председатель ЦИК СССР подчеркнул, «что благодаря усилиям обоих правительств уже достигнуты положительные результаты в деле устранения тех моментов, которые затрудняли сближение... стран», и выразил надежду на «конструктивную и деловую» работу правительств СССР и Польши для «успешного и гармоничного» развития отношений в дальнейшем⁴².

16 апреля М. М. Литвинов сообщил Лукасевичу о неприемлемости польского проекта, так как последний фактически ведет к аннулированию «ноты Чичерина», только что продленной вместе с советско-литовским пактом о ненападении. Нарком предложил ряд поправок к составленному польской стороной тексту, обсуждение которых продолжил с польским послом 22 апреля. Польской стороне не удалось добиться ни признания СССР суверенитета Польши над Вильнюсом, ни новой формулировки позиции СССР в польско-литовском споре. Но и отказ от продления пакта после таких длительных и сложных переговоров вызвал бы нежелательно резкое отчуждение в советско-польских отношениях, наглядное размежевание с прибалтийскими странами, недовольство Франции⁴³, а также осуждение широких кругов общественности внутри страны⁴⁴.

Согласование спорных формулировок завершилось только 5 мая. Затем был обсужден составленный советской стороной протокол продления договора о ненападении и в тот же день оба документа были подписаны представителями правительств СССР и Польши⁴⁵.

Хотя эти документы были приняты в форме, на которой настаивала польская сторона, в содержании их нашла исчерпывающее выражение позиция Советского правительства. Само продление договора о ненападении наряду с аналогичными актами между СССР и странами Прибалтики, служило, как писала «Правда», «укреплению и упрочению базы мирных отношений между Советским Союзом... и его крупнейшим западным сосе-

⁴² ДВП СССР, т. XVII, стр. 258—260.

⁴³ В это время Франция, ведя переговоры с СССР о системе коллективной безопасности Восточной Европы, была особенно заинтересована в расширении советско-польских отношений. Так что не случайно 22 апреля, в день приезда в Варшаву с официальным визитом министра иностранных дел Франции Л. Барту, официоз «Газета польска», опережая события, сообщила, будто переговоры о продлении советско-польского пакта уже закончились положительно («Gazeta Polska», 22 IV 1934).

⁴⁴ Тактика промедления, проводимая санационной дипломатией в переговорах с СССР, вызвала энергичную критику оппозиционной печати, особенно после продления пактов прибалтийскими странами («Polonia», 7 IV 1934; «Kurier Warszawski», 30 IV 1934).

⁴⁵ «Документы и материалы...», т. VI, стр. 195—197.

дом — Польшей..., делу упрочения мира на востоке Европы и упрочению независимости Прибалтийских государств»⁴⁶.

Заключительный протокол, с помощью которого польская дипломатия пыталась добиться признания аннексии Вильнюса, или новой интерпретации позиции СССР в этом вопросе, в том виде, в каком он был подписан, лишь утверждал неизменность советской позиции. Зато включение в него декларации об отсутствии у договаривавшихся сторон обязательств или заявлений, которые противоречили бы постановлениям Рижского мирного договора, и специально его ст. 3, означало важное для Советского правительства признание, что Польша не имеет секретных соглашений с Германией, включающих ее претензии на советские украинские и белорусские земли. «Правда» писала, что этот факт весьма своевременен и ценен «в связи со всевозможными слухами, проникшими в мировую печать, о секретных соглашениях противоположного характера»⁴⁷.

Продление советско-польского пакта о ненападении было несомненным и важным успехом советской дипломатии.

Общественное мнение Польши одобряло достигнутое соглашение. Однако оно стало одним из последних актов польского правительства, завершивших период советско-польского сближения в первой половине 30-х годов. В отличие от этого ушедшего в прошлое этапа, когда широкая польская общественность не только приветствовала нормализацию отношений с СССР, но и настаивала на их расширении, новый, прогерманский курс режима санации вызвал всеобщее осуждение и беспокойство.

Наиболее энергично и последовательно с разоблачением антинационального характера правительственной политики выступала нелегальная и жестоко преследуемая властями Коммунистическая партия Польши. Уже в январском номере теоретического органа партии «Новы шпеглэнд» германо-польское соглашение получило развернутую оценку в статье «Новая международная ситуация»⁴⁸. В ней справедливо отмечалось, что заключенное соглашение не могло не иметь прямо или косвенно антисоветской направленности и поэтому создало новую расстановку сил в Европе. Соглашение с Гитлером, говорилось в статье, приблизило польскую политику к реакционным взглядам германофильских настроенных виленских пилсудчиков, приобретших скандальную известность своей доктриной «Европы, расширяющейся на восток»⁴⁹, схожей как две капли воды с планами «колонизации востока», рекламируемыми приспешником Гитлера А. Розенбергом. В статье содержалось предостережение, что польские сторонники «Европы, расширяющейся на восток», не должны забывать о том, что если для них Европа кончается над Збручем и в бассейне Днестра, то их германские коллеги видят предел Европы на старой немецко-русской границе⁵⁰. Поэтому никакие словесные обещания Гитлера не могут обеспечить польско-германского сближения без ущерба для территориальных интересов Польши, и ее подлинные национальные цели диктуют политику сближения и сотрудничества с СССР против опасности войны.

⁴⁶ «Правда», 1934, 6 мая.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ «Nowy Przegląd», 1934, № 1, s. 49—51.

⁴⁹ В середине 1933 г. один из лидеров входившей в правительственный лагерь группировки консерваторов, земельных магнатов, Е. Сапега выступил с докладом, опубликованном в виленской газете «Слово» («Słowo», 9 XI 1933), в котором утверждал, что Польша должна стать «форпостом Европы» для колонизации востока в союзе с Германией. Это выступление вызвало возмущение всей оппозиционной печати. Официоз «Газета польска», вынужден был заявить, что мнение виленских консерваторов не совпадает с точкой зрения правительства («Gazeta Polska», 15 IX 1933).

⁵⁰ «Nowy Przegląd», 1934, № 1, s. 50.

КПШ была единственной оппозиционной партией, которая в полный голос заявляла о том, что польско-германское соглашение достигнуто на основе антисоветизма и антикоммунизма и что объективно оно представляет непосредственную военную опасность⁵¹.

Коммунистическая пропаганда не ограничивалась критикой правительственной линии. Противопоставляя ей последовательный и реалистический курс Советского Союза, она разъясняла принципы и тактику советской внешней политики, указывая, что Польша может разрешить жизненно важные для нее проблемы только на пути сотрудничества с СССР⁵².

С развернутой оценкой правительственного курса выступила Польская социалистическая партия. Ее представитель в сейме К. Чапинский охарактеризовал нормализацию отношений с СССР как действительно важный фактор польской политики, подчеркивая, что «главным условием нынешних хороших отношений Польши с Советской Россией является то, чтобы дружеские отношения были искренними и чтобы польское правительство не сделало ничего такого, что могло бы вызвать какие-либо сомнения в Советской России относительно этой искренности»⁵³. «Действительным направлением политики гитлеровской Германии является направление на восток», — заявил он, — поэтому невозможно с одной стороны стремиться к хорошим отношениям с Советской Россией, а с другой стороны заключать подобного рода пакты с гитлеризмом. Проанализировав мотивы нацистского правительства, представитель ППС подчеркнул, что сближение с Германией противоречит коренным интересам Польши и свидетельствует о том, что правительство далеко от реальности и «осуществляет политику фикции, которая приведет к ослаблению и изоляции Польши»⁵⁴.

В поддержку политики сближения с СССР выступила крестьянская партия Стронництво людове⁵⁵, считавшая основой внешнеполитической ориентации Польши союз с Францией и дружественные отношения с Чехословакией. СЛ выступила против прогерманской ориентации, в которой справедливо усматривала опасность жизненным интересам Польши. «Гитлеру сегодня пакт с Польшей выгоден, — писал орган СЛ «Зелёны штандар», — потому что он не закончил еще вооружений, но когда их закончит — где гарантия, что он будет придерживаться пакта и не разорвет его как клочок бумаги? Германия не скрывает большого удовлетворения в связи с заключением пакта, ей есть чему радоваться. Но Польша может когда-нибудь горько пожалеть об этом шаге»⁵⁶.

Германскую опасность осознавали широкие общественные круги и особенно население западных польских воеводств. Буржуазные партии в этих районах выступали активными противниками прогерманской политики и требовали, несмотря на свой социальный консерватизм, развития отношений с СССР. Например, энергичным пропагандистом начинавший Советского правительства, направленных на укрепление советско-польских отношений, стала катовицкая газета «Полония», орган христианско-демократической партии. «Мы желали бы, — писала газета, — чтобы наши отношения с Советским Союзом основывались на сотрудничестве в деле упрочения мира в той части Европы, где наше влияние и влияние СССР является преобладающим»⁵⁷.

⁵¹ «Документы и материалы...», т. VI, стр. 187.

⁵² «Nowy Przegląd», 1934, № 1, s. 51, № 2, s. 44—52.

⁵³ «Robotnik», 10 II 1934.

⁵⁴ Ibid.

⁵⁵ «Sprawozdanie Stenograficzne Sejmu RP», № 110, 5 II 1934.

⁵⁶ «Zielony Sztandar», 4 II 1934.

⁵⁷ «Polonia», 7 IV 1934.

Органы «общественного порядка» фиксировали несоответствие между правительственной политикой и настроениями широкой общественности. «Установление более близких отношений с Советской Россией, — говорилось в февральском отчете министерства внутренних дел о надзоре за легальной оппозицией, — и визит в Москву министра Бека пресса, независимо от политической окраски, приняла с удовлетворением», в то время как по поводу подписания и ратификации польско-германской декларации «различные оппозиционные издания настроены пессимистично и подчеркивают, что в течение года Германия в стремительном темпе реорганизует свою национальную и государственную жизнь, благодаря чему рейх превратится во все более единое и организованное целое, все более опасное для своих соседей»⁵⁸.

Лишь крайне реакционная, националистическая и шовинистическая правооппозиционная партия Стронництво народовце и примыкавшие к ней организации в рассматриваемый период круто изменили свою внешнеполитическую ориентацию, одоблив новый правительственный курс. Этот поворот показал, что соперничавшие между собой группировки польской буржуазии, пилсудчики и народовцы, оказались неспособными выразить в своей политике жизненные интересы нации. Позиции обеих группировок лишь внешне выглядели конфронтацией, но сходились в главном, в признании полезным сближения с гитлеровской Германией.

Одним из примеров идентификации взглядов народовцев и пилсудчиков стал тезис о том, будто объектом гитлеровской экспансии станут только Австрия, Судеты. Если пилсудчики подчеркивали при этом австрийское происхождение Гитлера, который якобы из чувства регионального патриотизма в первую очередь позаботится об аншлюсе Австрии⁵⁹, то народовцы ссылались на более широкие аргументы. Их лидер и идеолог Р. Дмовский утверждал, будто Германия настолько ослаблена экономическим кризисом, что уже никогда не сможет развернуть экспансию на восток в широком масштабе и поэтому не представляет опасности для Польши⁶⁰. Как правительство санации, так и Стронництво народовце в своем анализе международно-политической обстановки недооценивали военно-экономический потенциал Германии и грубо игнорировали факт полного подчинения его в условиях нацистской диктатуры задачам подготовки войны.

Обе группировки в конечном счете положительно оценили победу фашизма в Германии, хотя рассматривали ее в неординарном ракурсе. Дмовский и его сторонники считали основным средством укрепления господства буржуазии в Польше насаждение крайних форм тоталитарной системы, именовавшейся «национальной революцией». С этой точки зрения нацизм рассматривался ими не только как достойный подражания пример; победа Гитлера считалась началом переворота в Европе, который, по их мнению, мог ускорить «национальную революцию» в Польше⁶¹.

Пилсудчики в решении задачи укрепления буржуазного строя всегда делали ставку на внешнюю экспансию, территориальную или политическую, под лозунгом великодержавной Польши. Поверив в демагогию Гитлера о «миролюбии», они считали, что ярый антисоветизм нацистов будет способствовать реализации их собственных целей. Не вдаваясь в мотивы, которыми руководствовалась гитлеровская дипломатия, правительственная пропаганда характеризовала соглашение с ней как акт, якобы ликви-

⁵⁸ Centralen Archiwum Ministerstwa Spraw Wewnętrznych. Komit d/s, BP a/a, Poznań, 10 III 1934.

⁵⁹ J. B e c k. Ibid., p. 61.

⁶⁰ R. D m o w s k i. Pisma, t. VIII. Częstochowa, 1938, s. 138.

⁶¹ Ibid., s. 444.

дировавший опасность военного столкновения и обеспечивший Польше роль великой державы, независимой от западных государств ⁶².

Таким образом, концепции двух главных соперничавших между собой группировок польской буржуазии не противоречили, а как бы дополняли одна другую, отражая реакционные внутренние и внешнеполитические тенденции польского империализма. В совпадении их точек зрения на проблему внешнеполитической ориентации решающей оказалась их классовая общность с нацистским режимом. Но и в этой классово однородной среде новая линия не была общепринятой. Более реалистически оценивая германскую опасность, политику сближения с гитлеровской Германией критиковала группа народовцев, печатным органом которой была газета «Курьер варшавский». Против прогерманской ориентации энергично выступали генерал Сикорский и буржуазная эмиграция, связанная с лагерем народовцев.

Более того, политический курс санации и следовавшая из него стратегическая концепция не считались бесспорными даже в узком кругу высших сановников и военных, с которыми Пилсудский обсуждал этот вопрос весной 1934 г. В начале апреля он предложил президенту созвать совещание с участием всех премьеров санационного режима, а также министра иностранных дел ⁶³, на котором изложил свою точку зрения на внешнеполитические задачи Польши. «Наиболее важной проблемой, — заявил он, — являются наши отношения с соседями... Далее необходимо подтверждение гарантий наших отношений с союзниками. Затем в порядке важности будут разрешены все вопросы, которые имеются в районе, близком Польше, и только после этого мы должны интересоваться другими проблемами» ⁶⁴. Он отметил, что соглашения, подписанные Польшей с двумя великими соседями, создали для нее исключительно благоприятную конъюнктуру, но подчеркнул, что считает сложившееся положение временным.

Свидетельство Бека о ходе совещания не отличалось конкретностью, но его замечание о том, что «определения, данные тогда маршалом, были по-разному комментированы» ⁶⁵, наводит на мысль о существенных расхождениях по обсуждавшимся вопросам даже в таком узком кругу, что подтверждается сведениями о другом совещании, созданном 12 апреля по инициативе Пилсудского в Главном инспекторате вооруженных сил с участием всех инспекторов армии, ответственных работников генерального штаба, министра и вице-министра иностранных дел. Каждому из участников было предложено в месячный срок подготовить ответ на вопрос, «которое из государств (СССР или Германия. — И. М.) является наиболее опасным для Польши и может стать опасным в первую очередь?» ⁶⁶. Потребовав от подшефных самостоятельного суждения, Пилсудский тем не менее сообщил им собственное мнение, отражавшее, как и сама формулировка вопроса, всю глубину классовой ненависти к Стране Советов и одновременно пагубность просчетов в оценке важнейших факторов международной обстановки. Давая понять, что прежде всего ожидает столкновения на востоке, он заявил, будто «военное дело, расширение армии является в России осью всей государственной политики, а в Германии одним из факторов, причем, не занимающим ведущего места в гитлеровской идеологии. Мотивы, которые могли бы активизировать Германию, кроме военных, могут носить также политический характер — внутривосточный и

⁶² «Gazeta Polska», 27 I 1934; «Kurier Poranny», 28 I 1934.

⁶³ J. Beck. Ibid., p. 57—58. W ł. P o b ó g - M a l i n o w s k i. Najnowsza historia polityczna Polski, t. II, cz. 1. Londyn, 1958, s. 556.

⁶⁴ J. Beck. Ibid., p. 57.

⁶⁵ Ibid., p. 58.

⁶⁶ «Diariusz i teki Jana Szembeka», t. I, Londyn, 1964, s. 153—154.

внешнеполитический, а также социальный и экономический. Степень опасности находится в прямой зависимости от нашей силы и нашей политики»⁶⁷.

В мае 1934 г. в Главном инспекторате была составлена сводная таблица, озаглавленная «Россия или Германия? Сопоставление ответов», в которой содержались краткие резюме мнений военных⁶⁸. Ответы оказались неодинаковыми как по содержанию, так и по методу рассмотрения вопроса. Из 19 названных в списке лишь трое, инспекторы армии Э. Рыдз-Смиглы, К. Соснковский и начальник генерального штаба Гонсеровский, дали однозначный ответ, что якобы более вероятна перспектива военного столкновения Польши с Советским Союзом. Война же с Германией, по мнению, например, Соснковского, «выглядит неизбежной в далеком будущем, или дело дойдет до сотрудничества с ней на основе раздела сфер влияния»⁶⁹. Таким образом, политическая оценка генерала исходила из захватнических тенденций польской буржуазии и не исключала империалистического соглашения с Германией, причем в развернутом ответе прямо говорилось, что объектом будущих сфер влияния станет «восток». Игнорируя глобальный характер гитлеровских планов, Соснковский утверждал, что «ревизионизм Германии не заключает в себе непосредственной опасности для Польши», поскольку она якобы способна оказать необходимый отпор, и что вообще «главную ставку ревизии третьего рейха представляет так называемый аншлюс». Относительно военного потенциала Германии он рассуждал, будто «слабый естественный прирост в Германии, отсутствие обученных военных резервов, артиллерии, снаряжения, офицерских кадров, финансово-сырьевые трудности являются факторами, исключающими близость германской опасности. Для ликвидации пробелов в вооружении Германии потребуется 16 лет, а для создания резервов для наступательной войны — 20 лет»⁷⁰.

Мнения еще трех генералов лишь частично совпадали с точкой зрения Пилсудского. Не отказавшись от стереотипа «русской опасности», они более реалистически подошли к оценке военных возможностей Германии. «Быстрое развитие военной мощи Германии, — считал генерал Пискор, — может уже в ближайшее время выдвинуть вперед Германию». Она, по мнению генерала Конажевского, «может первой создать опасность в связи с нынешней сложной международной обстановкой, заключавшей опасность войны»⁷¹.

Другую позицию заняли остальные 13 военных — участников совещания. Они считали, что главную и первоочередную опасность для Польши представляет Германия. «Германия является соседом, который раньше станет опасным. Россия выступит только в случае нападения на нее», — утверждал генерал Норвид-Нойгебауэр. «Россия не является нашим естественным врагом... Германия лет через 10 будет располагать самой большой и одной из лучших армий, которая, может быть, целиком будет использована против Польши», — писал генерал Руммель. «В ближайшие 10 лет большая опасность будет нарастать со стороны Германии, — считал начальник II отдела генерального штаба полковник Фургалский. — Россия может быть в военном отношении готова через пять лет, но только глубокие перемены в расстановке общественных сил могли бы ее склонить к отказу от мирной политики на западе»⁷².

⁶⁷ Ibid.

⁶⁸ Archiwum Zakładu Historii Partii przy KC PZPR (далее AZHP), 296/III, t. 21, к. 2; «Polityka», 18 V 1963.

⁶⁹ AZHP, 296/III, t. 21, к. 2.

⁷⁰ Z. S z c z y g e l s k i. Ankieta wśród generałów. «Polityka», 18 V 1963.

⁷¹ AZHP, 296/III, t. 21, к. 2.

⁷² Ibid.

Таким образом, опыт коллегиального рассмотрения проблемы внешнеполитической ориентации не дал ожидаемых результатов. Предложенный курс не получил безоговорочного одобрения. Однако в условиях антидемократической системы савации, когда важнейшие политические решения Пилсудский принимал единолично, несогласие приближенных с его мнением не повлияло на внешнюю политику правительства. Кардинальным элементом ее оставалась одна из неизменных догм идеологии и политики лагеря Пилсудского — антисоветизм, замаскированный формулой «СССР как главный враг Польши». Миротлюбивая политика Советского Союза, очевидное отсутствие враждебных соседним странам целей и последовательно проводимый принцип мирного урегулирования споров повлияли на характер аргументации пилсудчиков в этом вопросе: откровенно лживая пропаганда была заменена рассуждениями о непрочности международных позиций СССР, внутренней слабости и будто бы существующей опасности взрыва советской системы изнутри, способной изменить советскую внешнюю политику⁷³. Был ли такой взгляд еще одним заблуждением польской правящей верхушки или очередным тактическим и пропагандистским трюком — вопрос особый. Важно, что мысль о непрочности Советского государства питала идеологию польского империализма, культивировавшего концепцию «великодержавной Польши, простирающейся на восток», а аргумент о «недоверии» к советской политике использовался всякий раз для срыва мирных мероприятий, которые способствовали бы советско-польскому сближению.

Несмотря на намерение польского правительства скрыть альтернативный характер сделанного им в пользу Германии выбора между политикой добрососедства и сотрудничества с СССР и прогерманским курсом, отрицательные последствия такого выбора немедленно сказались не только в сфере межгосударственных советско-польских отношений, в вопросе о балтийской декларации, при продлении пакта о ненападении и т. д., но и в активизации тех группировок правящего лагеря Польши, которые всегда выступали за прямой сговор с Германией против СССР.

Одним из первых в этом хоре прозвучал голос лидера консерваторов, вице-председателя правительственного «Беспартийного блока сотрудничества с правительством» Я. Радзивилла, который 19 февраля на ежегодном обеде, устраивавшемся редакцией газеты краковских консерваторов «Час», открыто заявил, что хорошие отношения с СССР представляют для Польши опасность революционизирующего влияния⁷⁴.

Выразительной с точки зрения расшифровки того смысла, который вкладывали в политику «равновесия» экстремистские элементы правящего лагеря, была статья А. Бохеньского о внешней политике Польши. Автор ратовал за наступательную тактику польского империализма. «Польское общественное мнение, — писал он, — должно проникнуться сознанием того, что... единственной гарантией действительно независимой великодержавной позиции Польши является раздел нашего восточного соседа на два борющихся между собой организма». Отторжение Украины от СССР, по мнению Бохеньского, составляло «главную проблему XX века»⁷⁵.

Польско-германское соглашение активизировало деятельность немногочисленной, но выделявшейся на фоне польской общественной жизни своими прогерманскими симпатиями группировки виленских пилсудчиков, объединенных вокруг газеты «Слово». Сотрудничавший с этим органом

⁷³ В таком, например, духе Пилсудский охарактеризовал положение в СССР в беседе с министром иностранных дел Франции Л. Барту во время визита последнего в Польшу в апреле 1934 г. («Dziennik i teki...», t. I, s. 159).

⁷⁴ «Czas», 20 II 1934.

⁷⁵ «Bunt Młodych», 24 II 1934.

публицист В. Студницкий, известный особым экстремизмом в призывах к организации «крестового похода» против СССР и в пропаганде польско-германского союза, выступил весной 1934 г. с серией статей⁷⁶, в которых изложил программу радикальной территориальной и политической «ревизии» в Европе, представлявшую собой квинтэссенцию антисоветизма и антикоммунизма, империалистической алчности, сконцентрированной в идее великодержавности, при одновременной готовности поступиться в угоду Гитлеру жизненными интересами Польши⁷⁷.

Поскольку правительственная точка зрения принципиально соответствовала этим воззрениям и отличалась лишь значительно меньшей конкретизацией, официальные круги заняли двусмысленную позицию в отношении антисоветских эксцессов в печати. Бек, например, заверяя полпреда СССР в связи со статьями Студницкого, что это якобы «сумасшедший человек и никакого значения не имеет», в то же время под предлогом свободы печати оправдывал грубые антисоветские выпады⁷⁸. Даже в полуофициальных органах типа газет «Курьер поранны» и «Газета польска» участились материалы, выдержанные в недружественном Советскому Союзу тоне.

С другой стороны, хорошо понимая, что ни международная обстановка, ни настроения общественности внутри страны не способствовали превращению антисоветских идей в конкретные наступательные планы государственной политики, польское правительство было заинтересовано в поддержании видимости сохранения отношений с СССР. Тактика его состояла в проведении таких совместных мероприятий, которые, не имея характера политического сотрудничества, могли быть использованы для манифестации расширения советско-польских связей. В рамках этой задачи Пилсудский 25 апреля провел вторую за все время его диктатуры беседу с полпредом СССР⁷⁹. Однако этот разговор, происшедший на одном из дипломатических приемов в присутствии американского посланника, был, как сообщал Я. Х. Давтян в НКВД СССР, «пустяковый и совершенно не касался политики». Его символический, рассчитанный на внешний эффект характер был очевиден для советской дипломатии⁸⁰. С этой же целью весной 1934 г. польская сторона пошла на обсуждение вопроса об обмене визитами между отрядами советских и польских военно-морских кораблей, об организации ответного посещения Польши командованием Военно-Воздушным Флотом СССР⁸¹ и т. д.

⁷⁶ W. I. Studnicki. Wyznania Germanofila. «Wiadomości Literackie», 4 IV 1934; W. I. Studnicki. O Przymierze z Niemcami. «Słowo», 21 IV 1934.

⁷⁷ «Польша и Румыния, — рассуждал в одной из своих статей Студницкий, — составляет нынче оборонительный вал Европы в отношении России. Это слабый вал. Польша и Румыния справятся с этой задачей, если будут иметь поддержку Центральной Европы, т. е. прежде всего Германии, являющейся естественным кристаллизационным центром центральноевропейского блока... Для усиления его единства должны быть ликвидированы решения Трианонского договора..., т. е. должен быть уничтожен чешский коридор. Уничтожение этого коридора усилит международное положение Польши и Венгрии, сделает их позицию в отношении Германии более сильной, разобьет Малую Антанту, отделит Чехословакию от Румынии, этим самым усиливая польское влияние и хозяйственные позиции в Румынии... Польша должна заключить тесный союз с Германией путем поддержки немецкой тенденции к аншлюсу, а также требований Германии в вопросе равноправия ее вооружений. Германия вооруженная и сильная может быть для Польши надлежащей защитой от России. Польско-германский союз и сосуществование этих государств в общем блоке естественно ликвидируют германские претензии относительно так называемого Поморского коридора» («Słowo», 21 IV 1934).

⁷⁸ ДВП СССР, т. XVII, стр. 334.

⁷⁹ Первый прием Пилсудским полпреда СССР состоялся 1 мая 1933 г. в обстановке нормализации советско-польских отношений (Там же, т. XVI, стр. 823).

⁸⁰ Там же, т. XVII, стр. 790.

⁸¹ Там же, стр. 337; AAN MSZ, P III, t. 316 [49 Sow], k. 111.

Продолжались контакты между научными учреждениями и деятелями культуры и искусства — в СССР была проведена декада польской музыки, в Варшаве намечалось провести выставки советской книги и советской фотографии⁸².

Советское правительство признавало полезным применять тактику, способствовавшую лучшему взаимному знакомству и сближению советского и польского народов. Это полностью соответствовало его намерению установить международно-политическое сотрудничество с участием Польши для защиты против агрессии на основе многостороннего договора взаимопомощи, переговоры о котором между СССР и Францией в рассматриваемый период близились к оглашению. Не исключая в то же время в польских правительственных верхах элементов политического авантюризма, руководство советской внешней политики справедливо считало, что и в этом случае настроения широких кругов польской общественности в пользу сближения с СССР могут послужить некоторым тормозом для перехода государственной политики на откровенно прогерманские позиции.

⁸² «Документы и материалы...», т. VI, стр. 153—154, 182, 186—187, 190—192, 193—195.

Г. И. ЧЕРНЯВСКИЙ

МИССИЯ СОВЕТСКОГО КРАСНОГО КРЕСТА В БОЛГАРИИ (1922 — 1923 гг.)

В исторической литературе Болгарии и СССР уделяется внимание разным аспектам советско-болгарских отношений в период, когда у власти стояло мелкобуржуазное правительство БЗНС во главе с А. Стамболийским, постепенно склонявшееся к полной нормализации отношений с Советским государством (1920—1923 гг.)¹. Но до настоящего времени ни в одной работе специально не рассматривался вопрос о «механизме подхода» к этой нормализации, о тех конкретных формах, в которых развивались взаимоотношения между обеими странами в данный период.

В настоящей статье предпринята попытка показать, что весьма существенную роль в подготовке установления дипломатических отношений между Болгарией и Советской страной сыграли контакты по линии Красного Креста.

Впервые, судя по имеющимся источникам, вопрос о возможности обмена представителями по этой линии был поставлен в беседе болгарского посланника в Праге с председателем делегации Российского общества Красного Креста (РОКК) С. И. Гиллерсоном 22 июня 1921 г. «Визит [Гиллерсону] нанесен с ведома болгарского правительства, — сообщил 25 июня Г. В. Чичерину руководитель советской торговой делегации в Чехословакии П. Н. Мостовенко. — Из его [болгарского посланника] слов как будто явствует возможность завязать сношения с Болгарией и послать туда нашего представителя под флагом разрешения репарационного вопроса»². Хотя болгарский дипломат не сделал каких-либо конкретных предложений, а лишь высказал предположение о возможной поездке в страну советского представителя с весьма ограниченной задачей репатриации военнопленных мировой войны, оно было встречено в Москве с интересом. В ответной телеграмме Г. В. Чичерина от 11 июля говорилось: «Завязать сношения с Болгарией безусловно желательно, но делегации должны иметь официальное качество. Раз Болгария заботится о пленных, можно предложить обоюдную отправку представительств по делам военнопленных, но они должны иметь полное официальное качество с иммунитетом и правом шифровок, курьеров, теле-

¹ В. Х а д ж и н и к о в. Стопански отношения и връзки между България и Съветския Съюз до 9 септември (1917—1944). София, 1956; Х р. Н е с т о р о в. Българският народ в борбата против империализма в подкрепа на Съветската страна. 1918—1923. Сб. «Октомврийската революция и българо-съветската дружба». София, 1967; Г. И. Ч е р н я в с к и, Д. Д а с к а л о в. Борбата на БКП против врангелисткия заговор. София, 1964; Д. Б. М е л ь ц е р. К вопросу о признании Болгарией Советской России (1920—1923 гг.). «Советское славяноведение», 1968, № 1; е г о ж е. Советско-болгарские отношения (1917—1935 гг.). Минск, 1975 и др.

² «Документы внешней политики СССР», т. IV. М., 1960, стр. 198.

грамм, радио. Нас интересует действительное официальное возобновление сношений, хотя бы оно называлось представительством по делам военнопленных»³. Отдавая должное гуманной задаче возвращения на родину пленных, Советское правительство в то же время видело основной смысл обмена представительствами такого рода в том, что они должны были стать этапом на пути к полной нормализации болгаро-советских межгосударственных отношений. Именно в этой связи в первую очередь следует рассматривать требование их официального статуса.

Правительство Стамболийского, испытывая давление со стороны империалистических держав, реакционных сил внутри страны и правого крыла собственной партии, имевшего значительные позиции в государственном аппарате, шло навстречу советским предложениям о нормализации отношений непоследовательно, робко, с оговорками и отступлениями. При этом наибольшей была зависимость правительства от государств Антанты, навязавших Болгарии кабальный Нейский мирный договор, вмешивавшихся в ее внутренние дела и внешнюю политику и всячески препятствовавших нормализации отношений с Советским государством⁴. Находившиеся в Софии дипломаты западных держав и особенно посол Франции Ж. Пико неоднократно «предостерегали» болгарских государственных деятелей от каких бы то ни было действий, направленных на улучшение отношений с Россией, до тех пор, пока ее официально не признают страны Антанты⁵. Поэтому после советско-болгарских контактов в Праге вопрос об обмене репарационными миссиями дальнейшего развития не получил. Между тем начавшееся разложение размещенной в 1921 г. на территории Болгарии врангелевской белогвардейской армии⁶ настоятельно диктовало необходимость прибытия в страну советских представителей для организации репатриации в первую очередь этой массы солдат и казаков. Наркоминдел РСФСР попытался с этой целью воспользоваться помощью Украинского общества Красного Креста (УОКК), полуофициальным представителем которого в Болгарии уже в 1921 г. являлся Христо Килифарский. 14 сентября 1921 г. по решению Украинского Советского правительства в Болгарию выехала миссия УОКК во главе с Килифарским⁷, которая должна была вручить ноту правительства УССР Стамболийскому. В ноте формулировалась задача миссии — репатриация украинских и русских граждан, составлявших армию Врангеля, на том же основании и теми же способами, какие имели место при репатриации военнопленных мировой войны, — и была высказана просьба оказать содействие миссии согласно нормам международного права и международным обычаям в выполнении этой задачи. Выражалась надежда, что эта просьба встретит сочувствие со стороны правительства Болгарии и послужит «основанием к установлению дружественных отношений»⁸.

16 сентября миссия прибыла в Варну. Однако местные власти не только не обеспечили ей возможность беспрепятственного проезда в Софию, но несколько дней не спускали ее членов с парохода, а затем подвергли их аресту⁹. Лишь в результате многократных обращений к болгарскому правитель-

³ Там же, стр. 220—221; См. также Д. Б. М е л ь ц е р . Советско-болгарские отношения (1917—1935 гг.), стр. 49.

⁴ Д. Б. М е л ь ц е р . Советско-болгарские отношения (1917—1935 гг.), стр. 42, 48 и др.

⁵ Централен държавен исторически архив (далее ЦДИА), ф. 176, оп. 4, ед. хр. 2754, л. 20.

⁶ Г. И. Ч е р н я в с к и , Д. Д а с к а л о в . Там же, стр. 39—67.

⁷ ЦГАОР УССР, ф. 4, оп. 1, ед. хр. 168, л. 46.

⁸ Там же, л. 47.

⁹ ЦГАОР УССР, ф. 4, оп. 1, ед. хр. 168, л. 77, 89—90; «Вісті ВУЦВК», 30 XI; 1, 3 XII 1921.

ству, международному и болгарскому Красному Кресту¹⁰, после получения правительством Болгарии ноты протеста СНК УССР¹¹ советские делегаты были освобождены и в начале ноября на греческом пароходе «Анастасия» выехали в Одессу¹². События эти свидетельствовали, что болгарское правительство под давлением реакционных сил внутри и вне страны еще не решалось на установление прямых официальных контактов.

В сентябре 1921 г. советский Красный Крест был признан Международным комитетом Красного Креста (МККК) единственно полномочной российской организацией такого рода. Копию циркуляра МККК по этому вопросу болгарское посольство в Берне препроводило в свое министерство иностранных дел и исповеданий, а последнее сообщило об этом в военное министерство, министерство внутренних дел и здравоохранения, болгарский Красный Крест¹³. Однако и это не привело еще к сдвигам в установлении прямых связей с советским Красным Крестом, хотя, очевидно, сыграло роль в освобождении членов миссии УОКК. 27 ноября руководство РОКК обратилось к родственной болгарской организации с просьбой содействовать допуску в страну советской делегации для организации возвращения на родину солдат белых армий, желающих репатрироваться. Последовал отказ¹⁴.

Существенные изменения произошли в первой половине 1922 г. Болгарское правительство, получив документально подтвержденные данные о контактах между белыми генералами и оппозиционными правыми болгарскими политическими деятелями, целью которых в конечном итоге являлся государственный переворот при опоре на врангелевские войска, поняло, что пребывание на территории Болгарии врангелевской армии чревато серьезной опасностью для его власти.

Оно не могло не учитывать и того, что на Генуэзской конференции только советская делегация выступила в защиту прав и интересов малых стран, в том числе Болгарии, и подтвердила решительное осуждение Советским государством Версальской системы, в том числе Нейиского мирного договора. А. Стамболийский и другие государственные деятели стали отдавать себе отчет, что необходимо вступить в переговоры с Советской Россией прежде всего по вопросу о репатриации солдат и казаков белых армий. Разрешение этого вопроса могло привести к существенному сближению между обеими странами. Болгарское правительство получило бы возможность принять советскую миссию, не отказываясь от принципа, что дипломатическое признание РСФСР произойдет лишь после того, как это будет сделано великими державами¹⁵.

В свете сказанного представляет интерес переписка между находившимися в Генуе Стамболийским и управляющим МИД Яневым. 19 мая 1922 г. Янев направил в Геную зашифрованную телеграмму, в которой говорилось: «Принесет большую пользу, если Вы используете свои личные встречи с представителями Советского правительства для урегулирования вопроса о взаимной репатриации подданных обеих стран. После раскрытия русского шпионажа¹⁶ нам становится необходимым избавиться от всех чинов врангелевской армии... Возвращение последних в свое собственное отечество является самым естественным разрешением не только досадной,

¹⁰ ЦГАОР УССР, ф. 4, оп. 1, ед. хр. 168, л. 73; ЦДИА, ф. 176, оп. 4, ед. хр. 1796, л. 1, 2, 4, 6; «Вісті ВУЦВК», 26 X 1921.

¹¹ ЦГАОР УССР, ф. 4, оп. 1, ед. хр. 168, л. 83.

¹² Там же, ед. хр. 198, л. 10.

¹³ ЦДИА, ф. 176, оп. 4, ед. хр. 1798, л. 1—4.

¹⁴ Х р . К а б а к ч и е в . Българската буржуазия — слуга на международната контрреволюция. София, 1922, стр. 19.

¹⁵ См. «Дневници (стенографски) на XIX обикновено Народно събрание, 3 пзвъредна сесия», 9 VI 1922, София, 1922, стр. 112.

¹⁶ Речь идет о действиях разведки белой армии в Болгарии.

но и опасной для нашего внутреннего спокойствия проблемы»¹⁷. Стамболийский телеграфировал в МИД, что еще до получения телеграммы Янева имел беседы с Чичериным, Красиным и другими членами советской делегации по вопросу о врангелевцах: «Русские принимают их, но с прощанием еще в Болгарии...». Небезынтересен разговор Стамболийского с Д. Ллойд-Джорджем, содержание которого передано в том же документе. Связанный своим заявлением о том, что Англия не поддерживает белогвардейских формирований, Ллойд-Джордж выразил удивление, когда болгарский премьер заявил ему, что «врангелевцев приняли с их согласия»¹⁸. Эта позиция правительства Великобритании в свою очередь позволяла болгарским деятелям вести более самостоятельную линию в вопросе о взаимоотношениях с РСФСР.

Ряд других документов также свидетельствует, что именно в Генуе имели место серьезные сдвиги в оценке правительством Стамболийского перспектив отношений с Советской Россией. «На русскую ноту¹⁹ дайте самый учтивый ответ», — телеграфировал премьер-министр Болгарии в МИД еще 18 апреля²⁰. Действительно, в ответной ноте, подписанной Р. Даскаловым, содержались гарантии недопущения в Болгарии антисоветской деятельности²¹. 25 апреля Стамболийский писал: «Россия завоевывает позиции. Советская Федеративная Республика в почете... По дороге в Геную мы часто бываем вместе с русскими делегатами... Престиж Болгарии ежедневно растет вместе с престижем России»²². В шифрограмме от 17 мая говорилось: «...Русские постоянно проявляют свое уважение и симпатии к Болгарии»²³. В двух интервью корреспондентам западной печати Стамболийский решительно высказался против какого бы то ни было вмешательства во внутренние дела России²⁴. Возвратившись из Генуи, глава правительства в своей речи в Народном собрании публично подтвердил высокую оценку позиций РСФСР на конференции. «Должен отметить, — сказал он, — что русские представители вели себя исключительно хорошо по отношению к Болгарии. Там, где надо было защищать Болгарию, болгарские интересы, они защищали их с жаром. Мы благодарны им за их поведение»²⁵.

Очевидно, уже в Генуе между Стамболийским и советской делегацией было достигнуто предварительное устное согласие относительно посылки в страну советской миссии. Выступая вскоре в парламенте, он отметил, что с советской стороны было внесено предложение направить в Болгарию комиссию для репатриации, и заключил: «Я уверен, что между Болгарией и Россией не возникнет конфликт»²⁶. 19 июня секретарь Совета министров Болгарии, принимая членов Центрального бюро Союза возвращения на родину (Совнарода) — организации, образованной в мае 1922 г. эмигрантами, признавшими власть Советов, — еще более определенно заявил, что «едва ли болгарское правительство будет препятствовать приезду специально уполномоченного чиновника от Советской власти по делам русских беженцев, возвращающихся в Россию»²⁷.

¹⁷ ЦДИА, ф. 176, оп. 4, ед. хр. 2740, л. 34.

¹⁸ Там же, л. 36.

¹⁹ Имеется в виду нота правительства УССР от 3 апреля 1922 г., в которой разоблачалась провокационная деятельность врангелевских генералов в Болгарии. («Документы внешней политики СССР», т. V. М., 1961, стр. 179—180).

²⁰ ЦДИА, ф. 176, оп. 4, ед. хр. 2302, л. 6.

²¹ «Известия ВЦИК», 26 IV 1922; «Документы внешней политики СССР», т. V, стр. 180—181.

²² ЦДИА, ф. 176, оп. 4, ед. хр. 2302, л. 10.

²³ Там же, л. 206.

²⁴ Там же, л. 21, 31—32.

²⁵ «Дневници...», 14 VI 1922, стр. 331.

²⁶ Там же, 9 VI 1922, стр. 112.

²⁷ «На родину», 24 VI 1922.

В продолжавшихся советско-болгарских контактах шли поиски взаимоприемлемой формы и статуса советской миссии, которая должна была прибыть в страну. В конце мая — начале июня официальные представители УССР в Праге и Берлине посетили болгарских послов Дупаринова и Поменова и возобновили начатые в Генуе переговоры по этому вопросу. Поменов сообщил об этом в свой МИД 6 июня²⁸. 17 июля через Дупаринова правительству Болгарии было направлено постановление ВУЦИК от 12 апреля об амнистии рядовых солдат и казаков белых армий, находившихся за рубежами советских республик²⁹. Через Дупаринова же было передано официальное предложение правительства Советской Украины об организации репатриации эмигрантов, желающих возвратиться на родину, и допуске в Болгарию с этой целью советского представительства, которое в принципе было принято болгарской стороной³⁰. В Праге дипломаты УССР и Болгарии согласовали проект взаимной репатриации военных и гражданских лиц, предусматривавший, в частности, создание в Болгарии представительства УОКК с правом экстерриториальности. Болгарское правительство одобрило этот проект³¹.

Однако данный вариант (посылка в Болгарию миссии лишь от одной Советской республики) отнюдь не был наилучшим решением, не обеспечивал в должной мере ни выполнения задач репатриации, ни тем более налаживания разносторонних постоянных политических связей между обеими странами. Поэтому советская дипломатия продолжала активные поиски лучшего варианта. Именно для этого были предприняты переговоры в Гааге осенью 1922 г. между Г. В. Чичериным и Верховным комиссаром Лиги Наций по делам русских беженцев, известным полярным исследователем и ученым Фритзофом Нансеном. В результате их стороны подписали «Памятную записку о договорных условиях по вопросу о репатриации», согласно которой Нансен, действуя через подведомственные ему учреждения и организации, взял на себя репатриацию из Болгарии и связанные с ней расходы. Специально оговаривалась необходимость принятия мер «к недопущению агентов-провокаторов, подсланных Врангелем в состав репатриантов». В числе этих мер значилась выдача виз на въезд в Россию представителем РОКК в Болгарии³². Совершенно очевидно, что данный пункт, затрагивавший вопрос, который входил в исключительную компетенцию болгарского правительства, мог быть включен в памятную записку только с полного согласия последнего. Была, таким образом, найдена взаимно приемлемая формулировка, связывавшая, что было важно для правительства Стамболийского, пребывание в стране советской миссии с решением одного из органов Лиги Наций.

Миссия РОКК прибыла в Болгарию 19 октября 1922 г. ЦК РОКК, назначив главой ее и своим уполномоченным в стране И. С. Корешкова, снабдил его мандатом, своего рода верительной грамотой, в котором поручил «вступить в сношения с подлежащими правительственными, общественными и частными организациями в названной стране по вопросам репатриации российских граждан в РСФСР». ЦК РОКК просил правительственные и общественные учреждения Болгарии и, в частности, Красный Крест оказывать советскому уполномоченному всяческое содействие в выполнении возложенных на него поручений³³. Этот мандат И. С. Корешков передал в МИД Болгарии³⁴. О задачах миссии он официально проинформировал МИД письмом от

²⁸ ЦДИА, ф. 176, оп. 4, ед. хр. 2740, л. 49.

²⁹ Там же, л. 88—94, 96—100.

³⁰ Там же, ед. хр. 2474, л. 1—2.

³¹ Там же, л. 3—5, 11—13.

³² «На родину», 25 X 1922.

³³ ЦГАОР СССР, ф. 9501, оп. 6, ед. хр. 50, л. 1.

³⁴ ЦДИА, ф. 176, оп. 4, ед. хр. 2745, л. 81.

23 октября. В ответном письме (25 октября) министерство сообщило о своем согласии на осуществление функций миссии³⁵.

После прибытия миссии РОКК болгарское правительство отказалось от признания полуофициальной белогвардейской организации — врангелевского Красного Креста. Сделано это было в результате настойчивых требований БКП. 29 ноября 1922 г. коммунистическая фракция Народного собрания потребовала отказа от поддержки белогвардейского Красного Креста и передачи 11 млн левов, ассигнованных ранее на содержание эмигрантов, миссии РОКК³⁶. Секретарь ЦК Т. Луканов отметил, что МККК не только исключил дореволюционный Красный Крест России из числа своих секций, но и запретил ему пользоваться знаками Красного Креста³⁷. Отвечая на запрос, Р. Даскалов заявил об официальном признании миссии РОКК, о том, что врангелевский Красный Крест переводится на положение «гуманитарной организации», в связи с чем денежные средства передаваться ему не будут. Ему запрещается пользоваться именем и знаками Красного Креста. Соответствующая же болгарская организация должна вступить в связь с миссией РОКК и оказать ей содействие. Каждое болгарское учреждение, — заявил Даскалов, — должно учитывать отношение правительства к советскому Красному Кресту³⁸. Следует отметить, что отказ болгарской администрации от намечавшейся выдачи белым главарям крупной денежной суммы был и результатом решительного протеста Корешкова, посетившего с этой целью 29 октября министерства внутренних дел и финансов³⁹.

Миссия РОКК развернула свою работу в сложной обстановке. В целом благожелательно относясь к выполнению ее функций, А. Стамболийский и другие государственные деятели, ориентировавшиеся на развитие добрососедских отношений с Советской страной, подвергались усиленному давлению со стороны как реакционных сил внутри страны, включая правые элементы собственной партии, так и западных дипломатов. Поэтому многие конкретные вопросы, связанные с осуществлением задач миссии, решались правительством крайне осторожно. Таковым был, в частности, вопрос о способе визирования миссией права на репатриацию. Письмом от 10 января 1923 г. в МИД Корешков просил признать право миссии выдавать временные двухмесячные удостоверения беженцам, признавшим Советскую власть и желавшим возвратиться на родину. Эти удостоверения, указывал он, подобны тем, которые выдают консульские учреждения других стран, не имеющие возможность по той или иной причине выдать обычный паспорт. Однако первоначально на удовлетворение этой справедливой просьбы МИД Болгарии не пошел. Одна из резолюций на письме Корешкова гласила, что выпуск подобных удостоверений будет тотчас же использован «румынами, французами и др. как очень сильное средство для новых интриг против Болгарии». Другая резолюция допускала выдачу «пасаванов» — визирующих двухмесячных отметок в паспорте беженца на право въезда в Россию⁴⁰. Именно в этом духе миссии был дан официальный ответ⁴¹. Через месяц с небольшим, однако, видимо, в результате личных контактов болгарское правительство изменило свою первоначальную позицию. Письмом от 27 февраля 1923 г. главный секретарь МИД Добрев от имени Совета министров дал согласие на то, чтобы миссия выдавала двухмесячные удостоверения для возвращения в Россию и легитимации перед советскими властями. Удостоверения должны бы-

³⁵ Там же, л. 84.

³⁶ «Дневници...», 29 XI 1922, стр. 306.

³⁷ Там же, стр. 307.

³⁸ Там же, стр. 308.

³⁹ ЦГАОР СССР, ф. 9501, оп. 6, ед. хр. 46, л. 8.

⁴⁰ ЦДИА, ф. 176, оп. 4, ед. хр. 2479, л. 50—51.

⁴¹ Там же, л. 56.

ли визироваться в МИД, при этом предусматривалось изъятие паспортов, ранее выданных российским царским посольством⁴². Миссия дала согласие на выдачу удостоверений по предложенному министерством образцу⁴³.

Сложнее обстояло дело с решением некоторых других вопросов, связанных с закреплением и развитием официального статуса миссии. Так, в начале января 1923 г. Корешков обратился с протестом в МИД в связи с образованием в Болгарии комиссии по делам русских беженцев в составе правительственного чиновника Т. Кунева и двух эмигрантов. Глава советской миссии предлагал образовать комиссию из представителей правительства Болгарии, Лиги Наций, миссии РОКК и болгарского Красного Креста⁴⁴. Ответ начальника политического отдела МИД был сдержанным, уважительным, но отрицательным по существу⁴⁵. Частному, но принципиальному по своему политическому смыслу вопросу была посвящена переписка Корешкова со Стамболийским и МИД Болгарии в феврале 1923 г. — о передаче одного из этажей здания бывшего посольства России миссии РОКК — «единственному в настоящее время представителю Советской власти и, следовательно, временному наследнику имуществ русского народа вне России»⁴⁶. Хотя ответ был негативным, что мотивировалось специальными задачами миссии по репатриации, в нем содержалось недвусмысленное выражение болгарской стороной намерения восстановить дипломатические отношения с СССР. «Это здание, — говорилось в письме МИД, — будет передано официальной дипломатической русской советской миссии, которая прибудет в Болгарию, когда Болгария установит нормальные дипломатические отношения с Россией»⁴⁷. Из другого документа — письма МИД в Совет министров Болгарии — виден главный мотив, по которому советской миссии не было передано здание посольства. Это «могло бы вызвать интриги по нашему адресу западных держав и балканских стран», — говорилось в нем⁴⁸.

Именно эти опасения отрицательной реакции со стороны правящих кругов империалистических государств — победителей в первой мировой войне, и опасения вполне основательные, были главной причиной двойственного отношения болгарских государственных деятелей к советской миссии и крайней осторожности в связях с ней. Такая позиция встречала определенное противодействие со стороны некоторых государственных деятелей. Близкий к Стамболийскому К. Тодоров, занимавший пост посланника в Югославии, писал, например, в феврале 1923 г.: «Большой ошибкой является то, что мы постоянно опровергаем, что хороши с Россией... Наши опровержения никого не убеждают, но выдают наши слабости»⁴⁹.

В своей информации для заграницы правительство шло даже на искажение истины, чтобы не быть заподозренным в чрезмерно тесных связях с Советской страной. Любопытна в этом смысле шифрограмма МИД делегации Болгарии при Лиге Наций и посольствам от 12 декабря 1922 г. «В Софии находится представительство большевистского Русского Красного Креста при миссии Нансена, которое было направлено с согласия Лиги Наций для репатриации оставшихся русских, — говорилось в ней. — Правительство не поддерживает официальных сношений с этим представительством и не сношится с ним письменно»⁵⁰. Как видно из документов, приведенных выше, последнее совершенно не соответствовало действительности — правительство

⁴² Там же, л. 127.

⁴³ ЦДИА, ф. 176, оп. 4, ед. хр. 2479, л. 169.

⁴⁴ Там же, л. 65.

⁴⁵ Там же, л. 80.

⁴⁶ Там же, л. 102.

⁴⁷ Там же, л. 123.

⁴⁸ Там же, л. 17.

⁴⁹ Там же, ед. хр. 2302, л. 303.

⁵⁰ Там же, ед. хр. 2479, л. 15.

Болгарии вело активную и в целом доброжелательную официальную переписку с миссией РОКК, а болгарские государственные деятели нередко официально принимали ее главу и вели с ним переговоры. В той же шифрограмме затрагивался вопрос о бывшем царском после в Болгарии Петряеве: «Если вас запросят или появятся сообщения в прессе по поводу предстоящего отъезда Петряева..., объясните, что это произошло по его собственному желанию и что официально правительство не предложило ему оставлять страну»⁵¹. Между тем, другие документы достаточно ярко свидетельствуют об истинной причине отъезда Петряева. По поручению находившегося в Югославии Стамболийского К. Тодоров передал в МИД 13 ноября 1922 г.: «Мы здесь узнали, что Петряев пишет своим друзьям всевозможные вымыслы против правительства. Господин премьер-министр просит Вас вызвать Петряева и предупредить, что его выдворят из Болгарии, если он будет продолжать эти интриги»⁵². По поводу предстоящего выезда последнего 16 декабря МИД сообщил Совету министров об извещении Петряева, что «будет хорошо, если он это сделает»⁵³.

Выдворение в конце 1922 г. бывшего царского посла из страны явилось несколько запоздалой, но совершенно основательной ликвидацией анахронизма, способствовало созданию более благоприятного климата для полной нормализации отношений с Советским государством. 16 декабря Совет министров принял постановление: «Русское посольство будет охраняться правительством до вступления Болгарии в нормальные дипломатические отношения с Русским государством»⁵⁴.

Следует отметить, что решение правительства Болгарии о ликвидации дореволюционного посольства России вызвало волну недовольства и давления со стороны зарубежной и внутренней реакции. Это видно из группы внутренних дипломатических документов за последние числа 1922 г. Французский, румынский и другие послы выразили «удивление», что в общественной безопасности Болгарии якобы «работают большевистские агенты»⁵⁵. Болгарский посланник в Париже Савов сообщал: «В Лондоне и здесь нас подозревают в большой близости с большевистской Россией». Новость об отъезде Петряева и о мерах по отношению к старому русскому Красному Кресту, продолжал он, «сильно комментируется во вред нам». Савов настоятельно просил «отложить применение этих решений»⁵⁶. В ответе МИД ему, однако, было указано: «Нет нужды отменять никакие решения, так как Совет министров правильно оценил вопрос»⁵⁷. Болгарское правительство, таким образом, продолжало политику сближения с республиками Советов, которые именно в эти дни завершали объединение в единое союзное государство — СССР.

Эта линия проявлялась и в отношении к миссии РОКК. И. С. Корешков сообщал в начале февраля 1923 г., что, относясь к идее сближения с СССР осторожно, руководители БЗНС и правительство внимательно прислушиваются к голосу правящих кругов Западной Европы. «Малейшее проявление со стороны земледельцев и рабочих симпатии к России... влечет за собой очередную ноту со стороны репарационной комиссии и дикорпуса во главе с французским посланником Пико». Тем не менее подчеркивалась доброжелательность руководящих кругов БЗНС, указывалось, что правительство Болгарии проявляет внимание к миссии РОКК и считается с интересами России⁵⁸. В

⁵¹ Там же, л. 15.

⁵² Там же, л. 12.

⁵³ Там же, л. 16.

⁵⁴ Там же, л. 18.

⁵⁵ Там же, л. 26.

⁵⁶ Там же, л. 24.

⁵⁷ Там же, л. 31.

⁵⁸ Там же, ед. хр. 2741, л. 12—13.

результате шагов, предпринятых миссией, Совет министров принял постановление отпустить на каждого возвращающегося на родину русского беженца по 100 левов⁵⁹. Болгарское правительство удовлетворило просьбу миссии об отводе помещений в Варне для репатриантов, ожидавших пароходы⁶⁰. По требованию И. С. Корешкова, получившего соответствующие сообщения от Союза возвращения на родину, власти произвели обыски в некоторых белоэмигрантских организациях, изъяли оружие, опечатали склады врангелевцев в Варне, Тырново и других городах⁶¹. Как отмечали организации Совнарода, благожелательное отношение властей в полной мере распространялось на репатриантов⁶².

Позиция центральной администрации определяла в значительной мере доброжелательное отношение к советской миссии и ее представителям со стороны местных властей. В своем докладе от 11 января 1923 г. уполномоченный миссии РОКК в Варне, откуда осуществлялась репатриация, информировал о своей первой встрече с градоначальником, который «был очень мил и любезен и выразил готовность идти навстречу Российскому Обществу Красного Креста во всех его начинаниях», заявив, что он получил надлежащие инструкции. Докладчик сообщал, что все его требования и просьбы удовлетворены — наложен секвестр на имущество бывшего российского Красного Креста, запрещен его благотворительный вечер, отведено помещение для общегития Совнарода, приняты меры к оказанию медицинской помощи репатриантам и т. д.⁶³

Такое развитие советско-болгарских отношений, разумеется, ни в коей мере не устраивало международную и внутреннюю реакцию. Весьма недружелюбно была встречена советская миссия официальными лицами болгарского Красного Креста, связанными с оппозиционными правыми партиями. Во время первого визита Корешкова к председателю этой организации Маркову тот заявил, что ему якобы ничего не известно о признании РОКК Международным комитетом общества. Лишь после обсуждения соответствующего запроса Народным собранием Марков вынужден был внешне изменить поведение. Во время повторного визита Корешкова он сообщил, что «упустил из виду» принятое ранее решение о признании советского Красного Креста⁶⁴.

Учитывая роль Ф. Нансена в качестве Верховного комиссара Лиги Наций по делам русских беженцев в достижении соглашения о репатриации и в принятии Болгарией миссии РОКК, внутренняя и особенно международная реакции всячески стремилась настроить этого общественного деятеля против советской миссии, не гнушаясь самой примитивной клеветой. Дело дошло до того, что английская делегация в Лиге Наций выступила с протестом против действий миссии, которая якобы «вербует солдат и офицеров в Красную Армию»⁶⁵. Выпады такого рода не были единичными. Стремился оказать воздействие на Верховного комиссара и представитель Комиссариата Нансена в Болгарии англичанин Коллинз, враждебно относившийся к Советской стране. Коллинз прямо препятствовал репатриации, заявлял, что он «слабо верит в желание русских беженцев репатрироваться», что «всякий раз, когда подавался пароход и запрашивали людей, желающих ехать в Россию, их не находилось». В конце октября 1922 г. Коллинз пошел на прямую провокацию. 30 октября группа членов Совнарода сообщила Кореш-

⁵⁹ ЦДИА, ф. 284, оп. 1, ед. хр. 4735, л. 1; ЦГАОР СССР, ф. 9501, оп. 6, ед. хр. 46, л. 7.

⁶⁰ ЦГАОР СССР, ф. 9501, оп. 6, ед. хр. 46, л. 8.

⁶¹ Там же, ед. хр. 41, л. 8, 11.

⁶² ЦДИА, ф. 176, оп. 4, ед. хр. 2734, л. 479.

⁶³ Там же, ед. хр. 2732, л. 2.

⁶⁴ ЦГАОР СССР, ф. 9501, оп. 6, ед. хр. 41, л. 16.

⁶⁵ Там же, оп. 5, ед. хр. 44, л. 43.

кову, что в канцелярии представителя Верховного комиссара им заявили о получении телеграммы из Москвы о расстреле 130 человек из 160, по собственному желанию отправившихся в Россию. В ответ на требование главы советской миссии письменно подтвердить эти «сведения», Коллинз вынужден был констатировать их вымысленность. Панический слух, однако, был посеян. Как отмечал в донесении в Москву Корешков, штат канцелярии Коллинза состоял исключительно из белогвардейцев⁶⁶. И позже советские представители отмечали, что Коллинз, нарушая инструкции Верховного комиссара, тормозил репатриацию⁶⁷.

Нансен был в известной мере дезориентирован. По его поручению помощник Верховного комиссара де Вотевилль 19 декабря 1922 г. передал руководителю советской миссии «сожаления» в связи с поступившими Нансену «авторитетными представлениями» о том, что миссия будто бы расширила свою деятельность и занимается делами, не относящимися к репатриации⁶⁸. В ответном письме от 27 декабря Корешков решительно отвел эти анонимные обвинения. Он подчеркнул, что работает в границах устава РОКК и своих полномочий. «Я очень высоко ценю д-ра Нансена и очень сожалею, что его затрудняют разными непроверенными сообщениями, не имеющими никакой связи с делом», — указывалось в ответе⁶⁹. Выяснению истинного положения способствовали и некоторые объективные западные наблюдатели. Один из них — деятель МККК дю Шайля, обращаясь к Нансену, отмечал трудности деятельности миссии РОКК в Болгарии, указывал, что международную опасность представляет пребывание врангелевцев на Балканах «под властью начальства, абсолютно лишённого нравственности, всегда готового бросить этих несчастных и голодных в худшие авантюры»⁷⁰. Преодолев возникшую было осторожность, Нансен продолжал способствовать миссии РОКК в выполнении ею своих функций.

Состав миссии РОКК был небольшим. В феврале 1923 г. в нее помимо И. С. Корешкова входили управделами А. В. Корецкий, заведующий контрольно-справочным отделом С. С. Чайкин, юрисконсульт А. П. Булацель, сотрудники для поручений Р. П. Озол, М. Е. Миронов, В. Бонч-Бруевич, секретарь П. И. Васильев и несколько технических работников. Помимо штатных работников, миссия имела и небольшое число добровольных сотрудников. Ими были проживавший тогда в Болгарии участник Венгерской революции 1919 г. А. П. Герман, болгарские коммунисты Ц. Александров, Б. Митрев, М. Цветков⁷¹. В апреле 1923 г. по указанию советских организаций И. С. Корешков отбыл в Париж, после чего обязанности руководителя миссии были возложены на А. В. Корецкого⁷². Из числа русских революционеров, находившихся в Болгарии, а также деятелей Совнарода миссия назначила своих уполномоченных по группам округов страны. В Плевенском и Врачанском округах вел работу активный участник гражданской войны член партии большевиков М. В. Шелепугин, в Софийском, Кюстендилском, Врачанском, Ломском и Видинском — А. И. Руденков, в Старозагорском и Тырновском — М. И. Шутченко, в Хасковском — А. Н. Шерга и т. д.⁷³

⁶⁶ Там же, оп. 6, ед. хр. 46, л. 7.

⁶⁷ Там же, оп. 5, ед. хр. 44, л. 100; оп. 6, ед. хр. 47, л. 52.

⁶⁸ Там же, оп. 6, ед. хр. 41, л. 13; ЦДИА, ф. 176, оп. 4, ед. хр. 2743, д. 2.

⁶⁹ ЦГАОР СССР, ф. 9501, оп. 6, ед. хр. 41, л. 14; ЦДИА, ф. 176, оп. 4, ед. хр. 2743, л. 3.

⁷⁰ ЦГАОР СССР, ф. 9501, оп. 5, ед. хр. 44, л. 40.

⁷¹ ЦДИА, ф. 176, оп. 4, ед. хр. 2733, л. 1, 23, 31, 32, 46, 49, 54, 75; ед. хр. 2736, л. 110.

⁷² Там же, ед. хр. 2733, л. 15.

⁷³ Там же, ед. хр. 2479, л. 170—171.

В своей работе по организации репатриации миссия опиралась на Совнарод, созданный при активном содействии БКП и прочно стоявший на советской платформе. В обращении Центрального бюро Совнарода в связи с прибытием миссии РОКК говорилось: «Пятимесячная работа Союза возвращения на родину дала свои результаты. Вопрос о репатриации решен. Ввиду того, что члены союза уже пять месяцев тому назад изъявили желание репатрироваться, они будут отправлены в Россию по согласованию с представительством Российского общества Красного Креста в первую очередь»⁷⁴.

После прибытия в Болгарию миссии РОКК репатриация, которая эпизодически проводилась и ранее, благодаря целеустремленной напряженной работе советских представителей, активной деятельности Совнарода, помощи БКП, содействию болгарских властей приняла массовый характер. 26 октября 1922 г. в Варне состоялись торжественные проводы первой крупной группы репатриантов, подготовленной еще до прибытия миссии, в количестве 472 человек. Под красными знаменами, с пением «Интернационала» они прошли по улицам города к порту⁷⁵.

С января 1923 г. масштабы репатриации резко расширились. 1070 человек были включены в группу, отплывшую из Варны 5 января 1923 г.⁷⁶, 1036 человек — в следующую, отплывшую в феврале⁷⁷. Новые партии отправлялись в СССР в конце марта и начале мая⁷⁸. Их формирование и отъезд сопровождалось массовыми политическими демонстрациями и митингами, в которых участвовали болгарские трудящиеся.

По нашим подсчетам, из Болгарии в Советский Союз в 1921—1923 гг. возвратилось не менее 12 тыс. человек, т. е. около половины регулярной врангелевской армии, размещенной в стране⁷⁹. Заслуга в этом принадлежала БКП, организовавшей массовое движение за возвращение на родину, РКП(б) и Советскому государству, проводившим мудрую политику в отношении тех, кто волей контрреволюционных генералов оказался оторванным от родной страны. Огромную работу по организации репатриации осуществила миссия РОКК в сотрудничестве с болгарским правительством и местными властями.

В ходе контактов миссии РОКК с правительством Болгарии и параллельно во время встреч между А. Стамболийским и Г. В. Чичериным на конференции в Лозанне, между полпредом СССР в Германии и болгарским посланником в Берлине в конце 1922 — начале 1923 г. был поставлен вопрос о посылке в СССР официальной болгарской миссии, которой первоначально, как и советской миссии, предполагалось придать форму представительства Красного Креста. Была названа и фамилия главы миссии — тогдашнего посланника в Белграде К. Тодорова, что создавало ей значительную авторитетность⁸⁰. Весной 1923 г. вопрос этот вступил в стадию практического решения⁸¹. Полпред СССР в Германии в июле 1923 г., уже после фашистского переворота в Болгарии, пытаясь по указанию Советского правительства сохранить и развить возникшие уже советско-болгарские межгосударственные отношения, встретился с управляющим болгарским посольством (временным поверенным в делах) и, по словам последнего, заявил ему, что между пра-

⁷⁴ «На родину», 25 X 1922.

⁷⁵ «Новая Россия», 7 XI 1922.

⁷⁶ Там же, 29 XII 1922; 31 I 1923.

⁷⁷ Там же, 31 I 1923; 9 II 1923.

⁷⁸ Там же, 27 III 1923; 8 V 1923.

⁷⁹ Г. И. Чернявски, Д. Даскалов. Там же, стр. 249.

⁸⁰ ЦДИА, ф. 176, оп. 4, ед. хр. 2736, л. 5; Документы внешней политики СССР, т. V, стр. 669; Д. Б. Мельцер. Советско-болгарские отношения (1917—1935 гг.), стр. 73—74.

⁸¹ Д. Б. Мельцер. Советско-болгарские отношения (1917—1935 гг.), стр. 74.

вительством СССР и Стамбульским «было почти договорено, что и Болгария направит в ближайшее время представителя болгарского Красного Креста в Москву, таким образом официально восстановив отношения между обеими странами. Определен был даже и наш представитель (вначале Красного Креста в Москве), а именно бывший полномочный министр в Белграде К. Тодоров»⁸².

Однако позитивная тенденция в развитии болгаро-советских отношений натолкнулась на резкое противодействие правительства А. Цанкова, пришедшего к власти в результате фашистского переворота 1923 г. и стоявшего на антисоветских позициях.

Именно из миссии РОКК исходили первые сообщения о перевороте, направленные в СССР. В двух документах, написанных В. Бонч-Бруевичем⁸³, сообщалось, что переворот совершен офицерами с одобрения дворца, определялся его фашистский характер. Предполагалось ухудшение советско-болгарских отношений и осложнение обстановки на Балканах⁸⁴.

Сразу же после переворота репатриация была прекращена. Начались провокации и террор против советских представителей. Уже 12 июня миссия РОКК направила телеграмму в МККК об опасности, угрожающей жизни ее работников⁸⁵. Вслед за этим миссия сообщила о начавшихся арестах репатриантов⁸⁶. Материалы об этом были посланы в ЦК РКП(б) и НКВД⁸⁷. Протесты миссии, выраженные как в письменной форме, так и устно при посещениях А. В. Корецким МИД⁸⁸, новыми болгарскими властями игнорировались. 5 июля в Плевене был зверски убит уполномоченный РОКК М. В. Шелепугин⁸⁹. Советский уполномоченный в Варне Морозов был арестован, а через несколько дней его обнаружили мертвым в море⁹⁰. 14 июля министр внутренних дел И. Русев направил циркуляр окружным управителям, по которому 21 июля все работники миссии РОКК, ее уполномоченные, а также руководители и активные деятели Совнарода были схвачены властями⁹¹. Архив миссии оказался в руках фашистов. Министерство внутренних дел образовало специальную комиссию для его проверки с целью, как говорилось в приказе, «установить нелегальную деятельность миссии». Но эта затея завершилась бесславно. В своем акте комиссия была вынуждена ограничиться констатацией связи миссии РОКК с Совнародом, чего обе организации никогда не скрывали. Выдвинутые же обвинения по поводу того, что «миссия развивала политическую деятельность в Болгарии в пользу большевиков» и что она «поддерживала интимные связи» с БКП, были голословными⁹². Тем более фальшивым было заявление МИД Болгарии представителям печати 21 июля о том, что «большевистский Красный Крест занимался... руководством большевистской организацией» в стране, «террори-

⁸² ЦДИА, ф. 176, оп. 4, ед. хр. 2736, л. 54.

⁸³ Наша попытка выявить отношение этого лица к семье видных революционеров успехом не увенчалась. В беседе с Е. В. Бонч-Бруевич 4 декабря 1972 г. было выяснено, что живущим ныне членам семьи оно неизвестно.

⁸⁴ ЦДИА, ф. 176, оп. 4, ед. хр. 3065, л. 65—67, 92—93; Е. Е в с т а т и е в а. През погледа на един болшевик (Първи сведения и оценки за Девевоюнския фашистки преврат в България). «Научни трудове на Висша партийна школа „Станке Димитров“ при ЦК на БКП», отдел «история», т. 38. София, 1969, стр. 385—388.

⁸⁵ ЦГАОР СССР, ф. 9501, оп. 6, ед. хр. 39, л. 17.

⁸⁶ Там же, л. 18; там же, ед. хр. 41, л. 3, 5, 6, 23, 25, 26, 28—30.

⁸⁷ Там же, ед. хр. 44, л. 86, 94.

⁸⁸ Там же, л. 101—103.

⁸⁹ Там же, оп. 6, ед. хр. 50, л. 3—7; «Работнически весник», 16 VII 1923.

⁹⁰ ЦГАОР СССР, ф. 9501, оп. 6, ед. хр. 39, л. 19; ед. хр. 41, л. 6; «Работнически весник», 16 VII 1923.

⁹¹ Окръжен държавен архив — Велико Търново, ф. 60, оп. 1, ед. хр. 39, л. 176—177, 184—185, 204, 206, 214, 222—225.

⁹² ЦДИА, ф. 176, оп. 4, ед. хр. 3064, л. 2—5.

зировав и преследовал тех, кто не являлся его единомышленниками»⁹³. Эти инсинуации получили поддержку Коллинза, выступившего с публичными обвинениями по адресу советской миссии⁹⁴.

В создавшихся условиях НКВД СССР 14 июля обратился к Нансену с посланием, в котором, перечислив факты преследований советских представителей и лиц, стремившихся к возвращению на родину, заявил о решении РОКК отозвать свою миссию из Болгарии⁹⁵. Ответственность за невзгоды и лишения репатриантов, а также возможную расправу с ними со стороны реакционных банд возлагалась на фашистское правительство Болгарии⁹⁶. В этот же день миссия РОКК была официально отозвана⁹⁷.

Очевидно, результатом соответствующих представлений со стороны Нансена было то, что болгарские фашисты изменили свое первоначальное намерение физически расправиться с участниками движения за возвращение на родину⁹⁸. Члены советской миссии и Совнарода были переведены в Варну с целью высылки в СССР. Вскоре за советскими работниками прибыл пароход «Игнатий Сергеев». Местные власти силой посадили на него также группу членов Совнарода — около 700 человек, не имевших еще виз на въезд в СССР⁹⁹. В связи с этими провокационными действиями Советское правительство запретило судам под флагом СССР заходить в болгарские порты¹⁰⁰.

И в следующие годы правительство Цанкова и сменившее его правительство Ляпчева подчеркнуто демонстрировали ярый антисоветизм. В состоявшейся в декабре 1926 г. в Берлине беседе Г. В. Чичерина и болгарского посланника в Германии И. Попова советский нарком решительно противопоставил этому антисоветскому курсу политику правительства Стамболийского, заявив: «Мы были на пути к сотрудничеству со Стамболийским. Я имел с ним удовлетворительные беседы в Генуе, но с реакционными правительствами Цанкова и Ляпчева мы, наверное, никогда не сможем установить сотрудничества»¹⁰¹.

Итак, в процессе развития советско-болгарских отношений в начале 20-х годов возникла и упрочивалась тенденция дружественного сотрудничества между обеими странами. Важную роль в налаживании его сыграло пребывание в Болгарии в 1922—1923 гг. миссии Российского общества Красного Креста — единственного советского официального представительства на Балканах в данный период. Однако фашистский переворот 1923 г. воспрепятствовал завершению полной нормализации отношений между обеими странами. Дипломатические отношения между ними были восстановлены лишь в 1934 г.

⁹³ ЦГАОР СССР, ф. 9501, оп. 6, ед. хр. 46, л. 10.

⁹⁴ Там же, оп. 5, ед. хр. 44, л. 104—105.

⁹⁵ Текст заявления ЦК РОКК см. ЦГАОР СССР, ф. 9501, оп. 6, ед. хр. 39, л. 19.

⁹⁶ «Внешняя политика СССР, 1917—1944», т. 2 (1921—1924). М., 1944, стр. 791—792.

⁹⁷ «Бюллетень Наркоминдела», 1923, № 2, стр. 133.

⁹⁸ Как видно из беседы Нансена с одним из работников РОКК 7 октября 1923 г., Нансен пытался активно посредничать в урегулировании возникшего конфликта (ЦГАОР СССР, ф. 9501, оп. 6, ед. хр. 39, л. 7—8).

⁹⁹ ЦГАОР СССР, ф. 9501, оп. 6, ед. хр. 39, л. 27; Внешняя политика СССР, 1917—1944, т. 2, стр. 797.

¹⁰⁰ Государственный архив Одесской области, ф. 1965, оп. 1, ед. хр. 10, л. 85; ед. хр. 22, л. 34.

¹⁰¹ Т. Д о б р и я н о в. Българо-съветски дипломатически отношения (Документи). «Междувародни отношения», 1972, кн. 1, стр. 140.

ХИЛЬМАР ВАЛЬТЕР

ИЗ ИСТОРИИ БОЛГАРСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

Возрождение славянских, особенно южнославянских, народов часто рассматривается (например, на Международном симпозиуме «Гуманистическое и общественное значение славянских литератур» в 1972 г. в Варшаве) как единый процесс ускоренного исторического и культурного развития. Однако на упомянутом симпозиуме, где по этой тематике выступали С. В. Никольский, Г. Димов и Э. Георгиев, С. В. Никольский правильно подчеркнул, что во время Возрождения «разные типы художественного мышления осваивались... со значительным наложением друг на друга». Именно в связи с этим фактом надо более дифференцированно определить место отдельных воззрений на различных этапах Возрождения, обусловленных экономическими и политическими факторами общественного развития.

В статье мы попытаемся проанализировать в этом смысле роль деятеля эпохи Возрождения в Болгарии Ивана Богорова. Богоров известен прежде всего как публицист и основатель газетного дела в Болгарии, как автор путевых заметок «Няколко дена разходка по българските места» («Несколько дней путешествия по Болгарии»), явившихся поворотным пунктом в развитии этого жанра в новой болгарской литературе, как автор автобиографического произведения «Живота ми описан от мене» («Моя жизнь, мною описанная»), как переводчик художественной литературы, а также как поборник чистоты языка. Его публицистика и литературная деятельность могут служить примером того, как общественные явления и особенно экономическое развитие определяли в эпоху Возрождения всю духовную жизнь болгарского народа. Для литературного развития этой эпохи болгарской истории характерным было служение литературы интересам прогрессивных общественных сил.

Известно, что Богоров был не только литератором, публицистом и пуристом, но также серьезным языковедом, врачом и экономистом. В своей деятельности он учитывает задачи, стоявшие в то время в силу исторических закономерностей перед его народом. Его творчество является подтверждением мысли Э. Георгиева: «Сравнительно позднее Возрождение в нашей стране обусловило одну из его важнейших особенностей в тот период концентрации его сил: ускоренное развитие новых ренессансных форм. Пробужденная национальная энергия должна была быстро привести в движение колесо истории, которое твердо удерживалось в трясине средневековья угнетением (турецким. — Х. В.) и исходящими из этого причинами»¹.

Творчество Богорова является подлинным олицетворением того, что Г. Д. Гачев называет «синкретической литературой», термином, обозначающим «в общем типичный для докапиталистических формаций характер ли-

¹ «История на българската литература», т. II. София, 1966, стр. 19.

тературы, когда она понималась как письменность вообще, была универсальной формой идеологии и практически совпадала со всей сферой общественного сознания, в котором тогда еще... не развилось, разделение труда между разными его формами: политикой, религией, наукой, моралью, искусством»².

Ввиду этого ясно, что в творчестве, которому Богоров посвятил всю свою жизнь, трудно отделить одно от другого. Его разносторонние знания и интересы в меньшей или большей степени нашли отражение в его трудах и оказали влияние на всю его деятельность.

Поскольку Богоров являлся типичной фигурой эпохи болгарского Возрождения, особенно на первом ее этапе до Крымской войны 1853—1856 гг., вопрос о его общественно-политических воззрениях представляется очень важным. Характерным для всех выдающихся деятелей литературы в Болгарии в эпоху Возрождения было участие в национально-освободительной и социальной борьбе народа, отразившееся также в их литературном и публицистическом творчестве, которое они большей частью сознательно подчиняли своим политическим целям. Значительным примером этого служат Г. С. Раковский, Л. Каравелов и Х. Ботев. В этой связи следует попытаться, основываясь на более ранних работах, определить место общественно-политических воззрений Ивана Богорова в течениях того времени. Поскольку он сам никогда прямо по этим вопросам не высказывался, до сих пор эта проблематика была относительно мало освещена. Так, Г. Боршуков пишет, что «политическое кредо Богорова не совсем ясно освещено»³. Это обстоятельство несомненно обусловлено прежде всего деловой натурой Богорова. Он редко занимался теоретическими вопросами⁴ и в основном посвятил свою деятельность практическим задачам, направленным на благо его народа. Мы сможем приблизиться к пониманию его идеологии только при условии основательного и последовательного исследования его творчества и сопоставления этого творчества с конкретными обстоятельствами жизни Богорова. Большой материал содержится, наряду с экономическими и отчасти лингвистическими трудами, в вышеупомянутых литературных и публицистических произведениях.

Во всех опубликованных трудах о Богорове прежде всего отмечается его пламенный патриотизм. Он проходит красной нитью через всю его деятельность от издания портретов болгарских царей Ивана Асена II и Ивана Шишмана с болгарским государственным гербом из Стемматографии Жефаровича в 1840 г. до последних проявлений его борьбы за чистоту языка.

Мировоззрение Богорова формируется в 30—40-х годах XIX в., в период оживления социальной и экономической жизни в стране⁵. В развитии прогрессивных тенденций в духовной жизни болгар того времени участвуют также мелкая буржуазия, ремесленники и купцы⁶. Патриотизм Богорова обнаруживается в его публицистике, в его борьбе за литературный язык на основе народных диалектов и в его экономических воззрениях. Он находит свое выражение в программе его первой газеты «Български орел», где он придает большое значение ремеслу и торговле, в его автобиографии, в которой он называет необходимыми «торговлю и просвещение», упоминая их вместе, и, наконец, в его путевых заметках. Так, в статье «Свикванье» («Созыв») («Български орел») мы читаем: «Эта газета под названием „Болгарский орел”

² Г. Д. Г а ч е в. Ускоренное развитие литературы. М., 1964, стр. 14—15.

³ Г. Б о р ш у к о в. История на българската журналистика. София, 1957, стр. 59.

⁴ Теоретические рассуждения Богорова в истинном смысле слова известны только о проблемах политической экономии. См. Ж. Н а т а н. Първият български политикономист. В сб. «Д-р Иван Богоров». Материали, свързани със 150-годишния юбилей от рождението му. Пловдив, 1972, стр. 57—69.

⁵ «Кратка история на България». София, 1969, стр. 110.

⁶ См. «История на България», т. I. София, 1961, стр. 330—332, 336—337.

будет издаваться на чистом народном языке и будет иметь такое содержание.... 4. Для торговцев и тех, кто занимается ремеслом, будут даваться сведения, поучения и наставления, каким путем они должны идти, чтобы достигнуть такого состояния и такого процветания торговли и ремесел, как другие европейские народы». Из «Моей жизни, мною описанной»: «В Бал-Капане я жил в маленькой комнатке... и каждый вечер... мы разговаривали о торговле и просвещении».

О целях своих путевых заметок он говорит: «Нашим главным помыслом в связи с этим путешествием было как-то помочь развитию ремесленного чувства у болгарского народа, чтобы он мог легче найти путь к своему обогащению, от которого зависит все его благополучие и благоденствие; поэтому и наши заметки в этой книжке относятся более к промышленности»⁷. Классовые корни его деятельности отчетливее всего проявляются в его опубликованных экономических трудах, которые Ж. Натан подверг тщательному исследованию.

В связи с этим особенно интересен тот факт, что Богоров в своем «Журнале за наука, занаят и търговия» защищает экономические теории, близкие теориям ведущих представителей классической буржуазной политической экономии Рикардо и Смита⁸. Одновременно с этим в своей статье «Чорбаджиите», опубликованной в газете «Народност», он выступает против этой общественной группы, являющейся опорой феодального порядка и тем самым тормозящей развитие капиталистических производственных отношений. В своем описании Пловдива Богоров указывает на губительную роль ростовщичества, парализующее действие которого на производственные отношения при господствовавших в то время в Болгарии феодальных отношениях было доказано Марксом⁹. Как отмечал Ж. Натан, Богоров был врагом иностранного капитала, и это отчетливо выразилось в его путевых заметках¹⁰. Он понимал, что вторжение иностранного капитала в Болгарию еще до ее освобождения уже создавало основу для нового иностранного угнетения. Так, в статье «Бал Капан Хан» он пишет: «Европейцы уже захватили наши приморские и дунайские гавани, отняли у нас обе железные дороги, и каждый день получают миллионную прибыль на наших горбах. Завтра, когда они захватят самые лучшие наши места, чтобы построить фабрик, нам не останется ничего другого, как быть их вечными рабочими по найму».

Все это неоспоримо доказывает, что Богоров последовательно выступал за быстрое развитие национального болгарского капитализма. Он надеялся, а это следует особенно подчеркнуть, что это принесет благосостояние всему народу.

Борьба за литературный язык на базе диалектов, которую Богоров ведет против сторонников так называемой славяно-болгарской школы, требовавшей создания малопонятного народу книжного языка, основанного на церковно-славянском, свидетельствует о его демократических воззрениях. Так, он пишет в статье «Българска аритметика, сочинена от Хр. К. Сичан Николов»: «...то правописание самое гладкое и тот язык самый приятный, которые наш народ, слушая и читая, хорошо понимает». Понимание необходимости просвещения народа, стремление передать своим соотечественникам научно-обоснованное отношение к миру находит выражение во всех трудах Богорова, исключая чисто филологические, опубликованные в последние годы его

⁷ Все высказывания Богорова взяты из книги: И. Б о г о р о в. За народна сваят, добро поминуване и родна реч. Избрани произведения. Редактор и съставител проф. Г. Боршукон. Пловдив, 1970. Приведенные цитаты в настоящей статье находятся последовательно на страницах 40—42, 30, 198, 234, 135—136, 30, 54, 33, 224, 235 этой книги.

⁸ Ж. Натан. Там же.

⁹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 518.

¹⁰ Ж. Натан. Там же, стр. 66.

жизни. Здесь укажем только на его грамматику, на содержание его газет или соответствующие разделы о школьном образовании из его путевых заметок. Итак, мы можем сделать сейчас следующие обобщения к нашей проблеме: типичным для общественно-политических воззрений Богорова является его патриотизм на базе демократизма, антифеодализма, апологии капиталистического хозяйства и просвещенной нации.

О классовых корнях этого отношения мы уже говорили. Мы указывали уже в другом месте на факты биографии Богорова, которые, очевидно, имели немаловажное значение в формировании его идеологической ориентации. Речь идет о его поездках за границу, в частности о его трехлетнем пребывании в Лейпциге¹¹. Повод к этому заключению дают следующие замечания в его автобиографии, которые относятся ко времени его деятельности в качестве редактора газеты «Цариградски вестник»: «Часто вечерами мы собирались по пять-шесть человек в одной комнате скоротать время. Я рассказывал о Европе, о торговых компаниях, о железных дорогах...».

Из этого вытекает, что экономические воззрения Богорова в основном созрели уже в 40-е годы, хотя в обобщенной форме он их изложил только в 60-е годы.

Известно, что Богоров основал «Цариградски вестник» после того, как возвратился из Лейпцига. Можно с относительной уверенностью предположить, что, говоря о Европе, Богоров имеет в виду в первую очередь свои впечатления о Лейпциге. Лейпциг, в то время почти 700-летний город, с его почти такой же старой ярмаркой, в 40-е годы прошлого столетия обладал рядом особенностей, непосредственно связанных с его развитием в XVIII в. Уже в первой половине XVIII в. заметно развивается формирующаяся в университете передовая буржуазная мысль. Такие имена, как И. Х. Готтшед, Вильгельм Лейбниц, Христиан Ф. Геллерт, Г. Е. Лессинг, Ф. Клопшток, Готтлиб Фихте и И. В. Гёте, в эпоху Просвещения были связаны с Лейпцигом и его университетом. В Лейпциге, являвшемся центром торговли между Востоком и Западом, сложились исключительно хорошие условия для создания торгового капитала. В начале XIX в. развитие мануфактуры достигает своего апогея. После освободительной войны против Наполеона, которая имела большое стимулирующее влияние на развитие передовой мысли, в Лейпциге начинается, особенно с 30-х годов, усиленное капиталистическое промышленное развитие, которое, правда, протекает здесь медленнее, чем в других областях Германии, из-за преобладания торгового капитала. Тем не менее в начале 40-х годов были основаны первая прядильная, первый чугунолитейный цех и первый газовый завод. Одновременно Лейпциг становится инициатором обширного железнодорожного строительства в Германии. Наряду с хозяйством развивается многосторонняя культурная жизнь, имевшая свои традиции в XVIII в. Достаточно вспомнить о И. С. Бахе и его хоре мальчиков «Томанерхор», о театре, а также о развитии издательском деле. В первой половине XIX в. культурная жизнь города была связана с Фридрихом Мендельсоном-Бартольди и Робертом Шуманом, которые в 1843 г. основали консерваторию, Альбертом Лортцингом и др. В 1846 г. в Лейпциге было уже 29 типографий и 71 переплетная мастерская. Издатели составляли также ядро сильного либерального течения лейпцигской буржуазии. Во время реакционных карлсбадских решений, результатом которых явилось преследование национального и демократического движения во всех немецких государствах, в Лейпциге концентрировались передовые силы буржуазного либерализма, ухо-

¹¹ См. Х. В а л т е р. Лейпциг и Богоров. В сб. «Д-р Иван Богоров», стр. 71—79.

дящего своими корнями в эпоху Просвещения¹². Этому развитию благоприятствовало то обстоятельство, что Саксония, к которой принадлежал Лейпциг, как одно из промышленных германских государств, уже тогда была конституционной монархией и буржуазия в Саксонии обладала большими возможностями для политической деятельности, чем в Пруссии. Однако требования буржуазии, вытекавшие из необходимости устранения противоречий между созданными капитализмом производительными силами и существующими феодальными производственными отношениями, не могли быть удовлетворены в сохранившем свой феодально-классовый характер государстве¹³.

Либерализм в это время характеризовался требованием «свободной игры сил», т. е. свободной конкуренции, свободы для предпринимателей и купцов, гарантии прав личности, всеобщего избирательного права, свободы печати, совести, вероисповедания и равенства всех перед законом. Он стремится к конституционной монархии или к буржуазной республике¹⁴. Для нас интересно также то, что буржуазные политэкономы Смит и Рикардо считались духовными отцами либерализма. Для немецкого либерализма на этом этапе типична борьба за объединение нации, хотя вопрос о характере будущего объединенного немецкого государства остается открытым¹⁵.

Можно сделать заключение, что эта борьба до революции 1848 г. носила объективно прогрессивный характер. В то же время назревали классовые противоречия между буржуазией и пролетариатом¹⁶. Исходя из объективных условий развития, Маркс и Энгельс также подчеркивали в «Коммунистическом манифесте», что все демократические силы в тогдашней Германии должны были бороться вместе с буржуазией против абсолютистской монархии и феодальной собственности¹⁷. Прогрессивные тенденции либерализма нашли свое выражение в том, что Лейпциг в 20—40-х годах прошлого столетия был одним из центров поддержки национально-освободительного движения в Европе. Так, например, в 20-х годах в Лейпциге образовался центр помощи греческому освободительному движению, а филэллизм стал специальной формой либерального сопротивления феодальной реакции¹⁸. В 30—40-х годах Лейпциг играл значительную роль в процессе образования буржуазных наций в славянских областях, где господствовали немецкие князья. Это относится прежде всего к славянам в Австро-Венгрии, лужицким сербам и полякам. В то время, когда Богоров учился в Лейпциге, в университете существовало Отделение русского и славянского языков и литературы. Последним руководил покровитель Богорова Ян Петр Йордан, центральная фигура в прославянском движении, основатель анналов «*Jahrbücher für slawische Literatur, Kunst und Wissenschaft*» («Ежегодники славянских литератур, искусства и науки»), в которых содержится также две информации о газете Богорова и ее издателя¹⁹, что побудило Богорова в «Просветение и книж-

¹² См. H. Arnold, H. Beiring, H. Füssler, G. Krüger, M. Unger, K. Wiegeler. Leipzig in acht Jahrhunderten. Leipzig, 1965.

¹³ См. R. Weber. Die Revolution in Sachsen 1848/49. Berlin, 1970, S. 2; E. Wolfram. Die Rolle der Universität Leipzig bei der nationalen Wiedergeburt der slawischen Völker. In: Karl-Marx-Universität Leipzig 1409—1959, Bd. 1, S. 223—249.

¹⁴ См. «Sachwörterbuch der Geschichte», Bd. 2. Berlin, 1970, S. 33.

¹⁵ «Советская историческая энциклопедия», т. 8. М., 1965, стр. 615.

¹⁶ См. R. Weber. Ibid., S. 31—32.

¹⁷ H. J. Bartmuss, u. a. Deutsche Geschichte in drei Bänden, Bd. 2. Berlin, 1965, S. 197, 223, 227; K. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 459.

¹⁸ W. Löschburg. Wilhelm Traugott Krug und der Befreiungskampf des griechischen Volkes. In: Karl-Marx-Universität Leipzig 1409—1959, Bd. 1, S. 208—222.

¹⁹ Jahrgang IV, S. 231, 240—241.

нина на българети» («Болгарское просвещение и образование») написать об этом с благодарностью. О развитом в то время интересе к славянам свидетельствует также намерение Йордана выпустить ряд практических учебников славянских языков, в том числе и болгарского. Тогда же вокруг лужицкого писателя Гандрия Цейлера образовался кружок прогрессивных молодых славянских ученых и деятелей искусства. Либеральные лейпцигские издатели поддерживали передовых представителей славянских народов, печатая их произведения ²⁰.

Следует еще подчеркнуть, что как раз в период пребывания Богорова в Лейпциге либеральное буржуазное движение переживало сильный подъем в связи с назревавшей революцией. Так, например, были проведены три общегерманских совещания ученых и деятелей культуры (1822, 1828, 1838), которые оказали большое стимулирующее воздействие на либеральное движение. В 1845 г. в Лейпциге заседал первый общегерманский съезд писателей со 100 участниками, в 1846 г. во Франкфурте на Майне собрались немецкие германисты, второй съезд которых состоялся уже в 1847 г. в Любеке. Эти три совещания явились также форумами либерально-антифеодальной борьбы. В последние месяцы перед отъездом Богорова из Лейпцига либеральная буржуазия осуществила в Пруссии большое наступление на прусскую монархию, что вызвало широкий отклик со стороны передовых сил всей Германии ²¹.

Такова была атмосфера экономически обусловленного политического прогресса в период пребывания Богорова в Лейпциге. Это не могло не оказать влияния на такого внимательного наблюдателя, как Богоров, сумевшего обнаружить во всех этих явлениях общественной жизни в Германии тенденции общественного развития, существовавшие в первоначальной форме и в Болгарии. Следует учесть, что развитие капитализма в раздробленных германских государствах также отставало по сравнению с другими западноевропейскими государствами.

Сравнимая идеологические позиции Богорова, коротко освещенные вначале, с буржуазным либерализмом в его прогрессивной фазе, мы обнаруживаем множество общих черт, основной из которых является оценка капитализма как формации, несущей благосостояние всему народу. Эта точка зрения была обусловлена еще не отчетливым проявлением классовых противоречий между пролетариатом и буржуазией во время возникновения капитализма. О связи общественно-политических воззрений Богорова с либерализмом свидетельствует также множество фактов из его жизни. Прежде всего мы хотели бы указать на то, что, как пишет Д. Косев, молодые болгары имели возможность уже в греческих школах познакомиться с либерализмом, тесно связанным с греческим патриотизмом ²². Как известно, Богоров посещал «славяно-греческую школу» в Карлове и позднее школу греческой патриархии в Кору чешме. Можно предположить, что у него уже там сложились либеральные представления. Далее следует вспомнить еще о его сдержанном отношении к революции 1848 г. ²³, пропаганде либеральных законов султана Абдул Меджида в 1839 г. в газете «Български орел», его, хотя и кратковременное, сотрудничество в газете «Народност», органе болгарских дуалистов, связанное с идеей конституционной монархии, а также с отношением Богорова к вооруженной борьбе и к революционному движению в Болгарии после Крымской войны, которое, можно с уверенностью предположить, было от-

²⁰ См. E. Wolfgramm. Ibid.

²¹ H.-J. Bartmuss. Ibid., S. 60.

²² Д. Косев. Новая история Болгарии. М., 1952, стр. 123.

²³ См. Г. Боршук ов. История на българската журналистика 1844—1877, 1878—1885, София, 1965, стр. 60.

рицательным. Об этом свидетельствует вся его деятельность, а также следующие замечания из его автобиографии: «Из Валахии приехало около восьми ученых румын, вооруженных не колючими ружьями, а золотыми монетами, чтобы выпросить что-то у Европы для своей родины».

Из ряда высказываний можно также сделать вывод о его лояльном отношении к Высокой Порте и несомненном доверии к политике западно-европейских союзников Турции. Так, в описании Богоровым Старой Загоры мы читаем: «Они жалуются на султанский налог, который, по их словам, был таким большим, что они не могли его выплатить. Истина же в том, что у них на горбу висит их бедность, которая идет от их лени, а не султанский налог. О последнем еще две тысячи лет тому назад сказано в евангелии „Дайте кесарю кесарево“». Приведем и цитату из статьи «Бал Капан Хан»: «Находясь ближе к султану, балкапаны могли бы скорее добиться от Высокой Порты для болгарского народа тех прав, которые великие державы требуют от Турции для христиан, т. е. истинного равенства». Деятельность Богорова как переводчика художественной литературы также иллюстрирует его идеологическую ориентацию, поскольку роман «Робинзон Крузо» Дефо отражает буржуазные взгляды периода первоначального накопления капитала²⁴.

Подводя итоги, можно сказать, что отстаивая идеи раннего прогрессивного либерализма, Богоров ратовал за исторический прогресс своей родины, за необходимый переход к капиталистическому общественному строю. Употребляя традиционную терминологию, можно квалифицировать его как либерального просветителя. Существование либерального просветительства как течения внутри болгарского просвещения обусловлено спецификой процесса ускоренного общественного развития, следовавшего за первоначальной отсталостью, в связи с чем некоторая часть общества быстро нашла путь к новой ориентации, а другая отставала²⁵. Можно с полным правом сказать, что во второй четверти XIX в., когда Богоров формировался как личность, он правильно понял многие общественные явления в Болгарии того времени и в соответствии с этим правильно ориентировался. Достаточно вспомнить то обстоятельство, что мелкая торгово-промышленная буржуазия, образовавшая позднее с крестьянами и народной интеллигенцией широкое революционно-демократическое массовое движение, до Крымской войны 1853—1856 гг. «была довольна обстановкой, сложившейся сравнительно благополучно для нее, и поэтому за редким исключением, не принимала участия в борьбе за политическое освобождение Болгарии»²⁶. Итак, вследствие развития производительных сил и борьбы за рынок в Турецкой империи, в центре внимания того времени находилась борьба за равенство граждан, культурную автономию, народное образование и самостоятельную болгарскую церковь²⁷. (Богоров принимал участие также и в этой борьбе.) Он подготавливал вместе с другими просветителями — Петко Славейковым, Д. Войниковым, М. Дриновым и другими — почву для дальнейшей борьбы за освобождение Болгарии от турецкого ига. Его активное выступление за создание индустрии и развитого транспорта в Болгарии в 60-х годах было созвучно потребностям исторического развития. Однако в условиях более отчетливого проявления классовых противоречий в период непосредственно перед и после освобождения Болгарии в 1878 г. Богоров не сумел верно

²⁴ См. G. Klotz. Послесловие к: D. Defoe. Roxana. Berlin — Weimar, 1969, S. 381—382.

²⁵ См. «История на България», т. I. София, 1961, стр. 19.

²⁶ Д. Косев. Там же, стр. 241.

²⁷ См. «Кратка история на България», стр. 117—122; «История на България», т. I, стр. 332—336, 341—342.

понять тенденции дальнейшего общественного развития. В своей деятельности он все дальше и дальше отходит от насущных проблем жизни. С 1869 г. он занимается почти исключительно проблемами языка²⁸, причем из-за радикального пуризма он становится объектом насмешек со стороны многих своих соотечественников. Либерализм в новых условиях превратился в демагогическое учение, противоречившее интересам народных масс, и был сознательно использован буржуазией для завуалирования классового характера капиталистического общества, в то время как прогрессивные принципы либерализма в капиталистическом обществе могли быть последовательно проведены только рабочим движением. Это подтверждается историей либеральных партий в Болгарии после 1878 г. Богоров с его идеологией, уходящей своими корнями в Возрождение, не мог идти по этому пути. Искренне борясь за лучшую жизнь своего народа, он оказался беспомощным перед лицом новых противоречий, и, как сказал А. Теодоров-Балан, «после освобождения его особенно волновало положение Болгарии и болгар, но политикой он не занимался»²⁹.

Слова Димитра Благоева о П. Р. Славейкове можно отнести также и к Ивану Богорову: «...сегодняшнее поколение, как и будущее, будет о нем вспоминать всегда с чувством благодарности, так как без предшествующей деятельности таких людей... мы не имели бы возможности идти вперед»³⁰.

²⁸ См. В. Б а к ъ р д ж и е в. *Неспокоен дух. Кратък животопис на д-р Иван Андреев Богоев-Богоров*. В сб. «Д-р Иван Богоров». Юбилейно издание на Сюза на българските журналисти по случай 150 години от рождението му. София, 20 ноември 1970 год., стр. 3.

²⁹ «150 години от рождението на Иван Богоев»; «Проф. Балан за д-р Иван Богоров». «Народна култура», год. XIV, бр. 48, стр. 8.

³⁰ Д. Б л а г о е в. *Литературно-критически статии*. София, 1951, стр. 379—380.

Е. П. НАУМОВ

К ИСТОРИИ СЕРБСКОГО ФЕОДАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В КОНЦЕ XII — НАЧАЛЕ XIII ВЕКА (Центральная власть и удельные княжества)

В средневековой истории сербских земель конец XII и начало XIII в. являются весьма важным рубежом, связанным со значительными политическими и социально-экономическими переменами. В состав возникшего в конце XII в. единого сербского государства во главе с великим жупаном Стефаном Неманей вошли прежде раздробленные и враждовавшие друг с другом княжества (Рашка, или собственно Сербия, Требинье, Дукля, или Зета, Захумье, или Холм), находившиеся в той или иной мере в зависимости от Византийской империи. Процесс упрочения новой, не зависимой от Византии сербской государственности завершился в начале XIII в. с провозглашением самостоятельного королевства (под эгидой династии Неманичей) и созданием автокефальной сербской православной церкви¹.

Естественно, что для всестороннего исследования эпохи формирования и укрепления единого сербского феодального государства, постепенного «собираения» разных княжеств и уделов представляется необходимым изучение объединительных и партикуляристских тенденций в истории политического развития сербских земель. Между тем, хотя в литературе отражены основные особенности внешнеполитической истории феодальной Сербии, проблемы административного управления, динамика политической структуры и развитие государственно-правовой идеологии сербской монархии, все же и в настоящее время некоторые вопросы истории политического строя той поры остаются недостаточно разработанными или спорными. Не вызывает сомнения, что такие проблемы и разногласия в оценке важных явлений истории сербской средневековой государственности обусловлены не только фрагментарностью и скудостью источников, но и теми различиями методологических основ и критериев анализа процессов генезиса и развития феодального государства, которые в той или иной мере проявляются в современной историографии (в частности, в работах советских медиевистов и некоторых югославских историков)².

¹ См., например, К. Ј и р е ч е к. Историја Срба, т. I—II. Београд, 1952; «Историја народа Југославије», т. I. Београд, 1953; «Историја Црне Горе», кн. 1—2. Титоград, 1967—1970; В. П. Г р а ч е в. Сербская государственность в X—XIV вв. (Критика теории «жупной организации»). М., 1972; Е. П. Н а у м о в. Господствующий класс и государственная власть в Сербии XIII—XV вв. М., 1975.

² См., например, В. П. Г р а ч е в. Там же, стр. 68—70, 314; Е. П. Н а у м о в. Там же, стр. 14—16.

Поэтому при изучении эволюции сербской средневековой монархии, по нашему мнению, особое значение приобретает проблема соотношения объединительных процессов и удельного партикуляризма именно в этот переломный момент (в конце XII — начале XIII в.), когда формировалось и укреплялось единое государственное объединение сербских земель. Остановимся на трактовке данных вопросов в послевоенной югославской историографии. В 1950 г. югославский медиэвист И. Божич в статье «О положении Зеты в государстве Неманичей» резко выступил против тезиса об особом положении Зеты (как удельного княжества) в составе сербского государства, отрицая при этом вообще существование уделов в рамках державы Неманичей. Полагая, что «временные» пожалования отдельных областей членам династии нельзя считать созданием удельных княжеств, Божич считал неправомерным употребление самого термина «удел» как неизвестного сербским памятникам³.

Показательно, что появление статьи Божича, содержащей как верные наблюдения, так и некоторые недостаточно обоснованные положения⁴, привело к разногласию в оценке политической структуры феодального сербского государства, к появлению (в ряде работ югославских историков) заметной тенденции к недооценке центробежных, сепаратистских устремлений, находивших выражение в политике удельных князей (в особенности в конце XII — начале XIII в.). Так, например, мы не находим термина «удельное княжество» или даже постановки вопроса об уделах в ряде работ сводного характера (в частности, по истории сербского феодального государства и права)⁵. Более того, статья Б. Радойковича, который пытался найти для сербских удельных княжеств аналогию в удельной системе Киевской Руси, встретила крайне резкую критику со стороны С. Чирковича⁶. Между тем, в последнее время в некоторых работах югославских историков нашла отражение иная, не совпадающая с мнением Божича точка зрения на вопрос об уделах в феодальной Сербии. Так, в «Истории Черногории» С. Чиркович уже счел возможным отметить существование «старой» удельной системы в государстве Стефана Немани, которое поэтому представляло собой весьма непрочное образование⁷ (аналогичное мнение было им высказано и в однотомной «Истории Югославии», изданной совместно с И. Божичем и др. авторами в 1972 г.). Следует отметить, что в советской историографии также указывалось на существование уделов в державе Неманичей, на сохранение некоторыми землями (Зетой и др.) особого статуса в сербском государстве (вплоть до сер. XIII в. или позднее)⁸.

В связи с тем, что в историографии вопрос о роли центробежных тенденций и значении уделов в политической системе государства Неманичей

³ И. Б о ж и ч. О положају Зете у држави Немањића. «Историски гласник», 1950, № 1—2, стр. 97—121.

⁴ См., например, В. П. Г р а ч е в. Там же, стр. 221, 236—238; Е. П. Н а у м о в. Там же, стр. 178—180.

⁵ См., например, «Историја народа Југославије», т. I, стр. 399—402, 450—451 (ср. в разделе М. Динича — стр. 329—332); Д. Ј а н к о в и ћ. Историја државе и права феудалне Србије (XII—XV век). Београд, 1957, стр. 70—71. «Историја на државите и правата на југословенските народи». Београд, 1972, стр. 90—94; Ср. М. Д и н и ћ. Три повеље из писма Ивана Лучића. «Зборник Филозофског факултета», кн. III. Београд, 1955, стр. 76—88 (о Хумском уделе Растка Неманича).

⁶ Б. Р а д о ј к о в и ћ. Разматрања о деоним владању и деоним кнежевинама. «Историски часопис», кн. VIII, 1959, стр. 3—24 (ср. рец. С. Чирковича в «Историски гласник» 1960, № 1—2, стр. 195—198).

⁷ «Историја Црне Горе», кн. 2, т. I, 1970, стр. 4—5 (ср. стр. 13).

⁸ См., например, В. П. Г р а ч е в. Там же, стр. 224; 238; Е. П. Н а у м о в. Там же, стр. 181 и сл.; ср. Ю. В. Г о т љ е. Образование Сербского государства. «Славянский сборник», М., 1947, стр. 12.

все еще остается спорным, нам представляется целесообразным рассмотреть здесь сохранившиеся материалы о структуре государственного управления Сербии конца XII в., о взаимоотношениях центральной власти и удельных правителей. При этом, разумеется, необходимо обратить особое внимание на освещение этих вопросов в первых нарративных памятниках той поры — сербских биографиях начала XIII в. Нам представляется немаловажным выяснить, действительно ли в державе Немани и его ближайших преемников существовала удельная система (по определению С. Чирковича, «старая система»), проследить по сохранившимся материалам, каково было реальное соотношение объединительных и центробежных тенденций политического развития. Наконец, особенно важен вопрос, появляются ли при Немане в сфере государственного управления (или в области политической теории) какие-то новые явления и черты феодальной централизации, в силу которых судьба единого сербского государства уже не зависела бы, как пишет проф. Чиркович, от «стечения обстоятельств или изменчивого соотношения сил»⁹.

При этом, обращаясь к известным нам свидетельствам актов и нарративных источников, мы можем сразу же отметить, что некоторые акты (например, из архива Дубровника) и иностранные хроники конца XII в. совсем иначе характеризуют политическую структуру феодальной Сербии при Немане, нежели первые нарративные памятники рашской традиции (т. е. два жития Стефана Немани, написанные его сыновьями — Саввой и Стефаном).

Как известно, в этих житиях начала XIII в., равно как и в первых сербских летописях (Копориньской и др.), вовсе нет упоминаний о разделении сербских земель между Неманей и его братьями (Мирославом и Срацимиром), а также о самих братьях Немани¹⁰. Явная тенденциозность таких сообщений видна при сравнении их с другими свидетельствами о наличии в сербских землях (до 1189—1190 гг.) своеобразной триархии. Такие «совладельческие» или союзные взаимоотношения проявлялись и в совместных внешнеполитических выступлениях (так, договор с Дубровником 27 сентября 1186 г. был заключен послами сербского государства от имени «великого жупана Немани и братьев его, князя Срацимира и [князя] Мирослава») ¹¹. Точно так же вместе вели переговоры сербские владетели и в июле 1189 г. с германским императором Фридрихом I¹². Такая совместная политика сочеталась с разделом между братьями (возможно, и другими членами династии) всей территории сербских земель.

Рассмотрим распределение сербских земель в 70—80-х годах XII в., в период названного выше триумвирата во главе с Неманей, т. е. в те годы, когда укрепление власти Немани сопровождалось расширением его владений (вероятно, и владений его братьев Мирослава и Срацимира) за счет соседних сербских княжеств, также находившихся под верховной властью Византийской империи, прежде всего за счет Хумского княжества и Зеты. По всей видимости, глава сербской триархии Неманя, став великим жупаном, оставил за собой свой прежний удел (Топлицу,

⁹ «Историја Црне Горе», кн. 2, т. I, стр. 5.

¹⁰ Ср., например, Л. Стојановић. Стари српски родослови и летописи. Београд, 1927, стр. 66—67, ср. также стр. 14—15, 175—176 и сл. (показательно, что обычно в поздних летописях говорится лишь о братьях Немани — Завиде, Првославе и Срацимире и о строительстве ими церквей, но не об их уделах).

¹¹ А. Соловьев. Одабрани споменици српског права. Београд, 1926, стр. 3.

¹² A. Chroust. Quellen zur Geschichte des Kreuzzuges Kaiser Friedrichs I. Berlin, 1923, S. 29—31. Подробнее об этих немецких хрониках III крестового похода см. М. А. Заборов. Современники — хронисты и историки крестовых походов. «Византийский временник» (далее — ВВ), т. XXVI, 1965, стр. 142—143; «Зборник Константина Иречека», т. I. Београд, 1959, стр. 433 и сл.

Ибар и др.), получив также в силу своего великожупанского сана и центральную область Сербии — Рас. Срацимир, который основал монастырь Богородицы в Градце (ныне Чачак), имел, вероятно, своим уделом районы северной Рашки — по течению Зап. Моравы, быть может, также и Дрины¹³.

В особенности примечательно расположение владений Мирослава. Он известен нам из источников как князь Хума (Холма, Захумья), но в литературе отмечалось, что им был построен в бассейне р. Лима монастырь Петра и Павла¹⁴. Это дает основания предполагать, что первоначально Мирослав имел удел в западной Сербии (в бассейне рек Лим и Тара), позднее расширив его за счет присоединенного Хумского княжества. Интересно сопоставить эти свидетельства с теми сведениями, которые содержатся в памятниках конца XII—начала XIII в.

Так, в первой Хиландарской грамоте дано следующее перечисление завоеваний Стефана Немани (преимущественно в 80-х годах XII в.): «... и воздвиг я [т. е. Неманя] погибшую свою дедину и приобрел: от [при] морской земли Зету и с городами, а от албанцев — Пилот, а от греческой земли — Лаб с Липляном, Дубочицу, Реки, Загрлату, Левче, Белицу, Лепеницу»¹⁵. Сходный, но не вполне идентичный список присоединенных Неманей областей приведен в Житии его, написанном Саввой: «... и воздвиг [он] погибшую свою дедину и приобрел от поморской земли Зету и с городами, а от Албании — оба Пилота, а от греческой земли — Патково, все Хвостно и Подримье, Кострц, Дршковину, Ситницу, Лаб, Липлян, Дубочицу, Реки, Ушку и Поморавье, Загрлату, Левче, Белицу»¹⁶. Гораздо более обстоятельно, но и более противоречиво то описание, которое посвящает завоеваниям своего отца (в том числе и временным его захватам) Стефан Первовенчаный. Из сочинений Стефана I мы узнаем о присоединении Неманей Нишской области, Призренской, Положской, Липляна, Моравы, Вране, как и «Диоклитии же и Далмации, отечества и рождения своего, истовой дедины своей» вместе с городами Котор, Бар, Ульцинь, Скадар, Дриваст и др.¹⁷.

Нетрудно заметить, что в этих источниках дается лишь перечисление присоединенных Неманей областей на восточной и южной окраинах его владений, на границах Рашки с Византией (если не считать Зеты и североалбанской области Пилот), однако вовсе не упоминается Хумское княжество. Мы, вероятно, должны расценивать это умолчание о Хуме (равно как и о Мирославе Хумском) как доказательство того, что Хум входил в состав основных владений Немани (заметим, что это противоречит данным о власти Мирослава), либо как указание на давнюю принадлежность Хума Мирославу. В пользу последнего предположения мы можем привести сведения трех сербских (поздних) летописей — Хиландарской, Верковичевой и Остоичевой: «во время Эммануила Комнина в 24-й год правления его (т. е. 1166—1167 — *Е. Н.*) Неманя принял начальство в земле сербской,

¹³ См., например, К. Јиречек. Историја Срба, т. I, стр. 151, ср. стр. 154 (предание о походе Срацимира против жителей острова Корчулы, с которыми он заключил мир от имени Немани и Мирослава).

¹⁴ К. Јиречек. Историја Срба, т. I, стр. 151; М. Динић. Три повеље..., стр. 78 и сл.

¹⁵ В. Ђоровић. Списи св. Саве. Београд, 1928, стр. 1. Такой же перечень дан и в Хиландарской грамоте Стефана Первовенчанного (1200—1202); см. ВВ, т. XIX, 1915, стр. 371—372.

¹⁶ В. Ђоровић. Списи..., стр. 151—152.

¹⁷ «Светосавски зборник», кн. 2. Београд, 1938, стр. 31—32. Ср. Р. Новаковић. О неким питањима подручја данашње Метохије крајем XII и почетком XIII века. «Зборник радова Византолошког института», т. 9, 1966, стр. 196—197. Как известно, отличие сочинения Стефана от жития, написанного Саввой, не только в списке областей, но и в трактовке Дукли как «дедины» Немани (а вовсе не Рашки: ср. «Историја Црне Горе», кн. 1, стр. 443).

которая называется Рас. Брат его Мирослав был князем в земле Хумской; Далмацию же греки держали»¹⁸. Быть может, такое разделение Сербии и Хума в трех летописях, полностью отсутствующее в других летописях и родословах, следует понимать как проявление почти вовсе забытого древнего предания о владении Мирославом Хумским княжеством о т д е л ь н о от всей прочей его «братии», т. е. в качестве особого удела или полугосударства, союзного с Рашкой Немани¹⁹.

Понятно, что следы такой исторической традиции могли дойти до нас лишь случайно, в силу того, что уже в конце XII в. в процессе дальнейшей централизации сербских земель Неманя предпринял попытку ликвидировать самостоятельное Хумское княжение. Поэтому и в житиях начала XIII в., как отмечалось ранее, исключено само имя Мирослава и его потомков (как возможных претендентов на Захумье).

Поэтому для нас оказываются весьма важными даже те скудные сведения о переговорах сербских правителей (Немани и его братьев) с германским императором Фридрихом I при их встрече в Нише 27 июля 1189 г., которые содержатся в одной из анонимных немецких хроник (так называемой Ансберта). Стараясь заключить союз с Фридрихом против Византии и обещая в этом случае привянуть завоеванные у греков земли в качестве лена, дарованного императором, Неманя и Срацимир, выступая от имени Мирослава, пытались укрепить это сотрудничество с императором родственными узами. Как пишет анонимный хронист, они просили императора, «чтобы в его присутствии было определено императорским решением, т. е. чтобы дочь славного герцога Далмации, каковая именуется и Хорватией или Меранией, названного маркграфа Истрии Берхтольда была дана в жены сыну его брата (т. е. Немани) Мирослава, князя и владетеля Хума и Рашки, каковые соседствуют с Далмацией». Император и сам герцог Берхтольд IV, будущий тесть Тольена Мирославича, дали свое согласие на этот брак, но с «тем условием, чтобы сам Тольен (в тексте Тольни — или Толин? — Е. Н.) и его наследники от дочери герцога Берхтольда после смерти отца (т. е. Тольена) наследовали полную власть прежде всех своих братьев, каковое условие эти князья (сербские) утвердили, приложив десницу»²⁰. Это сообщение хрониста уже было использовано в литературе²¹, где, однако, почти не обращалось внимания на особо зафиксированное условие брачного договора насчет наследования Тольена.

Между тем, даже в этом сжатом изложении хрониста мы можем найти любопытные сведения о политической структуре сербского государства той поры, о взаимоотношениях хумского князя Мирослава с Неманей и существовавших тогда правилах, определявших права преемников Мирослава. Не вызывает сомнения то обстоятельство, что признание верховенства Немани (как великого жупана Сербии) несколько не препятствовало Мирославу считать Хумское княжество своим личным владением. Возможно, что его владения в Сербии (в бассейне р. Ллим) имели другой статус. Следует отметить далее, что старшие братья Тольена Ми-

¹⁸ Л. Стојановић. Стари српски родослови и летописи, стр. 184 (Хил.), ср. стр. 190 (Верк. и Ост.).

¹⁹ Ср. В. П. Грачев. Там же, стр. 221. На наш взгляд, в пользу древности и достоверности данной традиции говорит само имя «Мирослав» в названных трех летописях, поскольку в других поздних летописях в числе братьев Немани назван Првослав (вероятно, искажение подлинного имени Мирослав; ср. выше, прим. 10).

²⁰ A. Chroust. Ibid., S. 31.

²¹ К. Јиречек. Тольен син кнеза Мирослава Хумског. «Зборник Константина Јиречека», т. I. Београд, 1959, стр. 435—438; К. Јиречек. Историја Срба, т. I, стр. 156; В. Златарски. Историја на българската държава през средните векове, т. III. София, 1940, стр. 9—10; В. П. Грачев. Там же, стр. 222. Ср. Г. Острогорски. Историја Византије. Београд, 1959, стр. 381.

рославича также пользовались согласно тогдашним обычаям (т. е. вплоть до 1189 г.) правом унаследовать власть во всем Хумском княжестве («полную власть», говоря словами хрониста), что позволяет предполагать и наличие у них каких-то уделов. Наконец, заключение договора дает возможность судить и о далеко идущих планах Мирослава и будущего его наследника Тольена относительно тех районов Далмации, которые отделяли Хум от Истрийского маркграфства Берхтольда IV, титулярного герцога Хорватии и «Мерании» (т. е. Далмации) и возможного их союзника в овладении этими землями.

Однако уже в 1190 г. сербам пришлось отказаться от надежд на содействие немецких крестоносцев, а затем — отражать наступление византийского царя Исаака II, разгромившего сербские отряды где-то в бассейне р. Моравы²². Более того, говоря о тех предпосылках неожиданной перестройки государственной системы Сербии в 1190 г., нам надо считать себя и с той возможностью, что Неманя, ратовавший в Нише (1189) за брак своего племянника с дочерью герцога Берхтольда, вскоре увидел опасность такого эвентуального усиления Мирослава для возглавляемой им, Неманей, сербской триархии. Мирослав, опираясь на помощь свояка (следовательно, и Барбароссы), мог с течением времени сделаться совершенно независимым от Немани, расширить свои владения в Далмации и оспаривать верховенство своего младшего брата.

Сохранившиеся источники показывают, что уже в первом полугодии 1190 г. сербский триумvirат распался, и внутренняя борьба (Немани против Мирослава и, вероятно, его сторонников среди сербской знати) заметно ослабила отпор нападению византийских войск. В это же время, наверное, сходит с политической арены князь Срацимир (после 1189 г. он вообще не упоминается), а одновременно происходит разрыв и, видимо, вооруженный конфликт Немани с Мирославом. Неманя, вынужденный один (а не в союзе с братьями, как это было до 1189 г.) противостоять нагиску извне, заключил мир с Византией, при этом вернув некоторые завоеванные им области.

В этой обстановке усилившихся центробежных стремлений и внешней угрозы Неманя, опираясь на поддержку, по всей видимости, большинства феодальной знати Рашки, попытался укрепить сербское государство за счет удельных князей, прежде всего Мирослава. Теперь, после устранения Мирослава и Срацимира, создается с 1190 или 1191 гг. новая «триархия» сербских правителей, которую, как и прежде, возглавляет Неманя, но под его эгидой находятся его сыновья — Вук (Вукан), княживший в Зете, и Растко (будущий архиепископ Савва), получивший в удел Хум или, по крайней мере, часть Хумского княжества.

Сущность и хронология этой перемены в политической структуре Сербии нам уже представляются более ясными благодаря тому, что известные ранее свидетельства агиографии дополнены важным документом — грамотой Немани жителям Сплита, которая была опубликована и обстоятельно разобрана югославским историком М. Диничем²³. Динич, сопоставляя текст грамоты с указаниями других памятников (договора Мирослава с Дубровником от 17 июня 1190 г., житий Саввы, написанных Доментиа-

²² «Византијски извори за историју Југославије», т. IV. Београд, 1971, стр. 156—157, 226—228; ср. К. Јиречек. Историја Срба, т. I, стр. 157; Г. Острогорски. Там же, стр. 382 (здесь Г. А. Острогорский датирует поражение Немани на Мораве осенью 1190 г.).

²³ М. Динич. Три повеље..., стр. 69—70 (текст), 76 и сл. Эта грамота представляет особый интерес и потому, что она является единственным дошедшим до нас актом правительственной канцелярии феодальной Сербии, составленным еще до отречения Немани.

ном и Феодосием), сумел подробно проследить судьбы Мирослава и его потомков, наследников Хумского княжества, и показал достоверность свидетельств агиографов о передаче Растку Хумской земли в качестве удельного княжества.

Ввиду особой важности этой грамоты мы приведем перевод первой ее части: «Я, великий жупан Неманя, разрешаю спличанам — пусть идут они свободно в мою землю и сына моего Растка — в Хумскую землю — и [в землю] сына моего Вука — в Зету...»²⁴. Здесь для нас весьма любопытно то разделение всей территории сербского государства, которое произвел Неманя с сыновьями-соправителями, и определение «моя земля» (вероятно, Рашка), не включающее уделы Вука и Растка. В то же время Неманя, предоставляя известную самостоятельность своим «подручным» князьям (красноречиво наименование Зеты «землей Вука», а Хума — «землей Растка»), как верховный властитель всей Сербии жалует привилегии иностранным купцам и на территории удельных княжеств, выступает, иными словами, во внешних сношениях и от лица подвластных ему вассалов — князей и «властелей». В этом заметно явное отличие от сербского «триумvirата» 70—80-х годов XII в.

Поскольку данная грамота была издана уже после перестройки сербской монархии, для нас важна проблема ее датировки, которая была успешно решена М. Диничем. По нашему мнению, Динич убедительно показал, что этот документ возник после того, как Неманя отнял у Мирослава Хумское княжество, т. е. в период с конца 1190 и до 1192—1193 гг.²⁵. Эта датировка определяет и хронологию княжения Растка (Растимира) в Хумской земле, продолжавшегося, согласно агиографу Феодосию, около двух лет; как известно, уже вскоре Растка (видимо, в 1192 г.) бежал на Афон²⁶. Видимо, Неманя после бегства Растка уже не смог или не счел нужным назначить нового вассального хумского князя, передав управление всей или почти всей Хумской землей Вукану, который в некоторых сербских летописях назван «князем всей Зете и Хумской земле»²⁷.

Расширившееся таким образом удельное княжество Вукана оказалось гораздо более устойчивым и опасным для централизаторских планов Немани и Стефана Первовенчанного, становясь уже в последние годы правления Немани политическим антиподом Рашке. На наш взгляд, правилен вывод М. Динича, полагавшего на основании названной грамоты Немани, что уже вскоре после присоединения Неманей (1189) остатков Дуклянской державы Вукан получил Зету в качестве особого удела. Такое заключение закономерно требует сравнения с известной нам титулатурой Вукана (из источников 1195 и 1197 гг.). Впрочем, Динич не завершил сравнение ранних свидетельств об удельной власти Вукана и его владениях, ограничившись верной констатацией, что выделение Зеты Вукану, обычно относившееся в литературе (по житию Немани, написанному Саввой) ко времени отречения Немани, т. е. к 1195 или 1196 г., санкционировало

²⁴ Там же, стр. 69.

²⁵ Там же, стр. 76—78, 88. Эту датировку принимает В. А. Мошин (см. его статью: О периодизации русско-южно-славянских литературных связей X—XV вв., — ТОДРЛ, т. XIX, 1963, стр. 73, ср. «Enciklopedija Jugoslavije», т. 7, 1968, стр. 145), а также С. Чиркович (см. «Историја Црне Горе», кн. 2, т. I, стр. 4, ср. прим. 3).

²⁶ Ср. М. Д и н и ћ. Три повеле..., стр. 85—87. В таком случае следует изменить отношение и к дате договора Саввы с афонскими монахами (1 ноября 1192 г.), которая в литературе обычно считалась недостоверной (ВВ, т. XVII, прил. 1, 1911, стр. 3—5, т. XIX, 1915, стр. 369—371).

²⁷ Ср. К. Ј и р е ч е к. Тољен син кнеза..., стр. 438—439; Ј. С т о ј а н о в и ћ. Стари србски родослови..., стр. 66, 101. Любопытно, что Вукан назван «великим князем всей Зеты и Холмской земли» в Русском хронографе (Полное собрание русских летописей, т. 22, ч. 1. СПб, 1911, стр. 395).

существовавшее ранее «положение вещей — применительно к Вукану»²⁸.

Одновременно Динич отметил два других факта, которые требуют особого рассмотрения. Как известно, в 1195 г. в надписи на церкви св. Луки в Которе Вукан «во время господина Немани, великого жупана» (т. е. до отречения его) назван «королем Диоклеи, Далмации, Требинья, Топлицы и Хвостна». В связи с этим Динич считает, что нельзя решить, когда именно Вукан получил в свое владение Топлицу и Хвостно — вместе с Зетой или даже ранее. Динич высказывает также любопытное предположение, что и Стефан Первовенчанный накануне отречения отца, видимо, «управлял каким-то краем во внутренних районах Сербии»²⁹.

Признавая справедливость этих наблюдений Динича, основанных на немногочисленных, но бесспорных свидетельствах той эпохи, мы хотели бы подчеркнуть необходимость более широкого анализа политической структуры сербского государства конца XII в., опирающегося не только на традиционное осмысление и истолкование давно опубликованных документов и надписей короля Вукана. Как известно, это истолкование сводится нередко в литературе лишь к вопросу о происхождении королевского титула Вукана и об отношениях Вукана с его братом великим жупаном Стефаном I и римской курией³⁰.

По нашему мнению, такое освещение истории государства Немани и его сыновей, основанное преимущественно на показе зетского сепаратизма, связей удельного королевства Вукана со старой дуклянской традицией и конфликта Вукана со Стефаном I, остается во многом односторонним. При этой трактовке упускается из вида проблема принадлежности других важных областей и районов державы Немани в рамках установленной им удельной системы — а именно Требинья, Топлицы и Хвостна, которые включены в королевскую титулатуру Вукана (1195 и 1197).

В исторической литературе почти не уделяется внимания судьбе этих трех областей в конце XII в. и тому, как следует расценивать получение Требинья, Топлицы и Хвостна Вуканом еще до отречения отца. К. Иричек лишь заметил по этому поводу, что земли Вукана «не были связаны одна с другой»; М. Динич коснулся только соответствующего места из жития Немани и вопроса о времени приобретения Вуканом двух сербских областей, т. е. Топлицы и Хвостна³¹. Динич таким образом соединяет Требинье с Зетой, не связывая передачу Требинья с судьбой Мирослава Хумского и его владений.

Более того, С. Чиркович, анализируя титулатуру короля Вукана, даже считает возможным разделить «то, что случайно оказалось [в титуле] из-за жуп, которые Вукан имел под своей властью (Травуния, Топлица, Хвостно), — от основных частей титула»³². Таким образом, эти три области рассматриваются им как случайные приобретения Вукана, что в действительности противоречит самому факту включения их в королевскую титулатуру.

²⁸ М. Динич. Три повеље..., стр. 88.

²⁹ Там же. Поскольку Вукан получил Топлицу — часть прежнего удела Немани, возможно допустить, что Стефану была выделена какая-то из прочих областей давнего удела отца (т. е. Ибар, Расина или Реки), а также, вероятно, и какие-то земли в северной и западной Сербии (т. е. из бывших уделов Мирослава и Срацимира и их наследников).

³⁰ См., например, С. Новаковић. Из српске историје. Београд, 1966, стр. 122—126; «Историја Црне Горе», кн. 2, т. I, стр. 4; ср. К. Јиречек. Историја Срба, т. I, стр. 159—164.

³¹ К. Јиречек. Историја државе..., т. I, стр. 159; М. Динич. Три повеље..., стр. 88. Правда, Динич мельком отметил (там же, стр. 88) вероятность того, «что Неманя сразу же после завоевания Приморья передал его старшему сыну» (т. е. вместе Зету и Требинье? — Е. Н.).

³² «Историја Црне Горе», кн. 2, т. I, стр. 4, прим. 4.

По нашему мнению, было бы неправильно расценивать перечисление трех областей (Требинья, Топлицы, Хвостна) в титулатуре Вукана лишь как случайное дополнение к его главному уделу — Зете. На основании этих сведений мы можем, во-первых, судить о том, что Стефан Неманя, производя перестройку государства (примерно в 1190 г.), выделил своим сыновьям Вукану и Растко уделы за счет завоеванных им земель, т. е. бывшего Дуклянского королевства и владений хумского князя Мирослава. Растко был наделен Хумской землей (быть может, ее частью), а Вукан получил Зету и Требинье.

Вместе с тем мы можем утверждать, что Неманя в последние годы правления выделил Вукану часть основных сербских областей, притом своих прежних удельных владений — Топлицу. Остается неизвестным, получил ли Вукан область Хвостно также на правах «отчины», как и Топлицу, или же в качестве причитавшейся ему доли завоеваний Немани вдоль сербо-византийской границы. Отметим в данной связи и любопытную конфигурацию всех этих удельных владений Вукана: они образовали длинную дугу от Дубровника на западе вплоть до Ниша на востоке, причем земли, выделенные Вукану из «дедины» Немани (Топлица и Хвостно), отделяли центр державы (Рашку) от территории Византии и тех областей на сербо-византийской границе, политическая принадлежность которых часто менялась в конце XII в. Быть может, в этом следует видеть определенный расчет части сербской феодальной знати и представителей династии, придерживавшихся прозападной (т. е. антивизантийской) ориентации.

Независимо от того, когда Вукан получил эту часть собственно сербских земель, в данной связи приобретает особое значение сам факт раздела рашской «отчины» сыновей Немани, т. е. «дедины» престарелого монарха еще накануне его отречения. По всей видимости, в это время и Стефан Неманич, как считал Динич, действительно стал удельным владельцем каких-то внутренних районов Рашки (быть может, Ибарской области, также некогда входившей в состав удела Немани). Возможно и другое допущение М. Динича, относившего к этому выделению удельных земель Вукана известные слова Саввы, что в момент отречения их отца (1196) Вукан получил титул «великого князя», связанный, вероятно, с приобретением части сербской «дедины», а не с правами Вукана как удельного правителя Зеты.

Итак, для характеристики политической системы Сербии последних лет правления Немани (примерно 1193—1195 гг.) можно отметить стремление монарха-сюзерена сохранить контроль центральной власти над обширной территорией, пусть даже и путем выделения уделов своим сыновьям. Для оценки соотношения централизаторских и партикуляристских тенденций в то время показательным распространением системы уделов, включающих в последнем десятилетии XII в. не только новоприобретенные Неманей земли (Хум, Зету), но и районы самой Рашки, «дедины» сербской династии.

Таким образом, оценивая сложившееся в тот период внутривластическое положение, мы можем говорить, вероятно, о довольно последовательном курсе, имевшем целью укрепить центральную власть феодальной Сербии и ее контроль над всеми подвластными землями, причем немалую роль играло использование прежних государственно-правовых традиций (Дуклянского королевства, Захумского и Требиньского княжеств). Такая политика, естественно, создавала и определенные возможности для усиления удельных князей, центробежных тенденций в рамках сербского государства, тем более опасных, что производившаяся, как мы видели, перестройка удельных владений в 90-х годах XII в. привела в конечном

счете не к сокращению владений удельных князей, а к заметному росту и постепенному обособлению удела Вукана.

В данной связи примечательна титулатура Вукана, еще в 1195 г. (т. е. накануне отречения Немани) именовавшего себя в своих удельных владениях «к о р о л е м», правда, признавая верховенство отца — великого жупана Немани. Но даже в этот период принятие Вуканом титула короля Диоклеи (Дукли) — независимо от того, было ли оно самочинным, «узурпаторским», или опиралось на какие-то родственные «права» или брачные связи с прежней дуклянской династией, — сводило почти на нет вассальную зависимость Вукана от верховного сербского монарха. В представлениях феодальных правителей Западной Европы титул короля (тем более, короля католического, каким считался Вукан в силу признания его папской курией и ввиду большого политического веса католического населения в приморской (Зете) уравнивал его обладателя с другими независимыми правителями, возвышая тем самым его над «схизматическим» владыкой Рашки, имевшим лишь непонятный (с точки зрения феодальной иерархии) сан «великого жупана».

Такое положение вещей, осознаваемое представителями феодальной верхушки Рашки во главе с Неманей и его сыновьями — Саввой и Стефаном, обусловило уже на этом этапе формирование важных элементов политической доктрины сербского государства, которые отражали наметившееся соперничество Рашки и Зеты. Это, например, нашло свое выражение в совершенно явном стремлении первых биографов Немани (Саввы и Стефана) избежать титулования самого Немани великим жупаном. Вместе с тем нужно обратить внимание на другую особенность складывающейся в этот период политической идеологии феодальной Сербии, которая проявилась в первых жалованных грамотах Хиландарскому монастырю.

В грамотах Стефана Немани (1198—1199) и Стефана Неманича (1200—1202) мы встречаем многозначительную формулировку о градациях феодальных правителей (Сербии и других государств) того времени. Как гласит этот текст, «искони сотворил бог небо и землю и людей на ней и благословил их и дал им власть над всеми тварями своими; и поставил этих царями, других — князьями, иных — владыками, и каждому поручил пасти свое стадо и соблюдать его от всякого зла... Поэтому же... премилостивый бог утвердил греков царями, а венгров — к о р о л я м и и каждый язык (т. е. народ) разделив и закон дав и обычаи установил, и владык над ними по обычаю и по закону расставил своею премудростью. И так по его великой и неизмеримой милости и человеколюбию он даровал нашим прадедам и нашим дедам обладать этой землей сербской...»³³.

Почти буквальное повторение этого раздела Хиландарской грамоты Немани в грамоте, изданной его преемником Стефаном I, говорит о том, какое значение придавали сербские правители в напряженной обстановке конца XII в. и начала XIII в. данной формулировке и вытекавшим из нее выводам. Нельзя не согласиться с толкованием, которое дал этим строкам сербский историк С. Новакович. С точки зрения Немани, императорский титул принадлежал лишь «грекам», повелителям Византии (любопытно отметить уменьшение прежних симпатий Немани к Гогенштауфенам, особенно сильных в период третьего крестового похода). Далее, королевский сан принадлежит, по словам Немани и Стефана I, лишь в е н г р а м, тем самым для сербских правителей предназначен

³³ В. Г о р о в и ћ. Списи св. Саве..., стр. 1; ВВ, т. XIX, 1915, стр. 375 (грамота Немани); ср. там же стр. 371 (грамота Стефана I).

самим богом сан великого жупана³⁴. Не вызывает сомнения, что эта благочестивая формулировка I и II Хиландарских грамот имела целью подчеркнуть неправомерность и незаконность принятия какими бы то ни было сербскими властителями королевского титула (прежде всего подразумевался Вукан Неманич).

В то же время в данных актах, несмотря на всю категоричность признания статуса королевства бесспорным достоянием Венгрии, мы не находим четкого ответа на вопрос, какой титул должен принадлежать повелителям Сербии. Здесь напрашивается закономерное дополнение, а именно, что бог «утвердил сербов» великими жупанами. Но такого конкретного определения в этих грамотах нет, и этот факт мы относим за счет заметных колебаний авторов грамот в выработке позиции по этому вопросу. Эти колебания были вызваны, разумеется, неустойчивостью политического положения, как и сознанием необходимости добиться привычного для средневековой Европы государственно-правового статуса (несколько позже сам Стефан I обращался к римскому папе с просьбой о королевской короне)³⁵.

Следует заметить, что в этом отношении с названными официальными актами двух великих жупанов Сербии, т. е. Стефана Немани и его сына Стефана, вполне согласуются и сообщения первых сербских житий начала XIII в. (двух житий Немани), которые в описаниях отречения Немани и передачи власти в его «владычестве» следует этой уже сформировавшейся рашской политической концепции, т. е. теории «единовластия» и верховенства Рашки.

Таким образом, анализ всех этих свидетельств показывает нам, какая была в конце XII и начале XIII вв. политическая структура феодальной монархии, и позволяет уточнить вопрос об отношениях центральной власти и удельных княжеств. Мы видим, в частности, что удельные принципы управления выражались на практике в разделе между членами рашской династии не только новозавоеванных земель (т. е. Дукли, Требинья, Хума и областей по границе с Византией), но и самой Рашки. Более того, центробежные тенденции оказываются временами настолько сильными, что центральной власти приходится бороться с могущественными «соперниками», т. е. вначале — с Хумским княжеством Мирослава, а затем с Дуклянским вассальным королевством Вукана Неманича.

В то же время рассмотренные источники не дают, по нашему мнению, оснований вполне согласиться с мнением С. Чирковича, будто «тогда еще ничто не давало надежных обещаний того, что государственное образование Немани будет продолжительнее королевства Бодина» (ввиду преобладания прежней удельной системы, наличия давних государственных традиций разных княжеств и т. д.)³⁶. Напротив, в ту эпоху мы можем отметить немаловажные тенденции централизации, выражающиеся в постепенном объединении сербских земель, известном возрастании роли центральной власти в противовес уделам. Например, весьма показательным фактом, что после «перестройки» сербской политической системы в 1190 г. центральная власть выступает (пусть на некоторое время) на внешнеполитической арене в качестве гаранта и сюзерена удельных князей, что представляет заметную перемену по сравнению с временами «триумви-

³⁴ С. Н о в а к о в и ћ. Из српске историје..., стр. 119. По нашему мнению, можно принять точку зрения С. Новаковича, что в соответствии с точным смыслом данной формулы «не было разрешено создавать новые титулы» (т. е. в данном случае — титул сербского или дуклянского короля).

³⁵ См., например, К. Ј и р е ч е к. Историја Срба, т. I, стр. 164.

³⁶ «Историја Црне Горе», кн. 2, т. I, стр. 5. Имеется в виду Дуклянское королевство Бодина (в конце XI в. — см. там же, кн. 1, стр. 395—398).

рата» 80-х годов XII в. Далее, немаловажным средством сплочения сербской феодальной верхушки явились в конце XII в. первые сербские государственные соборы, созванные Неманей для подавления богомильской «ереси» и для передачи престола сыну Стефану; не вызывает сомнения, что политика укрепления феодальной земельной собственности (как светской, так и церковной), упрочения самостоятельной государственности обеспечивала представителям центральной власти надежную и продолжительную поддержку светских и церковных феодалов (разумеется, особенно в Рашке). Наконец, существование прежних локальных политических традиций обусловило в этот период формирование основных положений государственно-правовой теории единого сербского феодального государства, которые имели своей целью обоснование «единовластия» Немани и его преемника Стефана Первовенчанного (в противовес другим претендентам — Вукану Неманичу, потомкам Мирослава Хумского и пр.) и ликвидацию полусамостоятельных удельных княжеств.

М. Э. ВЛАСОВА

ИЗ ИСТОРИИ И ТЕОРИИ ПОЛЬСКОЙ РЕАЛИСТИЧЕСКОЙ НОВЕЛЛЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

(К вопросу о традициях малого
прозаического жанра)

Новелла и рассказ в польской литературной традиции — жанры, весьма близкие друг другу и часто взаимопроникающие. Тем не менее теоретики польской литературы различают их по ряду признаков. Существует по крайней мере четыре определения новеллы как художественного целого и несколько точек зрения на специфику рассказа как жанра, близкого новелле, но со своими особыми признаками.

В одном из определений новеллы универсальным признаком этого жанра признается содержащееся в ней сообщение о неожиданном, новом происшествии, о котором рассказывается как о реальном факте. Э. Кухарский, например, видит истоки новеллы в удовольствии слушать короткие ядренные занимательные истории, фацеции, анекдоты из реальной жизни. «Новелла как порождение развлекательного устного рассказа является очень ранней и архаической литературной формой»¹. Передаваемая рассказчиком как новость или занимательная история, она четко отвечает требованиям временной ограниченности, динамизма фабулы и наличия центрального мотива, организующего все действие. «Из одних поэтических описаний и настроений данной минуты новеллу не сотворишь»², — пишет Кухарский. Однако содержательный признак в такой характеристике новеллы не дает достаточного представления о генезисе этого жанра, ибо сама форма оказывается чем-то раз навсегда данным. При такой трактовке жанровой доминанты новеллы остается непонятным, возникает ли новеллистическое повествование вследствие наблюдения действительного происшествия, как рассказ о нем, или развивающаяся и усложняющаяся форма новеллы позволила писателям-новеллистам различить в действительности явления, могущие стать особым содержанием новеллы.

Другое определение новеллы как особого прозаического жанра основывается на характеристике новеллистического конфликта. Внутреннее единство конфликта, протекающего как бы в присутствии читателя, служит основанием для аналогии новеллы с драмой. Такой точки зрения придерживается Т. Тесликовская, называющая новеллу «коротким эпи-

¹ E. Kucharski. Poetyka noweli. «Pamiętnik Literacki», R. XXXIII, z. 2 Lwów, 1936, s. 315.

² Ibid., s. 326.

ческим произведением, выросшим из рассказа с драматической конструкцией. Драматическая конструкция требует ограничения времени рассказа, в чем выражается стремление к быстрому удовлетворению интереса читателя, лежащее у основ новеллы»³. Эти признаки новеллистического жанра выделяет и исследователь психологической новеллы Л. Фрыде. Говоря о том, что драматический «механизм» новеллы в сущности остается ее доминирующим признаком, Фрыде, исходя из опыта польской, а отчасти европейской и русской новеллистики второй половины XIX в., видит отличительную особенность обновившегося драматического конфликта современной новеллы в психологизме. Сравнивая новеллу этого периода с ренессансной и романтической, исследователь отмечает в ней явственную «деградацию» фабулы, отход от чисто внешних примет сюжета. Фрыде прослеживает настойчивое стремление большинства новеллистов строить сюжет на «столкновении» внутреннего мира человека с внешними обстоятельствами, избирать такой поворот темы, при котором на первый план выдвигается «мимолетное мгновение овеществления психики, обнажения характера»⁴. В этой связи основной формальный признак психологической новеллы Фрыде видит в специфике ее построения. «Знаменательно для новеллы, — пишет он, — что ее жанровое отличие лежит не столько в области техники или стиля, сколько, прежде всего, в области композиции»⁵. Композиция классической новеллы психологического типа содержит, по Фрыде, два основных момента: «Внешнее побуждение, толчок, высвобождающий затаенную психическую энергию... и реакцию героя, обнажающую его характер». Не краткость действия, не единство места и времени составляют, по мнению Фрыде, характерную черту новеллы, а охват всех ее эпизодов («единым переживанием героя»). Именно этот момент производит впечатление законченности и совершенства психологической новеллы. Как ни остроумны наблюдения польского исследователя, но вряд ли можно целиком и безоговорочно принять его точку зрения. На наш взгляд, чувство полноты и законченности от прочтения новеллы возникает не потому, что удачно выбранному толчку-действию удалось высечь неожиданную искру из человеческого характера. Оно возникает лишь тогда, когда эта маленькая искорка, выбитая из самого, может быть, незаметного «людского огнива», несет в себе большую правду о человеке и окружающем его мире. Наивный патриотизм мопассановской Пышки возвышает ее, придает ее образу своеобразное человеческое достоинство, отсутствующее у «порядочного болота», пользующегося ее услугами. У Гоголя герой пытается «восстановить» свое попранное человеческое достоинство при помощи новой шинели, которая становится здесь символом. Сенкевич открывает миру хрупкий дар Янко-музыканта с тем, чтобы подчеркнуть вопиющую несовместимость таланта и существующего порядка вещей.

Людвика Фрыде увлек поиск формальных признаков отражения остропарадоксальных столкновений человека с окружающим миром и порядком вещей. Поэтому в итоге исследования он пришел к выводу, что мастерства удалось достичь малоинтересному, даже «пустому» новеллисту В. Пежиньскому, в то время как классики реализма в Польше, несмотря на всю общественную значимость и художественное обаяние их творчества в жанре психологической новеллы, не сумели достичь формального совершенства.

³ T. Cieśl i k o w s k a. Hasła. Nowela. Opowiadanie. In: Zagadnienia rodzajów literackich, t. IV, z. 1(6), Łódź, 1961, s. 222.

⁴ L. F r y d e. Problem noweli. «Pamiętnik Literacki», z. 1, 1961, s. 44.

⁵ L. F r y d e. Problem noweli. In: J. K u l c z y c k a - S a l o n i. Nowelistyka Bolesława Prusa. Warszawa, 1969, s. 106.

Опыт Фрыде убеждает нас, что к такому многообразному явлению, как польская новеллистика второй половины XIX в., не имеет смысла подходить с намерениями добиться тесной унификации жанров. Это не означает, однако, что мы вообще отказываемся от какой бы то ни было жанровой систематизации. Мы только настаиваем на том, что такая систематизация должна опираться не на изожированный случай какого-нибудь одного признака новеллы, что выделяемые из массы образцы форм, как и их научные дефиниции, играют чисто служебную роль в познании истории новеллистики и что кроме всего прочего реалистическая поэтика является по существу своему открытой поэтикой, т. е. такой системой критериев, которая, опираясь на формальные достижения всех предшествующих эпох, заведомо не предрешает вопроса о том, какие именно художественные средства в каждом конкретном случае творчества более подходящи, органичны, а следовательно, выбор как и их традиций может оказаться наиболее удачным, эстетически эффективным, с точки зрения непрерывно возникающих новых эстетических задач. Что же касается определения новеллистического жанра по признаку «драматического единства», то надо сказать, что этот признак является слишком универсальным, чтобы с его помощью можно было отличить жанровые особенности новеллы. Ведь единство напряжения характерно для внутреннего конфликта произведений самой различной жанровой принадлежности. Точно так же «настоящее время» протекания новеллистического конфликта, о котором пишет Т. Тесликовская, делает драму не единственным, а лишь одним из близких новелле жанров.

Кроме того, в польском литературоведении применялся еще и «социологический» подход к определению жанра новеллы, отличающийся ярко выраженной конкретностью, вниманием к формам общественного бытия, в которых родилась та или иная новелла, к особенностям морали, социальных норм, отраженных в произведении, и т. д. С. Сарканы, предпринявший такой социологический анализ новеллы, приходит к мысли, что «этот жанр выходит за границы собственно литературы и определенной, нежели другие жанры, характеризует культуру данного народа в данный исторический период»⁶. Сарканы первостепенное значение придает общественной принадлежности героев, их осознанию своей принадлежности, разнице между их ощущениями и действительностью, способом и степени их адаптации к общественной среде, в которой они живут. При всей произвольности утверждения особого положения новеллы среди других литературных жанров этот способ интерпретации мог бы дать определенные положительные результаты, если бы сама новеллистическая структура не мыслилась как нечто интуитивно постигаемое, имеющее реальный облик лишь в сфере национальных писательских традиций.

Попытку определить жанровую самостоятельность новеллы, исходя из особенностей ее структуры, предпринимает Я. Тшинадлевский. Важнейший структурный признак, указывающий на жанровую обособленность новеллы, на ее отличие от рассказа, состоит, по мнению исследователя, в исключительной ее подчиненности организующей роли рассказчика. Тшинадлевский аргументирует это положение, обращаясь к истории, стилистике, функциональной роли новеллы: «Новелла — это стратегия рассказчика, рассказ же — соединение двух стратегий: передающего (возможно, автора или вымышленного рассказчика) и остальных персонажей. Облик новеллы — однородная структура, рассказ же — соединение разнородных структур. Структура новеллы имеет синтетичес-

⁶ S. S a r k a n y. Elementy analizy socjologicznej teorii noweli europejskiej w XX wieku. In: Zagadnienia rodzajów literackich, t. XV, z. 1(26), Łódź, 1972, s. 43.

кий характер, структура рассказа определенно аналитическая. Результатом этого положения вещей является центростремительность новеллистической передачи и центробежность рассказовой. Отсюда именно и возникает понятие пресловутой композиционной „расслабленности“ рассказа»⁷. Я. Гшинадлёвский считает, что внутреннее строение рассказа определяется совершенно иной, чем в новелле, художественной задачей. Рассказ — это специфическая возможность малых прозаических форм объединять в одном художественном объеме различные и зачастую противоположные толкования происходящего. Новеллистическая целеустремленность, осуществляемая через единство позиции автора-рассказчика, разбивается в рассказе на отдельные партии, приобретающие самостоятельное идейное звучание, что в свою очередь требует помещения в рассказ добавочной информации о действующих лицах, знаменующих отличную от авторской позицию, и обстоятельствах, в которых разыгрывается действие. Самостоятельная художественная стратегия образов рассказа приводит к видимой их обособленности, чем совершенно не обладают образы новеллистические.

Т. Тесликовская также видит основное различие новеллы и рассказа в их структурах. Исходя из своего представления о драматизме как об определяющем начале новеллистической структуры, Тесликовская доказывает, что рассказ отличается от нее эпической структурой, опирающейся на последовательность реальных событий, а не на конфликтное построение, свойственное новелле. Рассказчик как бы реферировал происходящее. Но в рассказе «это уже не течение происшествий, но течение его анализа, прерываемого вводными эпизодами, авторскими рассуждениями дидактического характера... Это формы проходные, растянутые с ослабленным темпом повествования, возникающие зачастую из раскола новеллистической структуры»⁸. В этом последнем и, пожалуй, наиболее универсальном определении жанрообразующих признаков рассказа в польском литературоведении существует некий налет пренебрежительности в отношении к рассказу как прозаической форме, не могущей равняться с четко организованной новеллой. Не случайно Тесликовская подводит под термин «рассказ» и «растянутые репортерские реестры, факты, замечания, впечатления или метаморфизованные картины прошлого...»⁹. Тем не менее подобная трактовка вовсе не случайна и имеет в польском литературоведении довольно устойчивую традицию.

Развитие польской реалистической новеллы второй половины XIX в. характеризуется напряженным внутренним движением. Ее включение в большую европейскую литературу способствовало все более четкому определению границ жанра. Потребность в осмыслении теоретических вопросов, связанных с определением специфики новеллы, ощущалась не только литературоведами, но и самими писателями. Ожешко, например, метафорически сравнила роман с солнечным светом, проникающим повсюду, а новеллу — с молнией, «мгновенно, но очень ярко освещающей один момент жизни, эпизод»¹⁰. Мнение Ожешко разделял С. Гарновский. А. Креховецкий считал роман вместилищем тысяч новелл и поэтому основной водораздел между романом и новеллой видел в композиции. Роман должен, по его убеждению, мастерски скомпоновать отдельные новеллы, в то время как для самой новеллы композиционная стройность призна-

⁷ J. Trzynadlewski. Nowela-opowiadanie w polskiej tradycji literackiej. In: Poetyka i stylistyka słowiańska. Warszawa, 1973, s. 210.

⁸ T. Cieślakowska. Ibid., s. 231.

⁹ Ibid.

¹⁰ Цит. по кн.: J. Kulczycka-Saloni. Nowelistyka Bolesława Prusa. Warszawa, 1969, s. 5.

влась несущественной. Эта метафорическая расплывчатость суждений писателей и ученых, не позволявшая им с достаточной четкостью определить характерные черты новеллы, вполне закономерна для того времени, когда жанр переживал еще период своего становления в новом реалистическом качестве, когда для его глубокой оценки не доставало еще временной перспективы. Большинство писателей и теоретиков литературы, сравнивая реалистическую новеллу XIX в. с получившей уже признание классической ренессансной новеллой, основной жанрообразующий признак этой формы склонно было видеть в размере. Но чисто количественная характеристика новеллы не отражала ее особой внутренней организации, и потому уже на первых порах такое понимание встречало возражение со стороны других ученых, стремившихся конкретизировать общее указание на краткость новеллистического жанра. Так, в важнейших требованиях, предъявляемых к новелле, оговаривался запрет давать длинные описания фона действия, монологически развернутые размышления героя или объемные авторские отступления. Универсальный признак реалистической новеллы XIX в. в польской критике наиболее полно описывается Антонием Потоцким: «Особое строение этой литературной формы, — говорит он, — под которую напрасно подсовывают всякий анекдотизм, основывается прежде всего на цельности, новелла так же целостна, как целостна кашля относительно всей массы воды»¹¹. Практически же новеллой считалось всякое прозаическое произведение, в котором при небольшом объеме достигалась по возможности совершенная эпическая замкнутость. Напротив, небольшие по размеру вещи, хотя и составлявшие отдельное прозаическое произведение, но с пространной детализацией и «аморфной» сюжетикой классифицировались польским литературоведением как рассказы. Причем это определение давалось главным образом на основе обобщения традиций гавенды — классического жанра старопольской литературы, не получившего, однако, в литературе второй половины XIX в. заметного развития и — более того — воспринявшего на ее фоне как пережиток, как литературный анахронизм. Кроме гавенды традицию польского рассказа пополнила так называемая картинка — небольшой очерк, сложившийся как жанр в период между восстаниями 1831 и 1863 гг. Выдержанный в стиле непринужденного повествования, с тенденцией к предметности и объективизму, этот жанр пользовался репутацией второстепенного, и отнесение его к рассказовой традиции в Польше в немалой степени повлияло на ее характеристику. Так, например, для Э. Кухарского картинка — лишь вариант литературной мелочи, которая, не будучи новеллой, «смеет к ней примешиваться»¹². Ю. Кшижановский пишет: «Крайность, в которой новелла перестает быть собой, составляет рассказ, опирающийся исключительно на описание со слабенькой фавулой — каким-нибудь мелким случаем — и маловыразительными литературными образами»¹³. В этой характеристике скрыто убеждение, что рассказ — это испорченная, неудавшаяся новелла или просто плохой жанр.

Суммируя вышесказанное, мы вовсе не собираемся утверждать, что точка зрения на приоритет новеллы и второстепенность рассказа как свободно организованного типа эпики преобладает в польском литературоведении. Однако существование ее несомненно сыграло отрицательную роль в изучении творчества отдельных писателей, например Адольфа Дыгасиньского.

¹¹ A. P o t o c k i. Nowela. In: Polska literatura współczesna, z. 1, Warszawa, 1911, s. 129.

¹² E. K u c h a r s k i. Ibid., s. 329.

¹³ J. K r z y ż a n o w s k i. Nauka o literaturze. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1966, s. 221.

К тому же сами исследователи зачастую ощущают тесноту слишком конкретного деления небольших прозаических произведений на новеллы и рассказы. О недостаточности структурных критериев для жанровой классификации рассказов и новелл пишет Т. Тесликовская: «Выводом, вытекающим из жанрового анализа короткой прозы, является убеждение о неустанной изменчивости структур: новеллистических в направлении свободного эпического повествования и, наоборот, рассказа в направлении драматизации новеллистических форм»¹⁴.

Сложность конкретного определения жанровой специфики малой польской прозы второй половины XIX в. проистекает еще и из того, что национальные традиции короткого повествования не сводятся в этой литературе к известным, классическим формам. Они вбирают в себя и творчески перерабатывают опыт польской гавендовой эпохи, описательной картинки.

Жанр гавенды, несомненно, оказал значительное влияние на польскую новеллистику второй половины XIX в. В свободной компоновке новелл многих писателей, в широкой струе народной речи, проникающей в новеллу, в стремлении новеллистического слова быть не только информирующим, но и «изображенным»¹⁵, живописующим определенные стороны польской жизни, традиции гавенды явственно ощутимы. С возникновением в Польше романтических тенденций усилилось внимание к отечественному фольклору, что привело к «открытию» для литературы гавенды — устного сказа, исполнявшегося от лица определенного рассказчика-гавендяжа. Шляхетская гавенда, родившаяся в сложной политической атмосфере Речи Посполитой, затем получившая новый стимул в период национальной независимости Польши, стремилась быть не только литературным рассказом о прошлом, но и своего рода материальным памятником культуры саксонских времен. Основываясь на этом положении, современный польский исследователь М. Мацевский называет гавенду «изображенным» словом. Лирико-драматическое выражение образов гавенды в процессе говорения Мацевский относит к основополагающим принципам формирования гавендовой структуры. Конгломерат лирики и драмы, по его утверждению, несомненно, отражал психический склад писателей сарматского барокко саксонских времен. Именно в гавенде постигается наибольшая эффективность приближения исторической действительности к сегодняшнему дню через обращение к ее «словесному эквиваленту». В этом аспекте гавенда более близка лирике и драме, нежели эпике, хотя эпический момент служит в ней объединяющим началом. Гавенда не повествует о своих героях и обстоятельствах, в которых разыгрывается действие, а, пользуясь многомерностью, предметностью слова, «изображает» их. Это свойство гавенды исследователь считает главной отличительной чертой данного жанра.

Тенденция гавенды быть «изображенным» словом, действительно, очень устойчива. Сама шляхетская гавенда с ее идеологической нацеленностью и стремлением удерживать давно отжившие формы общественных отношений и ставшие историческими понятия, довольно быстро приходит в упадок, но ее жанровая специфика оказывается весьма живучей в польской литературной традиции. Об этом свидетельствует широкое проникновение элементов гавендовой техники в другие повествовательные жанры польской литературы, в частности в «картинку» или «физиологический очерк» периода 1831—1863 гг., и далее, через новеллистику польских писателей

¹⁴ T. Cieslikowska. Przemiany krótkich form epickich. Nowela, opowiadanie. In: Zagadnienia rodzajów literackich, t. IV, z. 1 (6), 1961, s. 143.

¹⁵ Термин М. Бахтина («Проблемы поэтики Достоевского», изд. II. М., 1973).

второй половины XIX в. — в современный польский рассказ¹⁶. Классическое литературное выражение гавенда получила впервые в произведениях Мицкевича. В «Пане Тадеуше» автор выступил в образе гавендяжа, стилизовал свое повествование в духе шляхетского рассказчика. В стиле гавенды написана и «Поэма Пяста Дантышека» Ю. Словацкого. В произведениях романтиков она стала способом повествования.

Наиболее бурно гавенда развивалась в 1830—1860 гг. Вершиным достижением этого жанра критика единодушно признает «Воспоминания Соплицы» Г. Жевуского. В стиле гавенды пишут В. Поль, З. Качковский, В. Сырокомля. Ширится и тематический объем этого весьма популярного жанра. Монополия на рассказ гавендяжа-шляхтича постепенно перерастает в особую подчиненность всего повествования миропониманию рассказчика, социальное положение которого может быть различным.

Было бы упущением характеризовать традицию рассказа в Польше, не упомянув так называемой картинки, возникшей как жанр в польской литературе в 1831—1863 гг. «...Картинками называют такие цельные малые произведения, которые поддаются переложению средствами жанровой живописи типа „сценка“»¹⁷. Родоначальниками этого жанра стали Крашевский и ряд второстепенных писателей, отрицательно относившихся к правоучительной тенденциозности писателей эпохи Просвещения, с одной стороны, и отличавшихся сдержанностью по отношению к романтическому пафосу — с другой. Крашевским была выдвинута программа «фламандской живописи», имевшая в качестве образцов творчество Лесажа и Фильдинга, Стендаля и Бальзака. Соответственно этой теории повествовательные жанры должны были «копировать жизнь» без всяких преувеличений. Существует некоторое родство принципов «фламандской живописи» с литературной практикой молодого Стендаля и поисками Дюранти и Шанфлери. По некоторым пунктам программа Крашевского близка теоретическим посылкам русской «натуральной школы», изложенным Белинским. Но сходство это весьма ограничено. Отказ от романтических устремлений, как и установка на изображение жизни у приверженцев теории «фламандской живописи», вызывался стремлением приблизиться к реальной действительности¹⁸. Программа «фламандской живописи» вызвала к жизни большое количество романов и литературных очерков. Общим жанровым признаком этих очерков, называемых и «фактографиями», и «физиологиями», и «гавендками», сделалось выдвижение на первый план описания, при низведении фабулы до второстепенного компонента. Фактографические очерки К. В. Вуйцицкого, Ю. И. Крашевского, Ю. Дежковского, В. Шимановского, Ю. С. Богудкого, А. Венярского наглядно изображали житейские факты, местность, облик представителей разных сословий. Повествование строилось как рассказ очевидца, стремящегося объективно и предметно представить читателю тот или иной эпизод из реальной жизни.

Наряду с очерками, передающими зрительные впечатления, акцентирующими «документальность» написанного и т. д., в польской прозе этого периода развивался и жанр литературной «физиологии», пришедшей из Франции. Физиологические описания определенных стереотипов человеческого поведения использовались в основном в сатирических целях, в чем сказалась живая традиция сатирического портрета эпохи Просве-

¹⁶ E. Kościukiewicz. O czynnikach gawędowych w prozie Ksawerego Pruszyńskiego. «Ruch Literacki», 1972, z. 2, s. 75—91.

¹⁷ A. Bartoszewicz. Z dziejów polskiej terminologii literackiej pierwszej połowy XIX wieku. «Pamiętnik Literacki», 1963, z. 3, s. 166.

¹⁸ M. Inglot. Poglądy literackie koterii petersburskiej w latach 1841—1843 (rekonesans w dziedzinie szkicu «Fizjologicznego») Wrocław, 1961, s. 38—39.

щения. Одновременно «физиологии» пытались запечатлеть облик уходящего прошлого. Типичным для них было портретирование представителей вымирающего шляхетского мира. На литературных «физиологиях» Ю. И. Крашевского, Э. Хоецкого, А. Невяровского писатели новых поколений учились уменью схватывать характерные черты национальных польских типов.

Особенно многочисленными среди других форм очерковой прозы середины XIX в. были «гавендки» — авторские излияния в стиле сентиментальных дневников, перенявших принятый в гавенде способ повествования. Авторы первых «гавендок» — И. Ходзько и П. Янковский. Их последователями стали затем Ю. Венявский, П. Яксы-Быковский, К. Юноша и многие другие.

В книге современного польского исследователя Ю. Бахужа дан весьма обстоятельный анализ как жанровых особенностей этого типа прозы, так и ее путей к реализму второй половины XIX в. Наиболее интересным представляется нам наблюдение автора книги «Поиски реализма» над различными способами взаимопроникновения элементов гавенды и картинки, оформившимися в творчестве некоторых писателей в виде особой жанровой разновидности. Бахуж отмечает, что картинка, именуемая «гавендкой», рождается на пограничье с гавендой — «этим единственным, пожалуй, специфически польским литературным жанром»¹⁹, но, являясь более убогим и космополитическим ее ровесником, роднится с гавендой своим стремлением отразить облик определенной среды в данное историческое время, поддерживая атмосферу камерного откровения с читателем, атмосферу обращения к «своим». Подводя итог своим рассуждениям, Бахуж приходит, однако, к выводу, что «марьяж гавенды и картинки не породил интересного потомства. Гавендка не обладала обаянием шляхетского примитива и архаизма. Омоложение гавендового старца не привело к углублению его опыта. Ему не хватило фаустовской мощи для второй жизни. Возможно, это явилось результатом мелкой „гавендковой“ философии, определенных политических идей и, наконец, узконациональной, приращенной концепции литературы»²⁰. Гавендка, родившаяся на стыке традиционного польского жанра гавенды и менее оригинального очерка, по мнению большинства литературоведов, не представляла «литературы с большой буквы». Л. Фрыде, например, указал на следующие черты этого жанра, которые привели его к окончательному вырождению: «Склонность к изображению мелких черт быта, таких как одежда, жилище, особенности национальной кухни. художественная искусственность анекдота, лежащего в основе построения»²¹. Фрыде нельзя отказать в меткости характеристики некоторых особенностей гавендки, но было бы ошибочным зачеркивать ее опыт в развитии малых жанров прозы.

В 60-е годы XIX в. гавенду в польской литературе активно вытесняет жанр классической новеллы реализма, уже широко известный в европейских литературах. Новелла Сенкевича, Ожешко не только утвердила право на самостоятельное существование в польской литературе этого необычно мобильного и емкого вида эпики, но и выработала свои четкие каноны. В отличие от малых прозаических жанров — гавенды и картинки, композиционно свободных, построенных в соответствии с принципом «жизнеподобия», новелла подчинена строгим композиционным законам, формирующим развитие фабулы.

¹⁹ J. B a c h ó r z. Poszukiwanie realizmu. Studium o polskich obrazkach prozą w okresie międzypowstaniowym 1831—1863. Gdańsk, 1972, s. 228.

²⁰ Ibid., s. 267.

²¹ L. F r y d e. Problem noweli. In: Wybór pism krytycznych. Warszawa, 1966, s. 35—36.

Трудно охватить композиционное богатство польской новеллистики. От огромной динамики отдельных, но необычно драматических эпизодов, типа прусовской «Жилетки», сенкевичевских «Янко-музыканта» и «На маяке», до более развернутых форм типа «Грехов детства», «Ошибки» — Пруса, «Гани» и «Селима Мирзы» — Сенкевича, «Сизифа» и «Дай цветочек» — Ожешко. Пожалуй, для каждого из этих мастеров польской новеллы характерно стремление предельно сконденсировать новеллу, в сравнительно небольшом объеме достичь высокого уровня обобщения. Композиционные приемы, к которым прибегали польские новеллисты для внутреннего сжатия, напряжения новеллы, различны, но один из них применялся особенно часто.

Речь идет о повторе, во множестве вариантов наблюдаемом в творчестве всех ведущих мастеров польской новеллы. Повтор-символ часто употребляет Ожешко. В истории кухарки Антонёвой писательница несколько раз употребляет фразу «Не холодно ли тебе, Евка?». В первом случае фраза эта имеет реальный смысл, таким вопросом к героине Ожешко обращаясь в далекой молодости ее муж, когда они оказались вдвоем на зимней дороге. С тех пор уже никто не спрашивал об этом Антонёву, а навязчивое воспоминание об этом становится символом ее одиночества. Повтор-ситуация используется Прусом в «Шарманке», где два совершенно различных восприятия паном Томашем звуков шарманки в начале и конце новеллы свидетельствуют о глубоком и благотворном кризисе, пережитом, казалось бы, невозмутимо благополучным героем. В приеме повтора может использоваться и какой-нибудь предмет, которому действие новеллы сообщает особую значительность. Прусовская «Жилетка» становится объектом особого внимания двух любящих друг друга людей, каждый из которых в тайне от другого ушивает ремешки жилетки, чтобы скрыть от любимого приближающуюся катастрофу, и каждое появление на сцене жилетки усиливает драматизм ситуации.

Часто в польской реалистической новелле можно встретиться и с применением символа, выросшего в самостоятельный элемент «строительной» техники новеллы. Символы Ожешко чаще выносятся в заглавие новеллы. Полно экспрессии название «Сильный Самсон», дающее предельно точное определение бессилия и напрасно потраченной жизни еврейского рабисамоучки, пытавшегося открыть философский камень, спасающий от нищеты и бесправия. Символика Ожешко может быть погружена и в глубину новеллы, стягивая внутренним узлом ее разноплановый материал. В новелле с нейтральным названием «Тадеуш» гибнет оставленный без присмотра маленький крестьянский мальчик. Никого вокруг. Только молчаливые свидетели и виновники его гибели стоят над ним — шляхетский дом да облупившаяся часовня.

К внутренней символике гораздо более склонен Прус. У Ожешко даже и внутри новеллы она дается открытым способом. Вещественные символы, фигурирующие в финале «Тадеуша», молчат, но писательница так подводит к ним все нити действия новеллы, что это молчание наполняется экспрессией красноречия. Прус же, как правило, прячет свои символы, так вплетая их в ткань повествования, что читатель, нигде не встречая прямого авторского указания, как бы сам останавливается на них в процессе чтения. Прус выказывает и живой интерес к новелле с открытой символикой, например в новелле-притче «Тени». По-другому, в отличие от абстрактной символики «Теней», символичны «Грехи детства». Название новеллы соотносится с содержанием по принципу исполненного ласковой иронии парадокса. Грехи детства — это смешная наивность, светлое ребячье стремление понять окружающий мир, детская растерянность перед первым чувством.

Парадокс — почти неизменный компонент психологической новеллы, анализу концентрирующих свойств которого посвящен талантливый труд Л. Фрыде, — в польской реалистической новелле имеет чрезвычайно широкое хождение. Особенно охотно использует этот прием Сенкевич, достигая с его помощью афористической краткости новеллы. Его парадокс может заключаться в неожиданном контрасте настроения и названия новеллы. Так, в «Ангеле» — страшной истории деревенской сироты, забытой на зимней дороге, — девочка, только что потерявшая мать, мечтает, что судьбой ее теперь займется добрый ангел. Она представляет его, ждет, вслушивается в его шаги; и на дорогу действительно выходит... волк. Если бы заглавие новеллы имело какой-нибудь предупреждающий о катастрофе акцент или было бы нейтрально, художник не достиг бы эффекта «внезапно распрямившегося лука, разорвавшего тетиву»²². Целая система парадоксов пронизывает сенкевичевские «Эскизы углем». Героико-комический парадокс служит сатирическому развенчанию писаря Золзиковича. На сквозном парадоксе, полном трагизма, построен образ и центральной героини — «убогой духом, но богатой любовью Репихи».

С парадоксом соседствует прием новеллистического контраста. Правда, контраст чаще проникает в образную систему новеллы, нежели в ее технику, но и контрастные приемы построения новеллы встречаются довольно часто. В «Сильфиде» Ожешко контраст прежних привычек и новой реальности составляет основной конфликт новеллы. Разорвавшаяся шляхтянка продолжает вести паразитический образ жизни. Ее привычка — жить, ничего не делая, всей тяжестью ложится на плечи единственной кормилицы-дочери, калеча ее жизнь. На контрастах построены «Сахем» Сенкевича, «Бальное платье» Пруса и т. д.

В польской реалистической новелле, как и вообще в европейской новеллистике, значительную роль играет образ рассказчика. Как уже говорилось выше, для Я. Тшинадлевского роль рассказчика как организатора всей структуры новеллы является решающей в определении жанровой специфики повеллы, основным критерием квалификации того или иного прозаического произведения. Центральная роль принадлежала рассказчику и в шляхетском рассказе-гавенде. Однако повествователь гавенды выполнял, в сущности, совсем иные функции. Рассказчик в гавенде был ее главным, центральным персонажем, который своим рассказом об окружавшем мире, своими выдумками, бахвальством, колоритными сравнениями характеризовал прежде всего самого себя как типичную для целой исторической эпохи фигуру. Присутствие этого красноречие создавало в гавенде атмосферу фамильярного и доверительного контакта с читателем и панибратского отношения к любой тематике. Рассказчик шляхетской гавенды мог углубляться в россыпь бытовых деталей, одновременно рассуждать о понятиях шляхетской чести и тут же уноситься при помощи фантазии не только за пределы своей усадьбы, но и Польши. Произвольный выбор тематики рассказа гавенджем является едва ли не самым главным жанровым признаком гавенды. К. Бартошинский, например, называет проистекающий отсюда «аморфизм» гавенды преднамеренным отличительным качеством этого жанра²³.

Совершенно иные задачи у новеллистического рассказчика. Как правило, он стремится не обнаруживать своего лица, исключая те случаи, когда автор новеллы делает рассказчика центральным или одним из веду-

²² Метафора В. Шкловского.

²³ К. B a r t o s z y Ń s k i. O amorfizmie gawędy. Uwagi na marginesie «Pamiętek Soplicy». In: Prace o literaturze i teorii. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1966 s. 94.

щих персонажей, но основная его функция, завуалированная или открытая, — в придании новеллистическому укладу идейной целеустремленности и композиционной замкнутости. Чем более умело подводит рассказчик к однозначному прочтению новеллы, добивается, используя самые разнообразные детали, ее смыслового единства, тем более новелла совершенна в художественном отношении. Проблему же художественного совершенства гавенды не определяют стройности гавендового повествования, последовательно иллюстрирующего определенную идею, ибо идея у шляхетского гавендяжа всегда одна — идеализировать шляхетский быт. Гавендяж как бы непреднамеренно запутывает перспективы изображаемого им времени, чтобы придать этому изображению характер незыблемого, постоянного.

В отличие от шляхетского гавендяжа повествователь из реалистической новеллы социально многолик. Он может выступать от лица «перевернувшейся» деревни или многочисленной бедноты грязных улочек предместья. Его заботят проблемы «выбитой из седла» шляхты, ему хорошо известны особенности элегантной Варшавы. Это может быть и особый детский рассказчик, столь любимый Прусом и Ожешко. Но чаще всего это некто, прекрасно осведомленный в делах своего героя, философски настроенный и эмоциональный собеседник читателя. Подобно рассказчику из гавенды, он может быть рупором идей автора, постоянно корректировать читательское восприятие, или, наоборот, играть исключительно композиционную роль. В связи с задачами «экономного» новеллистического построения он может опускать малозначительные для новеллы описания, как это делает зачастую повествователь Пруса: «Читатели, которые знают об этом, наверно, не удивятся, если мы скажем им...» и т. д. Иногда, по принципу старинной мистерии, рассказчик-автор может в начале новеллы представить всех своих героев и дать им краткие характеристики. Так поступает Ожешко в новеллах «Дай цветочек» и «Сильный Самсон». Но чаще все же случаи, когда автор полностью перевоплощается в своего рассказчика, и тогда этот созданный образ правит всем миром новеллы. Так происходит в рассказах от лица взрослого героя или ребенка (у Пруса в «Аптеке», «Грехах детства»). Однако детскому герою часто не по силам донести до читателя всю глубину авторского замысла. В таких случаях, чтоб не нарушать правдоподобия детской передачи фактов, писатель прибегает обыкновенно к тому способу, который А. Бродская, исследовательница творчества Конопницкой, называет «двойной перспективой»²⁴. Суть этого приема заключается в том, что детский герой-рассказчик уступает слово самому автору или себе же, но повзрослевшему, глядящему издалека. Этот герой — взрослый двойник — живой нитью связан со своим прошлым, и призывается на помощь тогда, когда ребенку невозможно объять все сложности происшедшего. Двойная перспектива «Гани» Сенкевича превращает трагизм ситуации в легкую, ласковую грусть, расцвечивает рассказанную подростком историю первой любви, усиливает поэтическое настроение новеллы. Стилистически рассказчик может перевоплощаться в различных персонажей новеллы, на правах извечной литературной условности право слова могут обрести не только люди, но и животные, вещи, детали пейзажа. Всё на разные голоса «говорит» в прусовском «Приключении Стася»: сам годовалый младенец Стась, лукавый ленивец — пес Курта, позволяющий себе весьма рискованные суждения о хозяевах, небо, дорога, любопытные головки маков, глядящие вслед Стасевой коляске. Многоголосье прусовской новеллы знаменательно. Рассредоточение функции рассказчика позволяет автору усилить обоб-

²⁴ A. B r o d z k a. O nowelach Konopnickiej. Warszawa, 1958, s. 150.

щающий смысл новеллистической идеи, не снижая ее поэтической прелести.

Особыми законами освоения жизненного материала формируется и вся эпика новеллы. Здесь исключено романное многословие авторских размышлений, здесь господствует строгий отбор моментов, устанавливающих самую тесную связь читателя с автором. Эффективным средством конденсации описаний в новелле чаще всего является метафора. Шкала метафоризации в новелле чрезвычайно обширна. Метафора может пронизывать пейзаж, как это происходит у Ожешко в «Серой доле», где метафорой судьбы забитого исполнительного чиновника становится «белая» летняя дорога, в конце которой неизменно ждет подъезжающего станционный смотритель в наглухо застегнутом кителе. Если бы Ожешко назвала летнюю дорогу серой, с облаком пыли, отметила бы иссушающий жар солнца, она бы тем самым объективизировала свое описание, назвав же дорогу белой, она передала субъективное ощущение от знойного, сухого лета, смешавшего все цвета в один. В новелле Пруса «Антек» мы встречаем метафору «грустные» кресты, передающую состояние пустоты и заброшенности.

Обращаясь к польской новелле 60-х годов XIX в., мы можем найти много примеров вкрапления метафоры в объективное описание. Однако метафоризации целых пластов жизненного материала или всей системы авторских размышлений, полного охвата метафорой определенных психических состояний героя, мы здесь еще не встретим. Каноны позитивизма обязывали мастера малой прозаической формы стремиться к предельной предметности изображения. Метафорическая образность разовьется позже, в частности в новелле Дыгасиньского, а свое классическое выражение она найдет в импрессионистических полотнах Реймонта, в рассказах Оркана и Жеромского.

Заканчивая краткую характеристику некоторых особенностей польской реалистической новеллы, нам хотелось бы отметить ту особую эмоциональную атмосферу, которая составляет ее неотъемлемую часть. Перевернута последняя страница, но для нас продолжают звучать мелодии «Янко-музыканта», «Жилетки», «Приключений Стася». Мы заново переживаем талантливо написанную новеллу «После точки», вслушиваемся в ее живые голоса. Конечно, бессмысленно было бы задаваться целью «препарировать» эмоцию новеллы. Важно лишь отметить общее свойство новеллы — этот обязательный настрой, наполняющий всю ее образную систему. В этом плане каждый художник вносит в литературу особую ноту, пронизывает новеллу своим отношением к миру. Перевернуть, перестроить его на основах разумности стремится Ожешко. Показать, что и в самых мрачных, запутанных коридорах жизни скрывается первоисточник человеческого — добро, в этом видит художественную задачу Прус. Каждой своей страницей старается научить любить родину Сенкевич. Новелла с ее стремлением к компактности обязательно должна быть наделена эмоциональной выразительностью, чтобы обрести силу художественного воздействия. Эмоция — второе дыхание новеллы.

Мы стремились выявить, какова была практика малых эпических форм в польской литературе второй половины XIX в., какие жанровые критерии сложились на их счет в польском литературоведении. Такой аспект темы интересен тем, что развитие польской новеллистики второй половины XIX в. опиралось на две традиции короткого прозаического повествования: одну восходящую, господствующую не только в польской, но и во всей европейской реалистической литературе — собственно новеллистическую, и другую, замирающую, от которой остались лишь некоторые элементы техники повествования.

В. М. МОКИЕНКО

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДИФфуЗИЯ РУССКОЙ И ЧЕШСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

(На материале фразеологических рядов
«бить, наказывать»)

Истоки национальной самобытности фразеологии обычно видят в образном характере устойчивых сочетаний. Многие фразеологи придают образности категориальное значение, что отражается в различных классификациях и определениях фразеологической единицы (далее ФЕ). Взгляд на фразеологию как исконно образный пласт языка усиленно пропагандируется до сих пор благодаря научному авторитету А. А. Потемни, подчеркивавшему, что при «сгущении» пословиц в поговорки последние остаются образными, и принимавшему образность за «непрерывное условие поэтичности»¹.

Сам факт наличия безобразных сочетаний (аналитичные конструкции, тавтологизмы, ФЕ-рифмы и под.) в то же время заставляет современных фразеологов отказываться от тезиса о принципиально образном характере фразеологии, исключать этот признак из числа категориальных свойств ФЕ. М. М. Копыленко, например, справедливо замечает, что многие ФЕ самых разных типов «лишены какой бы то ни было образности»², а Й. Младек объективно констатирует, что «не каждая ФЕ должна быть образной... и, наоборот, не каждое образное сочетание слов должно быть ФЕ»³. Подобные наблюдения ставят проблему взаимоотношения образных и безобразных словосочетаний, от решения которой зависят ответы на многие теоретические и практические вопросы фразеологии: объем и границы последней, сущность ФЕ, способы фразеологизации и под.

Проблема взаимоотношений безобразных и образных сочетаний чаще всего решается прямолинейно: даже те фразеологи, которые без оговорок признают безобразные сочетания ФЕ, стремятся четко отграничить их от образных оборотов, констатируя структурную и семантическую специфику последних. Характерно, например, что аналитические обороты типа *дать совет, делать выговор, обращать внимание* исследуются методами, во многом отличными от методов анализа образной фразеологии⁴.

Действительно, разграничение этих двух типов сочетаний необходимо. Различие между ними особенно явно выступает при их распределении по шкале «коннотативность : денотативность», предложенном М. М. Копы-

¹ А. А. Потемня. Из лекций по теории словесности (Басня, пословица, поговорка). Харьков, 1894, стр. 111.

² М. М. Копыленко. Сочетаемость лексем в русском языке. М., 1973, стр. 9.

³ J. Mlásek. Zo syntaxe frazeologických jednotiek. Bratislava, 1972, s. 13.

⁴ См., например, М. М. Копыленко. Опыт сопоставительного изучения фразеологических единиц типа *дать совет* в славянских языках. «Вопросы языкознания», 1969, № 2; З. В. Белкина. Семантический анализ глагольной лексемы «давать» в сопоставлении с немецкими и французскими эквивалентами. Автореферат

ленко и З. Д. Поповой⁵. Безобразный тип сочетаний, как и следовало ожидать, характеризуется наименьшим коннотативным потенциалом, что принципиально отличает его от образного типа.

Даже при строго типологическом анализе сочетания лексем методом М. М. Копыленко и З. Д. Поповой, однако, выявляется постоянное взаимодействие разных подгрупп фразеосочетаний, нарушающее четкость классификации и точность самого метода⁶. Это взаимодействие, заметное и при чисто синхронном подходе к ФЕ, становится особо ощутимым при их диахроническом или широком сопоставительном (ареальном) анализе.

Такой анализ, как убедительно показал Н. И. Толстой, необходимо требует предпочтения диалектного фразеологического материала литературному⁷. Именно диалектный славянский материал позволил Н. И. Толстому сделать важный вывод о закономерности, даже строгой обязательности структурных и семантических перевоплощений ФЕ на широком ареале⁸. Исключительная мобильность формы и семантики, характерная для исконно славянской фразеологии, имеет вместе с тем свои ограничения, особенно ощутимые при анализе семантически однородных рядов ФЕ. Именно при таком подходе диалектные источники позволяют восстановить почти каждый «семантический шаг» развития фразеологического ряда и даже высказать предположения о потенциальных возможностях дальнейшего направления таких «шагов».

Анализ взаимодействия образной и безобразной фразеологии поэтому, как кажется, целесообразно проводить в рамках одной «фразеологической темы», которая бы семантически объединяла единицы обоих типов. Такой подход оправдан уже тем фактом, что семантика во фразеологии является особо важной характеристикой (А. М. Бабкин, В. П. Жуков, А. И. Федоров и др.), регулирующей и направляющей складывание фразеологических моделей⁹. Чем многочисленнее конкретные языковые воплощения таких моделей, тем легче проследить взаимовлияние ФЕ, которые на первый взгляд ничем не связаны.

Одной из самых активных фразеологических моделей такого рода является группа ФЕ с общим значением «бить, наказывать». Ее активность в славянских языках определяется как экстралингвистически — яркой экспрессивностью самой темы «наказания», так и интралингвистически — многообразием структурно-семантических типов образования этой фразеологии. Только в русских и чешских диалектах, материал которых и подвергается здесь конкретному анализу, число ФЕ со значением «бить, наказывать» превышает 1000. Естественно, что охватить в небольшой статье весь этот материал, а тем более интерпретировать каждую ФЕ невозможно. Отсюда несколько ограничений, вызванных необходимостью компактного изложения.

Прежде всего, приходится отвлекаться от ареальной характеристики и некоторых структурных и семантических различий ФЕ данного ряда.

канд. диссерт. Воронеж, 1972; О. Н. Селиверстова. Компонентный анализ многозначных слов. М., 1975; F. g. S e g m á k. V í c e s l o v n á p o j m e n o v á n í t y p u v e r b u m - s u b s t a n t í v u m v č e š t í n ě (příspěvek k syntagmatice tzv. abstrakt). «Slovo a slovesnost», 1974, № 4, s. 287—306.

⁵ М. М. Копыленко, З. Д. Попова. Очерки по общей фразеологии. Воронеж, 1972.

⁶ Подробнее об этом см. в рецензии на эту книгу: V. M o k i j e n k o. Sovětská kniha o problémech obecné frazeologie. «Slovo a slovesnost», 1974, № 1.

⁷ Н. И. Толстой. К реконструкции праславянской фразеологии. (VII Международный съезд славистов). «Славянское языкознание». М., 1973, стр. 277.

⁸ Там же, стр. 277—278.

⁹ Подробнее о диахроническом аспекте моделирования ФЕ см. В. М. Мокленко. Историческая фразеология: этнография или лингвистика? «Вопросы языкознания», 1973, № 2; е го ж е. Спроба системного етимологічного аналізу українських фразеологізмів. «Мовознавство», 1974, № 2.

Опускаются также семантические характеристики наших ФЕ, выходящие за рамки темы «бить, наказывать». Не приводятся другие славянские соответствия, которые, тем не менее, имплицитно учитываются при демонстрации взаимодействия ФЕ. Не демонстрируется детальная структурная и семантическая классификация русских и чешских «ударных» ФЕ, отражающая их генетическое и типологическое сходство. Большинство этих ограничений — так же как и список источников приводимого материала — восполняется в другой работе, специально посвященной структурно-семантическому сравнительному анализу фразеологических моделей этого типа в русском и чешском языках¹⁰. На результаты этой работы мы и опираемся.

Весь ряд «ударной» фразеологии рассматривается здесь как взаимообусловленное, иерархически связанное целое. В рамках этого целого происходят частные изменения, приводящие не только ко все более интенсивной структурной перестройке моделей, но и — самое важное — к последовательной семантической диффузии ФЕ¹¹. Показать, как происходит структурно-семантическая диффузия ФЕ, т. е. слияние различных фразеологических моделей, взаимопроникновение и взаимообогащение их, как взаимодействуют при этом образные типы ФЕ с безобразными сочетаниями — основная цель данной статьи.

Выбор конкретного языкового материала для сопоставления — чешская и русская диалектная и разговорная фразеология — в какой-то мере условен: он определяется относительно равноценным характером источников, бывших в нашем распоряжении¹². В то же время именно эта относительная равноценность, как кажется, дает возможность объективно сопоставить фразеологию двух разных славянских зон и тем самым — поскольку предварительный анализ уже выявил их большое сходство — продемонстрировать некоторые общие тенденции развития коннотативности для данного фразеологического ряда, характерные для западно- и восточнославянских языков.

Структурно-семантический анализ этого ряда показал, что основную массу «ударных» ФЕ в русском и чешском языках можно распределить на 5 основных моделей:

I. ФЕ, имеющие структуру: дать (dát) + существительное или его перифраза со значением «удар» (*дать трепку, задать порку, дать оплеуху, дать березовой каше* — dát sprask, dát výlupek, dát facku, dát březové kaše. Условно обозначим эту модель ДАТЬ что = «бить»).

II. ФЕ со структурой: глагол в каузативном значении + существительное или его перифраза со значением «удар» (*наградить тумаками, всыпать жару; показать, где раки зимуют* — uštědřit kopanec, vsolit pohlavěk, ukázat, zač je toho loket).

Условно обозначим эту модель УДЕЛЯТЬ что = «бить».

¹⁰ В. М. Мок и е н к о. Структурно-семантическое моделирование и сопоставительный анализ русской и чешской фразеологии. В сб. «Исследования по грамматике и лексикологии чешского и русского языков». Прага, 1975.

¹¹ Термин «семантическая диффузия» в отношении к лексике был предложен Т. С. Коготковой, понимавшей его как взаимопроникновение частных смыслов слова. (Т. С. К о г о т к о в а. О некоторых особенностях диалектной лексики в связи с устной формой ее существования. В сб. «Славянская лексикография и лексикология». М., 1966, стр. 303). Здесь же диффузия понимается как взаимопроникновение структурных и семантических моделей ФЕ.

¹² Сборники Ф. Челаковского, М. Червенки-Я. Благослава, Я. Заоралека и др., диалектные словари и диалектологическая картотека Института чешского языка АН ЧССР (Прага), с одной стороны, и русские паремнологические сборники, фразеологические словари, диалектные словари и картотеки (например, картотека «Псковского областного словаря», картотека «Словаря русских народных говоров», картотека «Словаря русских говоров Карелии» и др.).

III. ФЕ со структурой: глагол в значении 'ударить' + существительное или предложное сочетание, обозначающее направление удара (*namylit hlavu, zaxvatit v ucho* — *namydlit hřbet, praštit přes karakter*). Условно обозначим эту модель БИТЬ куда = 'избить'.

IV. ФЕ со структурой: глагол в значении 'ударить' + существительное или сочетание, обозначающее орудие удара (*xvatit dубиной, vyjечь ремнем* — *pěstmi hladit, pozdravit kuřem, namazat lískovou masí*). Условно обозначим эту модель БИТЬ чем = 'избить'.

V. ФЕ со структурой: глагол в значении 'ударить' + слово, словосочетание или предложение, обозначающее качество (прежде всего интенсивность) удара (*разделатъ под орех, дратъ как сидорову козу, хвачу, так запоешь суру с перехватом* — *zmalovat na modro, zkopat jak financ kozu, pasekal mu, až z něho nudle lítaly*). Условно обозначим эту модель БИТЬ как = 'избить'.

Внутри каждой из этих моделей выделяются более дробные фразеологические типы, отличающиеся и по структуре и по степени экспрессивности, и по коннотативному потенциалу компонентов, и по связанности последних друг с другом. Пока отвлечемся от этих существенных различий и обратим внимание лишь на самое общее сходство и различие, объединяющее или разделяющее ФЕ перечисленных моделей.

Легко заметить, что наиболее общим объединяющим моментом здесь является прежде всего прямая обусловленность этих ФЕ «ударным» значением. Различие же определяется тем, что это значение в первых двух моделях (ДАТЬ что = 'бить', УДЕЛЯТЬ что = 'бить') аккумулируется в именном компоненте, а в трех последних (БИТЬ куда = 'избить', БИТЬ чем = 'избить', БИТЬ как = 'избить') — в глагольном.

Отмеченное общее сходство определяет, как увидим ниже, «привязку» подавляющего множества ФЕ этого ряда к «ударным» основам, которые могут, однако, кодироваться различными образными воплощениями. Общее различие, в свою очередь, диктует направление этих образных воплощений (resp. коннотаций) для каждой конкретной модели.

Поскольку семантическую основу фразеологии этого типа составляет именно «ударное» значение, начнем анализ с тех фразеологических моделей, где это значение эксплицитно выражено глаголом, т. е. с трех последних моделей. В каждой из них можно найти глаголы двух родов: собственно «ударные» глаголы (*бить, ударить, молотить* — *bít, udeřit, mlátit*) и глаголы, развившие ударное значение путем переноса, т. е. глаголы образного характера (*чистить, мыть, жечь ходить* — *mydlit, solit, malovat, psát*). Первые имеют максимально низкий коннотативный потенциал, коннотативность же вторых может колебаться в зависимости от силы напряжения между их прямым и переносным значениями.

Глагольный компонент и в том, и в другом случае является ядром ФЕ, irradiрующим центром коннотаций, которые нанизываются на исходную «ударную» сему. Образование ФЕ происходит здесь самым распространенным способом — фразеологической интеграцией, т. е. созданием особых семантических признаков при вступлении слова в связь с другими словами¹³. Для собственно ударных глаголов повышение коннотативного потенциала при такой фразеологизации присходит в основном за счет компонентов, которые уточняют, конкретизируют различные характеристики ударного действия и тем самым придают им образность и «живописность».

¹³ Сущность этого процесса глубоко вскрыта Ю. А. Гвоздаревым. Ю. А. Гвоздарев. Процессы образования фразеологических единиц в русском языке. В сб. «Проблемы русского фразеобразования». Тула, 1973, стр. 47 и сл.

Для модели БИТЬ как = 'избить' такой конкретизацией является подчеркивание качественной стороны удара, его силы: *побьями бить, битком бить, бить не жалуюю, в дрижжу сбить, драть в три шкуры* — mlátit na modro, nasušit za sucha, nasekal mu, až z něho cucky lítaly и под. Не случайно роль конкретизирующего контекста здесь часто играют устойчивые сравнения: *драть как сидорову козу, облупить как луковку* — zkopat jak financ kozu, bušil do něho jak do žita, mlátit do něko ho jak do sporu, tloukat jako pláň и под.

Для модели БИТЬ чем = 'избить' эта конкретизация воплощается в наименовании орудия удара, что в какой-то мере является одновременно и качественной характеристикой последнего: *хватить пятериком, хватить сковородником, вдарить гантом, стebнуть ремнем* — udeřit kujet, vrazit holí, zmlátit klackem и под.

Для модели БИТЬ куда = 'избить' такая конкретизация осуществляется указанием на место нанесения удара, имплицитно характеризующим его эффективность: *наколотить шею, наколотить шиворот, вишвицу, загорбок; понатузить загривок, бутить бока, намять хблку, обломать ребра* — praštit přes karakter, naklepat záda, hřbet, vydrbat kůži, nabourat dršťku, nabourat zpěvník и под.

Нетрудно заметить, что перечисленные типы сочетаний обладают весьма низкой коннотативностью, а следовательно, их отнесение к ФЕ является проблематичным. Действительно, связь между семами, воплощенными компонентами этих сочетаний, почти максимально свободна, их общее значение еще не достигло слитности, свойственной фразеологическому значению, а внутренняя форма фактически почти исчерпывается денотативными характеристиками суммы их компонентов. Сознвая эти «противопоказания» к трактовке данных сочетаний как ФЕ, нельзя, тем не менее, не учитывать их при общем исследовании фразеологии «ударного» ряда. Эти сочетания тесно связаны с последней как структурно (их структурные модели совпадают с моделями высоко идиоматичных ФЕ), так и семантически. Семантическая зависимость ФЕ от сочетаний с низкой коннотативностью определяется уже многозначностью ударных глаголов, образующих такие сочетания. Эта многозначность (или многооттеночность) часто служит базой дальнейших коннотативных смещений всего фразеологического ряда.

Так, весьма активный в русских диалектах ряд сочетаний, образованных взаимодействием глагола *мять* и производных (*намять шею, холку, бока, ребра* и под.) приводит к созданию ФЕ *намять кому лен* (ср. варианты *накостылять кому лен, бить кого по лну*)¹⁴ с высокой коннотативностью, обусловленной двуплановостью слова *лен* 'волоknистое растение' и 'затылок, связки шейных позвонков'. Двуплановость чешского глагола *klepat* 'бить, колотить' (*naklepat záda, hřbet, kůži*) и 'выбивать пыль' (ср. *klepat koberce*) порождает новые коннотативные связи, становится импульсом лексической замены глагола *klepat* на *vuprāšit* и тем самым создает ФЕ типа *vuprāšit záda, hřbet, kůži* и — далее — *vuprāšit někomu frak, kabát* и под. 'избить кого-нибудь'.

Расширение коннотативного потенциала собственно «ударных» глаголов, таким образом, происходит путем их конкретизации тремя типами контекстов, описывающих как или чем осуществляется действие или куда оно направлено. Этот вид конкретизации значения в принципе не отличается от обычной контекстуальной «обкатки» слова в речи — отсюда и трудности разграничения на этом уровне свободных и фразеологических сочетаний.

¹⁴ В. И. Д а л ь. Толковый словарь живого великорусского языка, т. II. М., 1955. стр. 248 (далее — Д).

Семантическое развитие данного фразеологического ряда может идти и принципиально иным путем — путем субституции основного ударного глагола (который обычно лишен внутренней формы, безобразен) его синонимом, как правило коннотативно заряженным. Именно такие ФЕ обычно называют ярко индивидуальными, национально колоритными, неповторимо образными и т. д. Действительно, различие в образной мотивировке таких сочетаний бросается в глаза, каждая отдельно взятая ФЕ кажется вновь созданной идиомой. Групповой анализ фразеологических моделей, однако, показывает субъективность таких представлений. Такой анализ позволяет, как кажется, установить, что подавляющее большинство высоко идиоматичных сочетаний представляет собой развитие основных безобразных моделей, образованных на базе собственно ударных глаголов.

Характерно при этом, что тематический круг глаголов, пригодных для лексической субституции, строго ограничен и нередко воспроизводится с большой последовательностью в обоих языках. Так, в ряду ФЕ, образованных по модели БИТЬ куда = 'избить' такая лексическая субституция может быть сведена к четырем основным тематическим группам. Причем три из них являются еще собственно «ударными», но в силу своей конкретности, детализированности обладают большой экспрессией:

1) 'разбивать, ломать, уничтожать': *подбить скулы, обломать бока, обломать ребра, вышибить очки* — *nabourat dřštku, zpěvník; rozhít hubu, srovnat záda, hřbet; zlinýrovat záda;*

2) 'резко ударять': *наколотить шею, шиворот, загривок; понатумзить загорбок, понахлестать загорбок, набузовать бока, буткать боки* — *praštit přes karakter, strefit do kompasu, vtělit na usedlost, vlepít roh do koule;*

3) 'мять', 'сжимать, сдавливать': *намять холку, шею, лен, бока; промять бока, напластать шары* — *natisknout vizitky.*

Четвертая группа таких глаголов уже двупланова, хотя еще и привязана к конкретной ударной лексике. Ее общее значение 'делать чистым' может выражаться глаголами, в разной степени зависимыми от собственно «ударных» представлений — 'теребить', 'тереть', 'чистить', 'мыть' и под.: *теребить рожу, натеребить кочку, вылудить бока, возрить бока, утюжить почем зря; напудрить, намылить, вымыть голову* — *vuprášit záda, hřbet, kůži; vydrbat kůži, natřít kokos, namydřit kostru, oholit záda, namydřit hřbet.*

Ряд ФЕ, образованных по IV модели (БИТЬ чем = 'избить'), образуется заменой глагольных компонентов в следующих тематических рамках: 'легко касаться', (*погладить дубинкой, пригладить пестом* — *pohládit chloudem, klickem po kůži lechtat*), 'огреть, ожечь' (*огреть, розгой, выжечь режнем*), 'ходить, возить' (*находить рбном, отвозить дубинкой, обойти дубовым корешком*), 'намазать', 'выбрить' (*namazat lískovou mastí, dřevěným olejem namastit záda*), 'приветствовать', 'благословлять' (*prozdravit holí, blahoslovit kyjem, býkovým sluncem posvítit, dřevěných páteřů odzpívat*) и под.

Подобное же распределение можно проделать и для V модели: 'писать, рисовать' (*psát na modro, zmaloval ho, že hrál všemi barvami*) 'драть, чесать' (*причесывать по-своему, драть в три шкуры*) и под.

Как видим, чем выше коннотативный потенциал глаголов — лексических заменителей собственно ударных компонентов в исходных моделях, тем больше расхождений во фразеологии двух избранных для сопоставления языков. В русском, например, весьма активным заменителем ударной лексики в таких ФЕ выступают глаголы передвижения в пространстве: *заехать в рыло (в рожу, в едало, в морду и под.), съездить в ухо, завезти*

в башку, перевалить со щеки на щеку, находить рѣпом, отвозить дубиной, обойти дубовым корешком и под. В чешском же эта «тема» в ударной фразеологии не представлена, если не считать одного, весьма периферийного и особого по своему образованию примера — *vyšlapat někoho jako motejl žábu*. С другой стороны, в чешском языке активно используется для подобных лексических замен группа глаголов со значениями 'приветствовать', 'благословлять', почти не известная в русском: *pozdravit holí, blahoslavít kujem, dřevěných páteřů odzpívat, blahoslavít býkovcem* и под.

Для закрепления коннотаций, возникших при описанной лексической замене глагольных компонентов, большое значение имеет внутрифразеологический контекст. Он постоянно поддерживает актуальность двупланового восприятия глагола, «расшифровывает» фразеологический образ и тем самым повышает экспрессивность ФЕ. Примеры, демонстрируемые выше, достаточно иллюстрируют такой вывод. Приведем, однако, еще несколько ярких ФЕ, где активизирующая роль такого контекста особенно очевидна: *съездить кого в Харьковскую губернию, Зубцовского уезда, в город Рыльск, в Рождественский приход или в Харьковской губернии, Мордасовского уезда, в город Рыльск, в Зубцов погост*¹⁵; *vést pouť do Kujova a z Kujova do Buchlova, a z Buchlova do Modřic*¹⁶; *угостить долги́м яйцом — dřevěných páteřů odzpívat*. Яркая и неповторимая образность подобных оборотов, в сущности, генерируется именно коннотативным потенциалом глагольного компонента.

Накопление такого потенциала происходит последовательно, по выявляемым на диалектном материале «шкалам» шкалы «безобразность: образность»¹⁷. Чем дальше удаляется ударный глагол по этой шкале в сторону образности, тем выше его коннотативный потенциал. Результатом этого процесса является создание своеобразных фразеологических типов в родственных языках, отличных друг от друга несмотря на сходство структурно-семантических моделей.

Каково бы ни было, однако, расхождение ФЕ, образованных в рамках моделей БИТЬ куда = 'избить', БИТЬ чем = 'избить' и БИТЬ как = 'избить', представление «ударности» цепко удерживается именно в глаголе, в результате чего даже самые далекие отклонения от этого представления не приводят к полному отрыву от него. Это и понятно: сохранение «ударного» глагольного стержня в таких ФЕ предопределено типом структурно-семантической модели, разрушение которой вело бы к исчезновению ФЕ с ударным значением.

Иначе обстоит дело с двумя первыми моделями — ДАТЬ что = 'бить' и УДЕЛЯТЬ что = 'бить'. Здесь показателем «ударности» становится именной компонент, а глагольный чаще всего является лишь общим знаком каузативности¹⁸. Этот факт вносит принципиальные изменения и в формальную, и в семантическую структуру ФЕ этого типа. Сам именной статус «ударного» ядра такой фразеологии определяет ее семантические ха-

¹⁵ В. И. Даль. Пословицы русского народа. М., 1957, стр. 260.

¹⁶ Чешские каламбурные обороты этого типа подробно анализирует К. Кучера. (К. К у ч е р а. S ženou na pouť do Kujova. «Naše řeč», 1974, № 3).

¹⁷ При детальном анализе диалектной фразеологии легко увидеть, что последовательность таких коннотативных «шагов» во многом напоминает закономерные переливы сем при исследовании лексики методом структурно-семантических микрополей, предложенным Н. И. Толстым.

¹⁸ В. Н. Телня, например, справедливо подчеркивает, что глагольные компоненты перифрастических ФЕ нередко соотносятся с аффиксами и выполняют грамматическую роль. (В. Н. Т е л н я. Об одном виде фразеобразования в области словообразовательных отношений. В сб. «Вопросы семантики фразеологических единиц», ч. I. Новгород, 1971, стр. 86—87).

рактеристики, направляет коннотативное развитие ее типов по особому руслу.

Посмотрим, как это происходит.

Модель ДАТЬ что = 'бить' чрезвычайно активно представлена и в русской, и в чешской фразеологии «ударного» типа. Для русской фразеологии она является доминирующей как в литературном языке (ср. *дать (давать) жару, жизни, леца, сдачи* и под.; *задавать баню, гонку, жару, звону, копоту, перцу, фехтеру, чесу* и под.), так и в диалектной речи, в которой, по нашим материалам, записано свыше 200 ФЕ этого типа. Чешская фразеология подобной модели не столь многочисленна, однако активна по употреблению: *dát bouchance, dát buchance, dát buchtu, dát pardus, dát hybaj, dát ránu, dát hajc proti srsti, dát herdu, dat rano, dát sprask, dát vŭlupek, dát factu, dát pohlavek, dát koranec* и под.

Источником этой фразеологической модели, как показывает детализированный анализ материала, являются перифразы безобразных ударных глаголов типа: *бить* — *дать битую, бойну*; *драть* — *дать выдер, выдерку, деру, дранины, дрань*; *лупить* — *дать лупку, пороть* — *задать порку*; *bouchat* — *dát bouchance, hýbat* — *dát hybaj, ranit* — *dát ranu, praskat* — *dát sprask, lupit* — *dát vŭlupek* и под. Поскольку в ряд ударных глаголов включаются и глаголы других тематических групп, то и они могут образовывать подобные перифразы, отличающиеся большим экспрессивным накалом: *жарить* — *дать жару, жечь* — *дать жегу, задать жеганку*; *парить* — *задать пару, дать парки*; *трезвонить* — *дать трезвон, грозить* — *дать грозу*.

Развитие модели вело к целому ряду последовательных лексических замен, усиливающих коннотативный потенциал этого первоначально безобразного ряда перифраз. Характерно, что в отличие от уже рассмотренных моделей с глагольным «ударным» стержнем, здесь такие замены в основном происходят с именным компонентом. Этот компонент может заменяться существительными уже неглагольного происхождения. Словами-заменителями могут быть, например, лексемы в значениях 'пощечина, затрещина' и под., внутренняя форма которых указывает на место удара: *надавать заушии, дать лобана, дать подзатылень, надавать подзатыльников, дать подживотника, надавать потыльников* — *dát pohlavek, dát políček, dát hobla* и под.

Весьма разнообразен ряд ФЕ, где заменителями отглагольных компонентов выступают существительные с ярко образным значением. Комплексный анализ таких оборотов, однако, позволяет и здесь выявить довольно ограниченный круг тем, за которые эта образность как правило не выходит. Назовем наиболее активные из них:

1) лексемы, обозначающие различные виды пищи, чаще всего — названия мучных изделий (блинов, оладьев, булочек, буханок хлеба): *дать алáбыш, дать бŭханцы, дать бŭханцев, дать булку, дать жемŭлку* — *dát buchac, dát buchtu, dát mláďaetek, dát sodu, dát cikanského ovsa* и под.;

2) лексемы со значением 'палка', 'прут', 'розга' и под.: *бáлок надавать, дать рюху, дать чичíгу, дать рогача, дать приклада, дать бизунá* — *dát lopatku, dát deku* и под.;

3) лексемы со значением 'сосуд, посуда': *банок дать, банку дать, дать буту, гáрцы дать, надавать жбанов* — *sázet baňku*;

4) лексемы со значением 'баня', 'мытье' и под.: *задать баню, байну; задать головомойку* и под. (ср. чеш. *vytopit někomu lázeň*).

Анализируя этот набор метафорических лексем, можно обнаружить, что образность многих из них, как это ни парадоксально, — безобразного происхождения. Таков, например, почти весь первый ряд лексем, поро-

денный своеобразной омонимией лексем со значениями 'удар' и 'блин, оладья'. Эта омонимия, можно сказать, имеет во фразеологии описываемого типа регулярный характер. Нетрудно увидеть, что номинативные компоненты таких ФЕ, как *дать бабáху, дать бабáшку, дать болтуху, надавать бóтанцев, дать бúханцов, дать буханцы, задать жарёху, дать жарнё, дать жемок, дать жемúлку (с квасом), дать жемúлю, дать колотушку* — *dát buchán, dát buchtu* и под. имеют своим непосредственным источником именно ударные глаголы — *бабáхать, ббтать, жарить, жать, болтать, колотить, bouchat*. Именно в ударном значении эти глаголы зафиксированы разными источниками.

В то же время эти лексемы отражены этими источниками и в «кулинарных» значениях: пск. *бабáха* 'лепешка', 'оладья'¹⁹, 'небольшая лепешка из ржаного теста', 'лепешка из горохового теста', 'соленый хлеб из ячменной муки' и под.²⁰, смол. *болтúха* 'жидкое кушанье, сваренное кое-как', белг. 'жидкая еда из муки' и под. (СРНГ III, 83), пенз., нижегор., тамб. и др. *ббтанец* 'лепешка, испеченная из теста, разделанного мутовкой', 'лепешка из гороховой муки', 'лепешка из гречневой муки' и под. (СРНГ III, 130), курск., яросл. *бúханец* 'пирог или лепешка из ржаной муки', 'небольшой белый хлебец, испеченный из крутого замешанного теста' (СРНГ III, 319), арх., волог., вятск., перм. и др. *жарёха* 'что-либо жареное', нижегор. 'лепешки, жаренные на сковороде-ке' (СРНГ IX, 77)²¹, пенз. *жарнё* 'что-либо жареное, жаркое' (СРНГ IX, 82), нижегор., твер., куйбыш. и др. *жёмок, жёмок* 'пряник медового теста', 'пряники, печенье' и под. (СРНГ IX, 122—123), волог. *жемúлка* 'катышки из толокна, густо замешанного на воде', олон. *жемúля* 'большой кусок хлеба' (СРНГ IX, 123), новг. *колотушка* 'яичница' (Д. II, 141) — *buchán, bouchanec* 'буханка хлеба', *buchta* 'сладкий пирожок'²².

Омонимия большинства фразеологических компонентов такого рода обусловлена, по-видимому, древней семантической моделью 'бить' → 'нечто взбитое, размешанное' → 'блин, оладья' и под., которую было бы легко иллюстрировать многими славянскими примерами. Этот исходный семантический параллелизм, вероятно, постепенно закреплялся, его безобразная, исконно родственная этимологическая основа забывалась. Этот параллелизм начал затем осмысляться как метафора, что сделало возможными лексические замены, уже не обусловленные непосредственно ударными глаголами. Отсюда такие ФЕ как *дать алабыш* (ср. *алабыш* 'особого рода блин' — СРНГ I, 229), дон. *дать блин* (СРНГ III, 24), калуж. *дать булку* (СРНГ III, 271), *дать каши*²³, *дать киселя*, (Д, II, 110) и даже *дать яшницу* в значении 'ударить'²⁴.

Двойной план ФЕ этого типа мог акцентироваться различным способом. В рамках модели ДАТЬ что = 'бить' это могло достигаться расширением компонентного состава ФЕ, например, *дать березовой каши* или *дать жемúлку с квасом*. Основным приемом такого акцентирования, однако, являлось оживление лексического значения глагола *дать*, который пере-

¹⁹ «Псковский областной словарь с историческими данными», вып. I, под ред. А. И. Лебедевой, О. С. Мжельской. Л., 1967, стр. 80. (Далее — ПОС).

²⁰ «Словарь русских народных говоров», вып. 2 (под ред. Ф. П. Филина и Ф. П. Соколовой). Л., 1966, стр. 17. [(Далее СРНГ I—X (1965—1974 гг.)].

²¹ Ср. эту ФЕ в литературном языке XVIII в. кн. М. Ф. П а л е в с к а я. Основные модели фразеологических единиц со структурой словосочетания в русском языке XVIII в. Кишинев, 1972, стр. 111.

²² Ср. параллелизм значений 'удар': «мучное изделие» у слов, сочетаемость с глаголом *дать* у которых пока не зафиксирована: *буханина, жбень, оплеушка, плюха, трепача* и мн. др.

²³ В языке XVIII в. (М. Ф. П а л е в с к а я, там же, стр. 110).

²⁴ Там же.

ставал в таких случаях играть роль формального показателя глагольности в ударных перифразах, становился относительно самостоятельным. Появление метафоры «пицца», в ряду номинативных компонентов, например, обуславливает лексические замены глагола *дать* именно в «кулинарном» русле: *блинками накормить* (СРНГ III, 25), *поднести болтух* (СРНГ III, 83), *накормить бебехами* (СРНГ II, 168), *жемком угостить* (СРНГ IX, 123), *тукманцами кормить* (Д. IV, 441), *накормить тумакми* — *uštědit pohlavek, vsolit koranec* и мн. др.

Метафорическая тема, выросшая на безобразной основе, может становиться все более и более самостоятельной, образовывать целые ряды ФЕ по аналогии²⁵. «Кулинарный» мотив, например, трансформируется в весьма прихотливые образы, уже весьма далекие и по структуре, и по внутренней форме от исходной модели: *спечь (состряпать) кому-н. пирог во весь бок* (Д. IV, 280, 289), *испечь кому-н. булку* (СРНГ III, 271), *испечь лепешечку во всю щеку* (Д. II, 248), *накласть на бедность* (СРНГ II, 176), *улить щей на ложку кому-н.* (Д. II, 263), новг. *угостить долгим яйцом* (СРНГ VIII, 106)²⁶.

Такая семантическая и структурная диффузия и приводит к активному развитию фразеологических моделей в пределах одного синонимического ряда. Две первые модели, несмотря на их уже отмеченное принципиальное отличие от последних двух, начинают смешиваться друг с другом. Трудно установить, например, к какой, собственно, модели принадлежит последнее из приведенных русских выражений — *угостить долгим яйцом*. С одной стороны, эту ФЕ можно трактовать как сочетание, относящееся ко II модели (УДЕЛЯТЬ что = 'бить'). С другой стороны, поскольку под *долгим яйцом* имеется в виду орудие побоев (видимо, длинная палка), эта ФЕ может быть отнесена и к модели IV (БИТЬ чем = 'избить'). И в то же время, если проследить шаг за шагом развитие коннотаций последних сочетаний, то можно уловить в них истоки тех безобразных представлений понятия «ударить», от которых они отталкиваются.

Разумеется, уловить все многообразие такой семантической и структурной диффузии и обнаружить исходное структурно-семантическое ядро, которое затем обрастало дополнительными коннотациями, чрезвычайно трудно. Трудно уже потому, что часто мы имеем дело с вторичными перевоплощениями (структурно-семантическими вариантами) исходных сочетаний, а не с их прототипами, характерными для древнейшего периода. Понятно также, что выявление такого прототипа возможно лишь с привлечением максимально полного материала, отличающегося ареальной непрерывностью. Славянский же диалектный материал в области фразеологии изучен крайне неравномерно, что делает ее ареальный и сопоставительный анализ весьма проблематичным²⁷. Тем не менее предваритель-

²⁵ Таков, например, ряд *дать леца < лбскать, лёскать* 'хлопать', породивший целую цепь «рыбных» оборотов: *дать подлещика, дать шаберу, дать судака, дать лосося* и проч. См. подробнее В. М. Мокриенко. Некоторые трудности этимологического анализа фразеологии. «Русская речь», 1975, № 4.

²⁶ Ср. подобное развертывание различных коннотативных характеристик компонентов ФЕ в чешском языке: *kožho sena na zádek přikládat, dát spropitné, o které se žebrák opírá, dát kořím cikanského ovsa, vycpat kůži tlučí, dřevěným olejem namastit zadek, dřevěné pijavky sázet.*

²⁷ Характерно в этом отношении отсутствие вопросов по диалектной славянской фразеологии в программе Общеславянского лингвистического атласа, объясняемое, по справедливому утверждению Л. И. Ройзензона, неясностью «даже исходных позиций, с которых следует начинать работу в этой области». (Л. И. Ройзензон. К изучению диалектной фразеологии. В сб. «Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования», 1970, М., 1972, стр. 306.

ный вывод об общем направлении структурно-семантической диффузии ФЕ — от безобразных сочетаний к образным, от менее коннотативных — к более коннотативным, полученный путем сопоставления русской и чешской фразеологии, можно было бы проиллюстрировать и более детальным анализом славянских ФЕ с «ударным» значением.

Ограничимся одним примером, приводя, в силу лимита места, лишь наиболее выразительный материал.

Характеризуя способ образования оборота *березовая каша* 'порка', Н. М. Шанский подчеркивает, что он «возник в качестве фразеологического единства не на базе свободного словосочетания *березовая каша* (такого никогда не было, как не было и нет березовой каши!), а сразу, по модели, причем с использованием не только структуры фразеологических сочетаний типа *манная каша, пшенная каша, гречневая каша* и т. д., но и их грамматически опорного слова — „каша“»²⁸. В принципе верное, это толкование, однако, не определяет собственно фразеологические условия образования данной метафоры, не показывает, какое место она занимает во фразеологическом ряду, объединяемом общим значением 'побои' или 'избивать'. Яркая образность этой ФЕ, по трактовке Н. М. Шанского, резко контрастирует с заведомо безобразной моделью сочетаний типа *гречневая каша* или *манная каша*.

Контекстуальный анализ этого оборота в русском литературном языке (по данным картотеки «Словаря современного русского литературного языка», Ленинград) показывает, что это осколок более полного глагольного сочетания, точнее — номинативный его компонент. Не случайно «Фразеологический словарь русского языка» под редакцией А. И. Молоткова приводит его под статьей *дать* — как *дать березовой каши* 'наказать розгами, выпороть, высечь' (стр. 127). Учет этой полной формы ФЕ показывает, что перед нами — одна из конкретных реализаций модели I (ДАТЬ что = 'бить'), описанной выше. Именной компонент здесь сводим к исходному безобразному представлению 'березовый прут', 'березовая палка' (ср. ряд ФЕ подобного типа, где номинативный компонент обозначает орудие удара: *бáлок надавать, дать рогача, дать приклада, дать кнута, дать бизуна* — *dát lopatky* и под.). Это исходно безобразное представление выражается в нашей ФЕ образным путем — метафорически. Характерно, однако, что эта метафоричность прямо зависит от фразеологической модели ДАТЬ что = 'бить'. Более того, эта метафоричность, как мы уже видели на других примерах, порождена каузативной семантикой глагола *дать*, с одной стороны, и омонимичным параллелизмом отглагольных существительных со значением 'удар': 'буханка хлеба', 'лепешка', 'блин' и под. Такой параллелизм мы демонстрировали на русском и чешском диалектном материалах, однако он свойствен и другим диалектам восточно- и западнославянских языков. ФЕ *дать березовой каши* — одна из иллюстраций подобного ряда оборотов, выросших на базе этого исходного параллелизма либо созданных лексической субституцией первоначально безобразной модели (ср. *дать блин, дать каши, дать киселя, дать яшнницу* и под.).

Вероятно, такая субституция произошла в славянских диалектах довольно давно. Об этом свидетельствует ареал описываемой ФЕ: рус. *дать березовой каши*, белор. *даць бярозавай кашы*²⁹, *даваць бярозавай*

²⁸ Н. М. Ш а н с к и й. Фразеология современного русского языка. М., 1963, стр. 83.

²⁹ Н. В. Г а ў р о ш, Г. Я. Л е п е ш а ў, Ф. М. Я н к о ў с к і. Фразеалагічны слоўнік. Мінск, 1973, стар. 33.

*каши*³⁰, укр. *дати березової каші*³¹, чешск. диалектное (ляшск.) *dač břežové kaše* 'бить березовым прутом'³².

Вместе с тем анализ славянского материала свидетельствует именно о том, что семантическая диффузия шла именно от исходного безобразного компонента 'березовый прут'. Характерно в этом плане, что «березовый» мотив в западнославянской фразеологии активнее выражен иными представлениями. Если ФЕ *dač břežové kaše* зафиксирована пока лишь в ляшских говорах чешского языка, то подобный образ — *dal mi brezovej polievky* — находим в словацких говорах³³. В польском языке записан лишь один, при этом окказиональный, оборот, в котором «березовый» мотив связывается с глаголом. В нем, однако, отражены уже не «кулинарные», а «косметические» ассоциации: *Daj jej różu, ale brzożowego*³⁴. Более же характерны для западнославянской зоны ФЕ, где 'березовый прут' выражается каламбуром с персонификацией — польск. *powachasz się (poznasz się) s pania Brzeżowską*³⁵, чеш. *přijel sem pan Břežovec, poslati na koho pana Břežovce, přijde na něho panna Břežovka, zdravuje tě břežovka* и под.³⁶, либо вообще не получает образного выражения (ср. словацк. *dostal brezoviny*) 'его выпороли березовой розгой'³⁷. Возможны и более индивидуальные фразеологические вариации на «березовую» тему. Ср., например, чеш. *sluší na ně (děti) s břežovým psíkem vyskočiti; břežové nauky nejdou na buky, ale do hlavy*³⁸.

На фоне таких вариантов в славянских диалектах ФЕ *дать березовой каши* выступает как один из наиболее активных. При этом бросается в глаза ареальная непрерывность его в восточнославянской зоне, противопоставленная спорадичности в зоне западнославянской (ляшские говоры чешского языка). Эта противопоставленность подтверждается и фактом активной лексической варьированности анализируемой фразеологии в белорусских, украинских и русских говорах и просторечии. Такая варьированность развивается в рамках конкретизации общего каузативного значения глагола *дать*, что реализуется его заменой лексемами со значением 'угощать', 'кормить', 'насыпать', 'накладывать' и под. Иными словами, эта вариантность осуществляется переключением модели ДАТЬ что = 'бить' в модель УДЕЛЯТЬ что = 'бить': *бярэзаваю кашаю пачаставаць*³⁹, *бярэзавай пачаставаць кашай*⁴⁰, *усыпаць бярэзавай кашы*⁴¹; укр.

³⁰ Г. Ф. Юрчанка. І коціца і валіца. Мінск, 1972, стр. 162. Ср. *бярэзавая каша* 'лупцоўка' с опущением глагольного компонента в контекстах, приводимых Г. Ф. Юрченко (там же, стр. 72, 79).

³¹ Л. Г. Скрипник. Фразеологія української мови. Київ, 1973, стор. 171.

³² L. O r i š. Podřečí hornoostravské. Ostrava, 1899, s. 70; картотека диалектологического отделения Института чешского языка АН ЧССР (Прага). Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить сотрудников отделения и особенно его руководителя проф. С. Утешеного за помощь в сборе материала.

³³ A. P. Z á t u r e c k ý. Slovenské príslovia, porekadlá a úslovia. Bratislava, 1965, s. 288.

³⁴ «Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich», pod red. J. Krzyżanowskiego, t. I. Warszawa, 1969, s. 207.

³⁵ «Nowa księga...», s. 207.

³⁶ Fr. L a d. Celakovský. Mudrosloví národu slovanského ve příslovích. Praha, 1949, s. 699; J. Z a o r á l e k. Lidová rčení. Praha, 1963, s. 49.

³⁷ A. P. Z á t u r e c k ý. Ibid., s. 288.

³⁸ Fr. Š t. K o t t. Slovník česko-německý, zvláště grammaticko-frazeologický, díl I. Praha, 1878, s. 96.

³⁹ Ф. Янкоўскі. Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалогізмы. Мінск, 1962, стар. 454.

⁴⁰ Т. Ф. Сцяшкoвiч. Матэрыялы да слоўніка Гродзенскай вобласці. Мінск, 1972, стар. 583.

⁴¹ Н. В. Гаўрош, І. Я. Лепешаў, Ф. М. Янкоўскі. Там же, стр. 33. Ср. *бярэзавай кашы з'есці* 'быть наказанным розгами' (там же, стр. 34).

*частувати березовою кашею з дубовим салом, всипати березової каші*⁴²; рус. *накормить березовой кашей* (Даль. Пословицы 221), *узнаешь вкус березовой каши* (Даль. Пословицы, 222, Д. II, 100), *впрыснуть березовой кашей* (Салтыков-Щедрин), *посулить березовой кашей с ременным маслом* (Мельников-Печерский)⁴³. Некоторые из таких ФЕ, как видим, можно отнести уже и к модели IV (БИТЬ чем = 'избить'), поскольку такие глаголы-заменители как *ўсыпаць* или *впрыснуть* фактически уже являются собственно «ударными».

Весьма показательны, что именно в русских диалектах (или просторечии) развивается «кулинарная» линия «березовой» темы: пск. *печь березовые блины* 'бить, хлестать' (ПОС II, 42) иркутск. *угостить березовым пивом* 'избить плеткой'⁴⁴, *полечить березовой лапшой* (Писемский) и под. Активность метафор подобного рода именно в восточнославянском ареале и их почти полное отсутствие в западнославянском можно объяснить, как кажется, лишь в ракурсе тех сопоставлений фразеологических моделей русского и чешского языка, которые были сделаны выше. В самом деле, приведенные материалы показали, что именно в русских диалектах активно реализовалась субституция глагола дать в ФЕ модели ДАТЬ что = 'бить' глаголами с «кулинарной» тематикой. В чешском же языке эта субституция не получила развития. В результате в западнославянской зоне мы находим лишь образования *dať březové kaše* (ляшск.) и *dat brezovej polievku* (диал. словац.). То, что на этом спорадическом ареале зафиксированы лишь подобные сочетания с глаголом «дать», как кажется, еще раз подтверждает наше предположение о том, что в ряду «ударных» ФЕ одним их эффективнейших источников дальнейшей семантической и структурной диффузии была именно модель ДАТЬ что = 'бить'.

Таким образом, создание «березовых» метафор в восточно- и западнославянских языках начиналось, по-видимому, именно с безобразной модели, т. е. с конкретного сочетания типа *дать березового прута*. Дальнейшая семантическая диффузия привела к переключению этой модели и ее смешению с другими моделями. Несмотря на довольно большое разнообразие мотивировок ФЕ, возникших в процессе такой диффузии, развитие последних весьма жестко регламентировалось теми структурно-семантическими типами, которые сложились в «ударном» фразеологическом ряду восточно- и западнославянского ареала. Эта регламентация вскрывается, однако, лишь на фоне результатов анализа этого фразеологического ряда методом структурно-семантического моделирования. Без этого фона приведенные обороты могут показаться индивидуально-речевыми метафорами, мало связанными друг с другом.

Многообразие фразеологических мотивировок нередко объясняют именно индивидуальным речетворчеством, прихотливостью ассоциативного мышления. В какой-то мере это объяснение объективно, ибо в живой речи постоянно происходит активное создание, а точнее — творческое воссоздание ФЕ. Вместе с тем анализ большого фактического материала обычно показывает, что это многообразие во многом обусловлено комбинацией количественно ограниченных фразеологических моделей, их активной структурно-семантической диффузией. Такие модели являются

⁴² Л. Г. Скрипник. Там же, стр. 171.

⁴³ Ср. *известить на кого-нибудь целую березовую рощу* (Тургенев) и под. (М. И. Михельсон. Русская мысль и речь. Опыт русской фразеологии, т. I. СПб., 1902, стр. 52).

⁴⁴ Л. И. Андреева. Материалы к словарю русской фразеологии одного сибирского говора. Исследования по русскому и славянскому языкознанию, III. Самарканд, 1971, стр. 72; Л. И. Ройзензон, Л. А. Андреева. Словарь русской диалектной фразеологии Ольховского района Иркутской области. «Вопросы фразеологии», VI. Самарканд, 1972, стр. 197.

мощным регламентирующим и регулирующим фактором индивидуального фразеотворчества. Несмотря на разнообразие типов ФЕ и отдельных оборотов, порождаемых диффузией таких моделей, создание ФЕ и их эволюция не хаотичны: они подчиняются закономерностям взаимодействия исходных фразеологических конструкций. В рамках каждого фразеологического поля происходит слияние фразеологических моделей, взаимопроникновение их, движение от безобразных исходных типов к ФЕ с чрезвычайно сложной образной мотивацией.

Направление структурно-семантической диффузии, размывающей эти исходные модели, обусловлено различными факторами — как чисто языковыми, так и культурно-историческими. Специфика такой диффузии в каждом языке, вероятно, и определяет в конечном итоге национальное своеобразие фразеологии, ту меру идиоматичности, которая делает ее «непереводимой», «индивидуальной», «неповторимо образной» и т. д. За этим многообразием конкретных воплощений, однако, рельефно вырисовывается костяк основных фразеологических моделей, обуславливающих сходства и различия славянской фразеологии.

О ЗАПИСИ ПРО КОНСТАНТИНА-КИРИЛЛА ФИЛОСОФА В КАЛЕНДАРЕ ОСТРОМИРОВА ЕВАНГЕЛИЯ

В календари, или месяцесловы церковных книг, вносились для поминовения имена лиц, причисленных к лику святых, а также имена известных церковных деятелей, которые были признаны благочестивыми, но к лику святых не относились. Первая группа лиц упоминалась с определением *ἅγιος* 'святой', а вторая — *δσιος* 'благочестивый, набожный, почтительный'. Для иллюстрации приведем несколько примеров из Остр¹, в котором при издании памятника А. Х. Востоков подобрал и греческие оригиналы:

1. (μνημεσόν) τοῦ ἁγίου... Συμεών переведено: сѣмоу сѣмесоу, — запись под 14 февраля (л. 265 г); ...τοῦ ἁγίου μάρτυρος Λογγίνου τοῦ ἑκατοντάρχου — сѣладо мѣка лжгина сѣганика, — под 16 октября (л. 231в); ...τῆς ἁγίας μάρτυρος Βαρβάρας — сѣѣна мѣца барбары, — под 1 декабря (л. 243а) и другие. В целом подобных записей в Остр около 120.

2. ...τοῦ δσίου πατρὸς ἡμῶν Εφραίμ — прѣдвѣсноу ефрему — под 28 января (л. 263в), в переводе опущено πατρὸς ἡμῶν — оца нашего, по-видимому, потому, что Ефрем не был славянином; τοῦ δσίου πατρὸς ἡμῶν Ἰλαρίωνος — прѣдвѣсноу иларисноу — под 21 октября (л. 232г); τῆς δσίας Πελαγίας — прѣдвѣнти пелагии — под 7 октября (л. 228б) и другие. Таких примеров в Остр девять.

Наблюдаются случаи, когда *δσιος* передается словом сѣѣзи, например: τοῦ δσίου πατρὸς ἡμῶν Σαβα — сѣѣмоу настаквникоу сакѣ — под 5 декабря (л. 244а). Подобных примеров в Остр восемь. Порою *δσιος* в переводе не отражается: καὶ μνημεῖον τοῦ δσίου πατρὸς ἡμῶν Βασιλείου — пѣт оцѣу нашему василию (л. 236). Имеются отдельные примеры, когда в переводе опущено τοῦ ἁγίου (см. л. 263г) или τοῦ ἁγίου переведено словом прѣдвѣнаго (л. 262г).

Как бы то ни было, но передача *ἅγιος* словом сѣѣзи, а *δσιος* — прѣдвѣнзи является более обычным и закономерным. В таких памятниках, как Син пс, Син тр, Супр, на месте греч. *δσιος* почти всюду находится прѣдвѣнзи.

Константин философ занесен в календарь Остр под 14 февраля в такой записи: πατ. . . прѣдвѣнаго оца нашего константина философа нареченаго къ чрпначастко именована кѣрила (л. 265г). Как видно, здесь соблюдена формула τοῦ δσίου πατρὸς ἡμῶν прѣдвѣнаго оца нашего. В Ас на тот же день читаем: сѣладо оца наш кѣрила философа (л. 142б). В этой записи в сравнении с Остр произведено сокращение текста, кроме того прѣдвѣнаго заменено на сѣладо;

¹ Список сокращений см. в конце статьи.

из имени же оставлено только монашеское *кѣрилъ*. В Арх: *сѣто акъкѣментина* и *сѣто кѣрилад* (л. 157) — тут наблюдается дальнейшее сокращение записи сравнительно с Ас. В Охр ап: *акъкѣментина* и *кирилад оучителѣт ѡскѣтнзскоу жъзикоу* (л. 103а) — здесь имена приведены без определений, правда, *кирилад* именуется *оучителѣт ѡскѣтнзскоу жъзикоу*, и такое определение в Охр ап имеется и в записи о Мефодии, но с дальнейшим уточнением его конкретной деятельности как учителя и переводчика ².

Сав и Шишат ап не упоминают Константина-Кирилла философа, хотя в них имеются записи о Мефодии под 6 апреля; в Остр нет записи о Мефодии. В Ас под 6 апреля читаем: *сѣто оца наш ектоуха архппа цриград и пат оуспениѣт прѣдпаго оца нашго. меодиа. архпа взшинама моравзи. брат прѣго кѣрилад филоософа* (л. 145б). Тут, в отличие от записи о Кирилле философе под 14 февраля, последний именуется *прѣподобьанзи*. В Остр в тот же день обнаруживаем чтение: *сѣпаго оца нашго. еуѣтуха. архипсѣпа конста-тина града* (л. 270г) — и на этом кончается запись.

Показательно, что в Ас имеется запись и о Клименте Величском, или Охридском (умершем в 916 г.), под 27 июля: *сѣпаго сѣтѣт оца нашг климента еписпа кемичкаго* (л. 151а), а в Остр отсутствует и эта запись.

Все это едва ли объясняется случайностью, так как при более или менее подробной записи о Константине-Кирилле философе в Остр, отсутствие в нем записей о Мефодии и Клименте можно истолковать тем, что, когда внесли Константина в календарь евангелия-апракоса, Мефодий был еще жив. Что запись о Константине-Кирилле философе сделана еще в Моравии, надо полагать, до 885 г., — едва ли подлежит сомнению. Дело в том, что, как установлено, в чехоморавском языке вместо местного падежа употреблялся винительный падеж с предлогом *кз* ³, что и находим в приведенной записи в Остр.: ... *нареченаго кз чрѣначѣстѣо именима кѣрилад* вместо ожидаемого *кз чрѣначѣстѣт*; на это впервые обратил внимание А. Х. Востоков ⁴.

Эту запись мог сделать моравянин, потому что в переводах, выполненных Мефодием и Константином, в таких случаях употреблялся свойственный южнославянским языкам местный падеж, ср.: *кз зиграга*... *кз чрѣтѣт* (л. 1, 44 Ас, Остр, Зогр, Мар; *кз жтрокѣт*. — Сав), в греч. дат. п. *ἐν τῇ κοιλίᾳ*; *кз поустъзани естъз* (Мф XXIV, 26 Ас, Спв, Остр, Зогр, Мар), в греч. дат. п. *ἐν τῇ ἐρήμῳ*; *і сжштго емоу к китанин. кз домоу симона* (Мк XIV, 3 Зогр, Мар) — *καὶ ὄντος αὐτοῦ ἐν Βηθανίᾳ ἐν τῇ οἰκίᾳ Σίμωνος* (в апракосы это место не входило).

Употребление стяженных форм прилагательных *прѣдпаго* и *нарече-наго* вместо ожидаемых *-паго* или *-наго* также указывает на Моравию, поскольку в чехоморавском контракция, или стяжение гласных, началась еще в доисторическое время ⁵. В Супр, например, интересующее слово в большинстве случаев встречается в написании *прѣподобьанаго* (см.

² А. С. Львов. По поводу упоминания о Мефодии в календаре Охридского апостола. В кн. «Изучение русского языка и источниковедение». М., 1969, стр. 40 и сл.

³ J. Vašica. Jazyková povaha Zakona sudného Ljudem. «Slavia», 1958, roč. XXVII, s. 4, 524—528.

⁴ Остромирово евангелие 1056—1057 г. С приложением греческого текста евангелий и с грамматическими объяснениями, изданное А. Востоковым. СПб., 1843, стр. 310. Словоуказатель.

⁵ Р. Нахтигал. Славянские языки. М., 1963, стр. 75 и сл.; С. Б. Бернштейн. Контракция и структура слога в славянских языках. В кн. «Славянское языкознание». М., 1968, стр. 19 и сл.

35, 23; 51, 30; 168, 28; 195, 20 и т. д.); то же нареченнаго (см. 275, 14; 280, 14; 526, 1 и т. д.); ср. нарицаемаго (Зогр, л. 716).

Чрѣнѣчѣтко от чрѣнца также является свидетельством того, что запись произведена в Моравии. Дело в том, что в старших списках памятников на месте греч. *μοναχός* употребляется только чрѣнца с производными. Так в Ас: чрѣнца пафисѣга (л. 121 а); в Остр: женѣ чрѣница (л. 210), но только в дополнительных чтениях, находящихся после календаря, или месяцеслова: Чтѣние надѣ чрѣноризацѣмѣ (л. 289); в Син тр. чрѣнца встречается пять раз, чрѣница — два раза, чрѣнѣчѣскѣ — один раз; к этой группе относятся и чрѣнѣчѣтко Остр. В Супр чрѣнца — восемь раз, чрѣноризацѣ — девять раз, чрѣноризѣчѣтко — один раз, чрѣноризѣскѣ — два раза. Таким образом, в Супр форма чрѣнца является не мотивированным, так сказать, пережиточным явлением, а живым и мотивированным представляется форма чрѣнѣчѣтко, от основы которой образованы все производные, в том числе и чрѣноризѣчѣтко. Что в Болгарии употреблялась форма чрѣноризацѣ, свидетельствует известное сочинение, как полагают, написанное не позднее начала X в.: О писменехъ чрѣноризацѣ Храбѣра⁶, а также надмогильная надпись, сделанная где-то во второй половине X в., о чергубыле Мостиче, где высечено: о҃стѣкиѣзъ чрѣгоубѣлѣчѣтко... вѣстѣчъ чрѣноризацѣ⁷.

Итак, суш. чрѣнѣчѣтко свидетельствует о том, что запись с употреблением этого слова могла быть сделана только в доболгарский период развития старославянской письменности.

Прѣподѣбѣнѣн относится к той группе прилагательных с приставкой прѣ- с усилительным значением, которые употреблялись преимущественно для выражения специфических религиозных понятий⁸, ср. прѣстѣсе има чѣкое (Син тр 6а, 5) — речь о Христе; сло҃веса гнѣ сло҃веса прѣчнѣга (Син пс XI, 7); чѣмѣж прѣчмѣрѣчнѣжж... сѣтѣкори (Клоц 12б, 31—32) и т. п. Из прилагательных с приставкой прѣ- в евангелиях встречаются прѣчмѣсѣдѣнѣн, прѣчмѣжѣрѣзъ, прѣчпрѣжѣнѣнѣн, прѣчрѣсѣнѣн, которые не имеют специфического религиозного значения. Эти прилагательные оформились, так сказать, в ходе естественного словообразовательного процесса. Прилагательные с той же приставкой прѣ-, обозначающие специфические религиозные понятия, являются искусственно созданными⁹, по-видимому, по образцу каких-то неславянских моделей (возможно, даже немецких). Такие прилагательные встречаются главным образом в памятниках, переведенных в Моравии, — Клоц, Син пс, Син тр и некоторых других. В частности, прѣподѣбѣнѣн функционирует в этих памятниках, а также и в Супр, как эпитет к именам людей, еще не отнесенных к лику святых, но находящихся в числе праведных, благочестивых, ср.: сѣхрѣани дѣшж мѣжѣтко прѣподѣбѣнѣн е҃сма (Син пс LXXXV, 2); сѣподѣви и вѣнги прѣдѣна ра҃ба (Син тр 94б, 24); прѣподѣбѣнѣн еписѣпѣзъ петрѣз (Супр 187, 27) и другие.

Итак, рассматриваемая запись о Константине философе, нареченном в монастыре Кириллом, судя по приведенным данным, сделана в Моравии

⁶ К у и о М. К у е в. Черноризец Храбѣр. София, 1967, стр. 188 и сл., 421 и сл.

⁷ Надпись на чѣргубыли Мостич. София, 1955; М. Янакиев, С. Стоянов. Старобългарски език. Текстове и речник. София, 1956. Снимок VI; V. Вешевliev. Die protobulgarischen Inschriften. Berlin, 1963, T. LXXIX.

⁸ А. Вайян. Руководство по старославянскому языку. М., 1952, стр. 164; A. Vaillant. Manuel du vieux slave, t. I. Paris, 1964 p. 137.

⁹ Р. М. Цейтлин. Старославянские прилагательные с приставкой прѣ-. «Studia palaeoslovenica». Praha, 1971, s. 65—71.

до 885 г. Говоря иначе, эта запись об известном славянском просветителе должна быть первой, занесенной в календарь евангелия-апракоса для поминания его памяти в церкви 14 февраля. Данная запись вызывает и недоумение, поскольку в ней не отмечено ни одно дело, выполненное Константином философом в пользу просвещения славян, тогда как в записи о Мефодии в календаре Охр ап сказано, что он, Мефодий, — *сучителъ славѣнскоу ѡзвѣстѣ* и что он *прѣложи крѣстоу славѣнскѣ*. *стакла пасати отъ грѣхѣмъ къ славѣнскѣ ѡзвѣстѣ*¹⁰. Правда, в Охр ап в записи под 14 февраля читаем: *акъзѣнтиа и кирила сучителѣ славѣнскоу ѡзвѣстѣ* (л. 103а), но здесь последние три слова, по всей видимости, появились под влиянием текста упомянутой записи о Мефодии в том же памятнике, поэтому она никак не конкретизируется.

Следует иметь в виду и то, что рассматриваемая запись о Константине философе, по всем признакам выполненная моравином, не могла возникнуть без ведома архиепископа Мефодия, не говоря уже о согласии на эту запись более высшего начальства — духовенства в Риме.

Что же отмечается все-таки о Константине философе в этой записи? То, что она сделана в па<ма> т<а> ... пр<т>п<с>д<с>банаго о<т>а<д>ца нашего константина философа... По Словарю старославянского языка *прѣдбанаго оца* нашего тут представляет *appellatio honorifica* 'почетное наименование'¹¹. Думается, что в данной конкретной записи приведенное словосочетание употреблено в значении, по определению И. И. Срезневского: 'старший, пользующийся почтением подобно отцу и заботящийся о младших, как о детях'¹². В ЖК сказано: *саврак же савора цря и призва Константина философа... и рече... погрѣха не чѣвѣ тамо* (т. е. в Моравию. — А. Л.) *иги сию бѣ рѣча не можетъ инѣ никтоже исправити, ꙗкоже чѣ*¹³ — ... 'это дело не может никто выполнить так, как ты'. Так можно говорить о человеке, зарекомендовавшем себя с положительной стороны в выполнении тех или иных особо важных поручений.

Наличие больших организаторских и проповеднических способностей Константина философа подтверждается рядом данных о нем, зафиксированных в ЖК. Сюда относятся рассказы о сарацинской и хазарской миссиях, а также о его споре с так называемыми трезычниками.

Поездка Константина философа вместе с асикритом Георгием в составе делегации Византии к сарацинам, или арабам-магометанам, где-то на территории современного Ирака по р. Тигр севернее г. Багдада, состоялась около 855—856 гг. Цель поездки в ЖК не изложена, но, как думают, она состояла в улаживании взаимоотношений между Византией и арабами владения халифа Мутаваккиля¹⁴. Константин философ, как полагают, был включен в состав делегации как знаток религиозных вопросов для улаживания взаимоотношений между мусульманами и христианами.

Ясна цель так называемой хазарской миссии Константина философа, состоявшейся в 860—861 гг. Эта миссия была направлена после внезапного и сильного удара русских войск по Константинополю в 860 г. По

¹⁰ А. С. Л в о в. Там же, стр. 40 и 46. (Цитата приведена в нормализованной записи.)

¹¹ «Slovník jazyka staroslověnského», t. II. Praha, 1973, s. 624.

¹² И. И. С р е з н е в с к и й. Материалы для словаря древнерусского языка, т. II. СПб., 1895, стб. 829.

¹³ П. А. Л а в р о в. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930, стр. 60 и 26.

¹⁴ Там же, стр. 44—47 и 7—10; е г о ж е. Кирило та Методій в давньо-слов'янському писемстві. Київ, 1928, стор. 13 и сл.; F. G r i v e s. Konstantin und Method. Lehrer der Slaven. Wiesbaden, 1960, S. 39—42.

словам патриарха Фотия: «поход... схитрен был так, что и молва не успела оповестить нас, дабы мог кто-либо подумать о безопасности»¹⁵. Фотий наметил такую цель миссии Константина: «народу возлюбленному и богоизбранному (т. е. грекам.— А. Л.) не должно надеяться на крепость рук своих, величаться силою мышц своих, опираться на запасные оружия, а надобно овладевать... и господствовать над ними (т. е. русскими—А. Л.) с помощью всевышнего»¹⁶.

Константин философ выполнил эту задачу, добившись с согласия русского кагана¹⁷ крещения до 200 чадий. В ЖК об этом рассказано так: крѣсти же се ѿ нихъ тогда до дѣю етоу чеди... написа же к црю книги кагана сицека, яко послал ны еси вѣдѣти мѣжа чаксакагс, иже ни (н-л).— А. Л.) сказа христѣанскую крѣстъ есмьсм и кѣтми... пскелѣхум крѣтитисе вѣстѣма своєю вселю, надѣюще се и мы дсѣпѣти тѣсгжде¹⁸. Об этом крещении позже (около 867 г.) в своем Окружном послании патриарх Фотий рассказывает: «не только болгары обращены к христианству, но также и... народ... Русь... они (т. е. русские.— А. Л.) подняли руку... на Римскую империю. (Речь идет о нападении русских в 860 г. на Константинополь.— А. Л.) Но теперь они переменяли безбожную веру на... христианское учение, вошедши в число преданных нам и друзей... В них возгорелась такая жажда веры и ревность, что приняли епископа и пастыря и с великим тщанием исполняют христианские обряды»¹⁹.

Это вместе с данными ЖК является достовернейшим свидетельством, что христианство стало религией части русских еще в начале 60-х годов IX столетия. Помимо этого, приведенные данные представляют неоспоримый факт об организаторских и проповеднических способностях Константина философа.

О полемических способностях Константина философа свидетельствуют, как мы сказали, его споры со сторонниками иудаизма в Хазарии, с трезычниками в Венеции и другие. Сторонники того, что христианство можно проповедовать только на трех языках, утверждали: мы же три языка вѣтмъ. ижеже дсѣпѣти к книгахъ славити ба: евртѣиски, еллинаски, латински. ѿтвѣща же философъ кз нимъ: не идеть ли дожда ѿ ба равно на еса или глзнице тѣксже не сизеть ли на еса, ни ли дѣхасемъ на аеръ равно еси. то како вы еса не стѣидите, три языка мѣтѣаце (— упоминая, признавая.—А. Л.) а прсчимъ вѣтмъ языксмъ и племенсмъ сѣтѣпым велаше выти и гаухымъ²⁰.

Так остроумно и убедительно отстаивал философ равноправие языков всех народов в совершении церковной службы.

Словом, указанные способности Константина философа неоспоримы, поскольку они подкрепляются фактическими данными.

Однако о широко распространенном и общепринятом мнении об изобретении, или о вновь, впервые составленной славянской азбуке и переводе евангелия-апракоса Константином философом, в рассматриваемой записи о нем в календаре Остр ничего не сказано. Упомянутое мнение прежде всего опирается на сообщение главы XIV ЖК, где написано:

¹⁵ П о р ф и р и й У с п е н с к и й. Четыре беседы Фотия. СПб., 1864, стр. 7.

¹⁶ Там же, стр. 28.

¹⁷ П. А. Л а в р о в. Там же, стр. 58, 24; В. Л а м е н с к и й. Славянское Житие Кирилла как религиозное произведение и как исторический источник. Пг., 1915, стр. 176 и сл.

¹⁸ П. А. Л а в р о в. Там же, стр. 58, 24.

¹⁹ «Известия славянского благотворительного общества». СПб., 1885, № 4, стр. 233, а также: А. С. Л ъ в о в. Исследование *Речи философа*. В кн. «Памятники древнерусской письменности. Язык и текстология». М., 1968, стр. 337.

²⁰ П. А. Л а в р о в. Там же, стр. 30, 62.

шлѣдз же философъ по праксому свѣдѣнѣю на матѣж са вѣдѣтъ и съ инѣми поспѣшаники. вѣскорѣ же ѣ бѣ вѣ... и тѣгда сѣлоски писмена и начатъ вѣсѣдѣж писати еѣѣѣѣ. еже. икснѣ бѣ сѣско... и прочая²¹.

Эта цитата требует специальной проверки, потому что в других местах ЖК, а также в других памятниках письменности об изобретении славянской азбуки и переводе книг рассказывается иначе. Так, в главе XVI ЖК читаем: члче сѣкажи намъ како еси тѣи сѣтворилъ сѣскѣнсмаз кнѣги и сучиши ѣ²² — так якобы спрашивали трезычники Константина. В главе VIII ЖК: дсшлѣдз до Корсунѣ (вар. Херсона) наоучи са чоу жидокасѣти вѣсѣдѣт и кнѣгамъ осма чѣсти граматикѣи прѣлосжи (вар. прѣлосжи)²³. Показательно, что понятие 'научился еврейской грамоте' (алфавиту, умению читать и писать) выражено, как и в евангелиях, словами наоучи са... кнѣгамъ, а не писменамъ. В Похвальном слове Кириллу и Мефодию читаем: законъ же бжии соугоубо прѣлосжаша къ нскзи извикъ прѣдѣста писмена сѣтворѣша юмоу²⁴. В известном сочинении Черноризца Храбра: константинъ философъ чарѣцѣемзи кирилъ · тѣ намъ писмена сѣтвори и кнѣги прѣлосжи²⁵. Ср. еще: плѣдз сѣтворитъ (И XII, 24 Ас, Остр, Зогр, Мар), перевод греч. καρπὸν φέρει; коупѣж сѣтъ сѣтворѣи (Л XIX, 15 Ас, Остр, Зогр, Мар), διαπραγματεύσατο: камена некрѣдоу сѣтворѣша (Мф XXI, 42 Мар, Зогр), ἀπεδοχίμασαν; сѣтворѣмъ три скиния (Мк IX, 5), ποιήσωμεν и т. п.

Как видно из примеров, когда речь шла о понятиях 'принести плод', 'торговать', (камень) 'сделать' (бесполезным), 'соорудить' (шалаш) и т. д., первые переводчики устойчиво употребляли сѣтворѣти, несмотря на то что в греческом были разные глаголы.

В связи с этим возникает законный вопрос: почему же в главе XIV ЖК об изобретении азбуки и переводе евангелия-апракоса не сказано так же, как об этом сообщают авторы ЖК (в других местах), Похвального слова и Черноризец Храбр: и тѣгда сѣтвори кнѣги (или: писмена) и начатъ вѣсѣдѣж прѣлагати еѣѣѣѣ?... Вместо этого в главе XIV ЖК читаем совершенно необычное: сѣлоски писмена и начатъ вѣсѣдѣж писати... Едва ли могут быть тут иные мнения, кроме того, что эти слова не принадлежат автору ЖК, а представляют интерполяцию, сделанную кем-то другим позже, поэтому вместо сѣтвори употреблено сѣлоски, вместо кнѣги — писмена, вместо прѣлагати — писати. Отсутствие хотя бы в редких списках ЖК слова кнѣги вместо писмена в указанной цитате является лишним доводом в пользу того, что сѣлоски писмена и т. д. написано не автором ЖК, знавшим в этом значении только кнѣги. Последнее слово позже заменяли другим — писмена, поэтому появляются двойные обозначения одного и того же понятия, ср. дѣдѣтъ са рече кнѣги печѣталѣнѣи мжжсу сумѣжштсу кнѣги (Супр 246, 30—247, 1), в греч. в первом случае на месте книги — ἐπιστολή, а во втором — γραμμάτα; дѣдѣтъ са рече запечѣталѣнѣи кнѣги мжжсу вѣдѣжштсу писмена (там же, 246, 8—9), в греч. так же, как и в предыдущем примере. На месте же сумѣжштсу и вѣдѣжштсу в греч. в обоих примерах: ἄνδρι εἰδότη γραμμάτα. Поскольку И VII, 15 πὸς οὗτος γραμμάτα οἶδεν μὴ μεναθῆως переведено: како са кнѣги сумѣѣтъ не оуча са (Мар, Зогр, Ас, Остр), то чтение сумѣжштсу в приведенной цитате из Супр является первичным, а вѣдѣжштсу употреблено вместо сумѣжштсу в то время,

²¹ Там же, стр. 60, 27. Мы нарочно приводим цитату в так называемой нормализованной записи, какую она могла иметь в древнем списке ЖК.

²² П. А. Л а в р о в. Там же, стр. 62, 29.

²³ Там же, стр. 48, 11.

²⁴ Там же, стр. 83.

²⁵ К у й о М. К у е в. Там же. стр. 427.

когда слово кзнигы заменяли на писмена. Ср. также: кз книжкзнихъ роудахъ (Супр 335, 3), τοῦ γραμματός, но кз покѣсти писменанѣи (там же, 345, 19), ἐν τῇ ἐστρίᾳ τοῦ γραμματός; глоско же книжаное (Деян VIII, 32), τῆς γραφῆς; книжаное глоско (ЖМ, гл. VIII); писменаное глоско (Супр 530, 26), τῆς γραφῆς, и т. п.

Таким образом, замена первичных кзнигы, кзнижкзхъ на писмена, писменанѣи не подлежит сомнению, о чем уже писалось²⁶. Поскольку ни в одном списке ЖК нет чтения глосжи кзнигы вместо писмена, то совершенно ясно, что здесь не замена кзнигы на писмена, а действительно интерполяция, в речи автора которой в значении 'буква, буквы, алфавит' слова кзнигы не было.

Сочетание слов глосжити кзнигы или глосжение кзнигъ, а также глосжение писменѣи в памятниках письменности употреблено не в значении 'изобретение азбуки', а совсем в ином смысле. Так, в Синайском патерике сп. XI в. читаем: кса мѣта жикота скоего не разпѣти скѣцанааго скѣга. нз кз ноци скѣтз скѣцаше и показала ъмоу глосжение писменемъ (л. 36)²⁷, греч. τὴν σύνθεσιν τῶν γραμμάτων, буквально — 'соединение букв' или 'буквосочетание'. Вероятным истолкованием глосжение писменемъ здесь является либо 'обучение грамоте', либо 'написание, сочинение'. В Ефремовской кормчей сп. XII в.: и глосжашемъ кзнигами тзгда постакление тѣорити (л. 71), перевод греч. καὶ συνθεθένων διὰ γραμμάτων, τότε τὴν χειροτονίαν ποιῆσαι²⁸. Глосжашемъ кзнигами здесь означает буквально 'соединением букв', или иначе — 'написанием'. Это же предложение при том же греческом тексте в другом месте читается так: и глосженомъ писменѣи тзгда постакление тѣорити²⁹. В Житии Федора Студита по сп. XII в.: и гна субо кзнигы... и глосженѣи и мнгогнимъ на ползюу сугтакленѣи (л. 85)³⁰. Здесь кзнигы... глосженѣи — 'книги сочинены', или 'книги написаны' и т. д.³¹

Правда, в евангелиях Мф XIII, 35, XXV, 34; Л XI, 50: греч. ἀπὸ ἀταβολῆς κόσμου переведено стз глосженитѣ кзсего мира; И XVII, 24: πρὸ κἀταβολῆς κόσμου — прѣжде глосженитѣ кзсего мира, но здесь речь идет не об изобретении или составлении чего-то нового, а об основании, о начале мира, или всего света³², поэтому употребление глагола глосжити в значении 'сотворить', или 'составить новую азбуку', совсем необычно и не мотивировано для речи первых переводчиков. Если допустить все же, что автор ЖК написал об изобретении — глосжи, почему же тогда он не написал далее обычные для его речи — (глосжи) кзнигы и начатъ ксѣдъ прѣлагати екнѣмѣкж?

Немотивированность употребления в ЖК глосжи писмена в значении 'изобрел', или 'вновь составил азбуку', подтверждается и другими примерами, в которых встречается глагол глосжити, ср. И IX, 22; вѣшете гл иуден. юже бо гл вѣдхж глосжили иуден. да аще кто испокѣстз гл. сггжчезз глнмница вѣдетз (Ас, Остр, Зогр, Мар, в Сав нет),... συνεθέθειντο οἱ Ἰουδαῖοι..., т. е. 'установили, постановили'; глосжи рандж смж гл тѣлени его (Син

²⁶ А. С. Львов. Някои въпроси от кирилometодиевската проблематика. «Български език», год X, кн. 4, 1960, стр. 297—319; А. С. Львов. Очерки по лексике памятников старославянской письменности. М., 1966, стр. 153—168; и др.

²⁷ «Синайский патерик». М., 1967, стр. 107.

²⁸ В. Н. Бенешевич. Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований, т. I. СПб., 1906, стр. 208.

²⁹ Там же, стр. 85.

³⁰ Житие Нифонта и Федора Студита по сп. XII в. ГБЛ, ф. 178 (Муз.), № 1832. Материалы СДР.

³¹ Другие примеры см.: И. И. Срезневский. Там же, т. III, 1903, стр. 736.

³² W. Bauer. Griechisch-deutsches Wörterbuch zu den Schriften des Neuen Testaments und der übrigen urchristlichen Literatur. Berlin — New York, 1971, s. 808 ff.

тр 30б, 3—4), греч. текст не найден; криницѣ мѣдоу... сзложикъ сгиде (Супр 291, 8—9), 'алофортиѣи 'выгрузив, сгрузив'; сзложенсе ч'ло гнѣ приимъ (Клоц 14б, 21—22); приимъ. (Супр 453, 11—12),... τὴν σύνθετον ὑπόστασιν... 'сложенное, или положенное (умершее.— А. Л.) тело... взяв...'. И т. д.

Словом, не вызывает сомнений, что место из главы XIV ЖК: сзложи писмена и начатъ бесѣдъ писати екипласкж: искони бѣ слово... и прочая нельзя признавать написанным автором ЖК. Интересующее нас место главы XIV ЖК в первоначальном тексте могло читаться только так: шадъ же философъ... на маткѣ сѣ вздастъ и сз инѣми послѣшникъи · кзскортъ же кзникъи емоу бѣ ꙗки послѣшникъи маткѣи рабъ скоихъ · и тогда кзвесеи же сѣ црѣ и послѣд і... написавъ кз рогтиславоу... бѣ... сзтворѣи нзинѣ... ꙗкѣ кзникъи бѣ кашѣ ѣззыкѣ... да и кзѣ причетете сѣ келихъ ѣззыкѣи иже славятъ бѣ скоимъ ѣззыкѣи и ти (или: тебе) послѣдохомъ того емоуже кзникъи бѣ ꙗки. мжжѣ чьстана и благоч'рана кзникъана с'ло и философъ.

В дошедших до нас списках ЖК только один раз находим чтение бѣ... сзтворѣи нзинѣ... ꙗкѣ боукки кз кашѣ ѣззыкѣ. Поскольку в глаголических breviарях, в частности в Люблинском breviаре списка середины XIV в., в этом месте читается ꙗкѣ кз книги³³, то имеются все основания считать, что в первоначальном тексте действительно тут находилось слово кзникъи. Кроме того, также имеются основания полагать, что в первоначальном тексте ЖК вместо: кзскортъ же є (вар. сѣ, кѣ) емоу бѣ ꙗки; емоу же є бѣ ꙗки, читалось: кзскортъ же кзникъи емоу бѣ ꙗки; емоу же кзникъи бѣ ꙗки. Это предложение повторяется и в ЖМ: ꙗки бѣ философѣу славѣнаскъи кзникъи³⁴. Слово кзникъи, несомненно, было заменено неясным є, сѣ, кѣ для оправдания интерполяции: сзложи писмена и начатъ бесѣдъ писати...

Но здесь нельзя обойти молчанием то, что написано в главе XVI ЖК: како єси ч'зи сзтворилъ нзинѣ славѣномъ кзникъи и сучиши ѣж³⁵. По цитате выходит, что Константин — единоличный создатель славянских церковных книг. Однако это место не согласуется с данными главы VII, где сказано: Бѣ Олумъъ же шадъ кз Меовдѣбъ братѣ скоемѣ. тамо жикѣше и маткѣбъ творе без престанѣа кз боу, ч'зкмо книгами бесѣдоує ꙗсѣа дѣво и днѣ кынѣ сз братѣи с'ксима кз сѣхъ ѣпражнѣаше сѣ...³⁶. В главе XV ЖМ также читаем: екангѣи сз апѣлѣма... сз философъма прѣложилъ парѣѣи³⁷.

Говоря иначе, по приведенным данным, первые переводы были выполнены совместно Константином и Мефодием.

Латинские источники также подчеркивают роль лишь одного Константина как в изобретении славянской азбуки, так и в деле перевода евангелия. В послании папы Иоанна VIII от 880 г. к Святополку Моравскому читаем: «...Litteris denique Sclavinicas a Constantino quondam philosopho reperitas, quibus Deo laudes debite resonet...»³⁸ («... наконец, славянские письмена, некогда изобретенные Константином философом,

³³ П. А. Лавров. Там же, стр. 132; V. K u a s. Chrátskohlalolské texty Zivota Konstantinova. «Slavia», 1966, роѣ. XXXV, s. 4, 534.

³⁴ П. А. Лавров. Там же, стр. 72.

³⁵ Там же, стр. 62, 29 и сл.

³⁶ Там же, стр. 48; А. С. Львов. О пребывании Константина философа в монастыре Полихрон. «Советское славяноведение», 1971, № 5, стр. 80—86. Рецензию А.-Е. Тахиаоса на эту статью см.: «Cyrillicmethodianum», II. Thessalonique, 1972—1973, p. 194.

³⁷ П. А. Лавров. Там же, стр. 77.

³⁸ F. G r i v e s, F. T o m s i c. Constantinus et Methodius Thessalonicensis. Fontes. «Radovi staroslavenskog Instituta», kh. 4. Zagreb, 1960, p. 73.

для того чтобы возглашать должны хвалы богу, мы справедливо похвалием...»³⁹. Здесь, в приведенной цитате, важно отметить, что папа похвалиет именно письма (litteris), изобретенные некогда Константином философом. Это написано папой после суда епископов в Риме над Мефодием, обвинявшимся в распространении ереси.

В Итальянской легенде «...cognoscentes loci indigene adventum illorum valde gavisi sunt, maxime cum reliquias beati Clementis secumeos ferre audierant, et evangelium in eorum linguam a Philosopho predicto translatum»⁴⁰ — «...их прибытию (в Рим.— А. Л.) местные жители очень обрадовались, узнав, что они и мощи бл. Климента несут с собою и евангелие, переведенное на их (свой, славянский.— А. Л.) язык упомянутым философом».

Чтобы понять, почему в латинских источниках в деле создания и развития славянской письменности фигурирует только один Константин философ, а не вместе с Мефодием, как следовало бы ожидать, надо иметь в виду то, что Мефодий как архиепископ моравский находился под постоянным, так сказать, обстрелом и преследованием врагов в лице немецкого духовенства. Словом, труден и тяжел был жизненный путь Мефодия. После смерти брата Константина философа в течение 18 лет он вел постоянную борьбу с сильным и коварным врагом — немецким духовенством⁴¹. Приведем только два факта. Так, зальцбургские епископы в жалобе на Мефодия в 873 г. писали папе, что они в продолжение 75 лет являлись хозяевами церквей, пока не явился какой-то грек по имени Мефодий, со вновь изобретенными славянскими письменами (noviter inventis sclavines litteris), который, вытеснив латинский язык, склонил часть населения к ненависти к обедне, евангелию и церковной службе по-латыни⁴².

В 879 г. к папе поступила жалоба, как полагают от баварских епископов, на Мефодия, что он в церковной службе отступает от догматов римской церкви, говоря иначе — распространяет ересь. Мефодий был вызван в Рим, где предстал пред судом епископов. Как видно из вышеприведенной цитаты из послания папы Иоанна VIII от 880 г. к Святополку, Мефодий доказал свою невинность и получил разрешение проводить церковную службу на славянском языке, несмотря на то что в 878 г. тот же папа Иоанн VIII запретил ему совершать церковную службу на славянском языке⁴³.

При этом совершенно ясно, что Мефодий, ради сохранения церковной службы на славянском языке, и изобретение азбуки и переводы книг приписал одному Константину, пользовавшемуся в Риме популярностью прежде всего из-за того, что Константин принес туда в 869 г. останки папы Климента, когда-то похороненного в Крыму, в Херсонесе, а также из-за того, что перед смертью Константин постригся в монахи в Риме.

Однако Мефодию не удалось полностью оправдаться перед папой, о чем свидетельствует то, что папа ему как архиепископу не пожаловал паллиума⁴⁴.

Конечно, постоянно находящийся под подозрением у духовенства в Риме, во главе с папой, Мефодий вынужден был скрывать свою роль

³⁹ В. А. Бильбасов. Кирилл и Мефодий, ч. I. СПб., 1868, стр. 87.

⁴⁰ F. G r i v e s, F. T o m s i e. Ibid., p. 62; «Кирилло-Мефодиевский сборник». М., 1865, стр. 334.

⁴¹ Об этом подробнее см.: В. А. Бильбасов. Там же, ч. I, стр. 75—100; ч. II, стр. 207; П. А. Лавров. Кирило та Методій в давньо-слав'янському письменстві. Київ, 1928, стор. 72 и сл.; Н. Грацианский. Моравский период деятельности Константина и Мефодия. «Вопросы истории», 1945, № 1, стр. 84—105.

⁴² В. А. Бильбасов. Там же, ч. I, стр. 76.

⁴³ Там же, стр. 49.

⁴⁴ Там же.

в создании славянской письменности и переводе церковных книг. Все это, а также интерполяция в ЖК о том, что Константин философ *сзасжи писмена и начатъ вестѣдъ писати екиѣлскж...* и утвердило его в роли изобретателя славянской азбуки и переводчика евангелия-апракоса, тогда как запись о нем в календаре евангелия-апракоса, сделанная, несомненно, в Моравии до 885 г. и дошедшая до нас в списке Остр, все же, надо полагать неумышленно, ничего не сообщает об этом.

О том, к какому выводу можно прийти по вопросу об изобретении славянской азбуки и первоначальных переводов церковных книг, мы, проведя тщательный анализ сохранившихся данных, уже писали в других работах⁴⁵. Основной вывод, к которому мы пришли, сводится к следующему: славянская азбука создана в монастыре Полихрон под руководством Мефодия как игумена этого монастыря. Им же начат и перевод *еканѣлѣ кзскрѣсанаѣ*. К этому делу в 857 г. присоединился Константин философ, приехавший к брату в монастырь Полихрон после смерти его патрона логофета Феоктиста. Поэтому, мы думаем, что в главе ЖМ вполне справедливо сообщается: *псалтѣрѣ бо еѣ тѣкѣмо и еванѣлие сз апѣлѣма... сз философѣма прѣлосжилѣ парѣкѣтѣ*⁴⁶. А приведенная цитата уточняет сообщение главы VII ЖК о том, что, *приехав к брату Мефодию в Полихрон, Константин тамо живѣаше и матѣж творѣа без прѣстанѣк кз боу тѣкѣмо кнѣгами вестѣдоуѣ ноца оубо и дна кнѣж сз братома ексѣма кз сѣхъ супражѣаше сѣ...*⁴⁷.

Мы были бы заинтересованы в критическом обсуждении высказанных здесь и в других наших работах выводов, если они покажутся недостаточно убедительными или ошибочными.

СОКРАЩЕНИЯ

- Ас — J. K u r z. *Evangeliiř Assemanův. Kodeks Vatikanský 3. Slovanský, d. II. Praha, 1955*
 Арх — Архангельское евангелие. Изд. фотоцинографическое. М., 1942
 ЖК — Житие Константина
 ЖМ — Житие Мефодия
 Клоц — *Cl o z i a n u s. Staroslověnský hláholský sborník Tridenteský a Innsbrucký. Praha, 1959*
 Мар — И. В. Я г и ч. *Маринское четвероевангелие с примечаниями и приложениями. СПб., 1883*
 Остр — См. сноску 4
 Охр аи — С. М. К у л ь б а к и н. *Охридская рукопись апостола конца XII в. София, 1907*
 Сав — Саввина книга. Издание В. Щепкина СПб., 1903
 Син пс — Синайский псалтырь, глаголический памятник XI в. Изд. С. Северьянова. Пг., 1922
 Син тр — *Euchologium sinaiticum. По изданиям: J. F r ě e k. Patrologia orientalis, t. XXXIV, fasc. 5; t. XXXV, fasc. 3. Paris, 1933, 1939; R. N a h t i g a l. II del. Ljubliana, 1942*
 Супр — Супрасльская рукопись. Изд. С. Северьянова. СПб., 1904
 Шишат ап — *Apostolus e codice Sišatovac palaeoslovenice. Ed. F. Miklosich. Vindobonae, 1853*

⁴⁵ А. С. Л в о в. Някои въпроси..., стр. 297—319; А. С. Л в о в. Рецензия на книгу: К. М. Куев. Черноризец Храбр. «Советское славяноведение», 1969, № 6, стр. 101 и сл.; е го ж е: По поводу упоминания...; е го ж е: О пребывании Константина философа в монастыре Полихрон. «Советское славяноведение», 1971, № 5, стр. 80—86; см. также: А. Е. Т а х и а о с. Создание и деятельность литературного круга Константина-Кирилла до моравской миссии. «Константин-Кирил философ. Доклады от симпозиума, посветен на 1100 годишнината от смъртта му». София, 1971, стр. 285—293; К. М. К у е в. Малоазийската теория за езика на св. Кирилла и Мефодия. «Училищен преглед», год XXXIX. София, 1940, стр. 25—36.

⁴⁶ П. А. Л а в р о в. Там же, стр. 77; «Успенский сборник XII—XIII вв.». М., 1971, стр. 197.

⁴⁷ П. А. Л а в р о в. Там же, стр. 48; А. С. Л в о в. О пребывании Константина... (Цитата приведена в нормализованной старославянской записи).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

«Социалистическата външна политика на Народна Република България. 1944—1974». София, 1974, 253 стр.

«Социалистическая внешняя политика Народной Республики Болгарии. 1944—1974»

Историография социалистической Болгарии пополнилась новой интересной и ценной коллективной монографией болгарских ученых о теоретических основах и главных направлениях внешней политики страны. Как подчеркнул в предисловии к этой работе министр иностранных дел НРБ П. Младенов, внешнеполитическая линия, которой следует страна на протяжении трех десятилетий, «неразрывно связана с вековыми миролюбивыми, свободолобивыми и демократическими традициями болгарских трудящихся. Она обусловлена их коренными интересами и в то же время интересами социалистического содружества, международного коммунистического и национально-освободительного движения» (стр. 6).

Авторы монографии, анализируя 30-летний опыт деятельности НРБ на международной арене, отмечают, что внешняя политика страны строилась и строится на ленинских принципах и идеях, была и остается активной, реалистичной, гибкой, открытой и честной, «однотипной с советской внешней политикой».

Рассматривая внешнюю политику НРБ, основывающуюся на принципах социалистического интернационализма, авторы рассказывают о взаимном доверии и братском сотрудничестве на всех уровнях между социалистическими странами, братской взаимопомощи в защите социалистических завоеваний, в построении социализма и коммунизма; укреплении единства и согласовании действий стран социалистического содружества на основе марксизма-ленинизма; развитии и упрочении социалистической интеграции во всех сферах материальной, общественной и духовной жизни; сознательной и добровольной самодисциплины в защите интересов социалистического содружества как высшего завоевания мирового пролетариата в борьбе за революционное обновление мира; защите единства мирового революционного движения; активной поддержке средствами внешней политики революционного движения в мире (стр. 19—20).

В одном из основных разделов монографии «Дружба и сотрудничество с СССР — основа внешней политики Народной Республики Болгарии» отражены исторические корни дружбы между народами Советского Союза и Болгарии, отмечено, что «с решающей помощью Советской Армии-освободительницы многолетняя борьба болгарского народа увенчалась победой» (стр. 51). С 9 сентября 1944 г. «болгаро-советская дружба является одной из главных движущих сил нашего развития, — пишут авторы, — условием и гарантией будущего подъема социалистического отечества». В монографии подчеркнута роль СССР в укреплении «устоев новой рабоче-крестьянской власти в стране», в защите национальных интересов болгарского народа на первых международных конференциях после второй мировой войны, в восстановлении и развитии народного хозяйства. Заключение 18 марта 1948 г. союзного советско-болгарского договора обеспечило Болгарии «ценную помощь в социалистическом строительстве» (стр. 53). Союзный договор, подписанный в 1967 г., положил начало новому этапу в советско-болгарских отношениях. В этот период БКП «разработала курс на полное и всестороннее сближение с Советским Союзом» (стр. 56). «Своей единством и братским сотрудничеством с СССР, — отмечают авторы, — НРБ показывает пример истинного интернационализма, отношений нового типа, характерных для стран и партий, которые руководствуются марксизмом-ленинизмом и пролетарским интернационализмом».

Значительное внимание в монографии уделено характеру политических и экономических отношений НРБ с социалистическими странами. Авторы отмечают, что с возникновением мировой социалистической системы «развились и приобрели ясные очертания международные отношения нового, социалистического типа» (стр. 61), имеющие огромное значение для каждой страны, избравшей социалистический путь развития. «Опыт социалистического строительства в Бол-

гари, — приводят авторы слова Т. Живкова, — подтвердил бесспорное положение, что успешное строительство социализма в отдельной стране, особенно в отдельной сравнительно небольшой стране, возможно лишь при постоянном усилении ее связей, сотрудничества и взаимопомощи с другими социалистическими странами» (стр. 66—67). В политической области это сотрудничество означает координацию и согласование действий, «направленных на достижение общих целей и задач». Большой вклад в политическое сотрудничество стран социалистического содружества внесли двусторонние союзные договоры. «Варшавский договор от 14 мая 1955 г. положил начало более высокоорганизованному, многостороннему политическому сотрудничеству между социалистическими странами», — отмечают болгарские ученые (стр. 70—71).

В расширении и укреплении экономического сотрудничества с СССР и другими социалистическими странами особое место, как отмечают авторы монографии, занимает Совет Экономической Взаимопомощи, создание которого в 1949 г. знаменовало переход «к установлению многосторонних экономических отношений между социалистическими странами» (стр. 79). Анализ форм и динамики социалистических внешнеэкономических отношений Болгарии показал, что они создали благоприятные предпосылки «для интенсивного развития социалистической экономической интеграции» (стр. 85). «Интеграция НРБ с государствами — членами СЭВ является главной гарантией выполнения решений X съезда ВКП, создания в Болгарии развитого социалистического общества», — заключают авторы (стр. 87). Они высоко оценивают научно-техническое сотрудничество, сотрудничество в области искусства и культуры между социалистическими странами.

Значительное место во внешней политике НРБ занимают отношения с развитыми капиталистическими государствами. В монографии подчеркивается, что взаимоотношения с ними Болгария строит на основе ленинских принципов мирного сосуществования государств с различным общественным строем. В настоящее время Болгария достигла серьезных результатов в развитии политических, экономических и культурных отношений с рядом капиталистических стран Европы и Америки. В частности, в монографии приводятся интересные, зачастую впервые вводимые в научный оборот данные о торговле и научно-техническом обмене НРБ с ФРГ, Францией, Италией, США, Канадой и другими западными государствами. Болгарские ученые в своей ра-

боте указывают и пути, по которым в ближайшем будущем будут расти и укрепляться товарообмен и научно-техническое сотрудничество Болгарии с этими странами.

Верная своему интернациональному долгу, НРБ проводит политику всесторонней поддержки народов, борющихся за свободу и независимость. Болгария вносит свой вклад в борьбу народов развивающихся стран за экономическую независимость, участвуя в подготовке кадров для них, помогая в строительстве промышленных и других объектов.

В монографии нашли отражение еще три важнейшие международные проблемы современности, которые находятся в центре внимания внешней политики НРБ. Как балканская страна, Болгария уже долгие годы выступает инициатором установления отношений добрососедства и сотрудничества на Балканах. Как страна, расположенная в Европе, НРБ совместно с другими странами социалистического содружества вносит реальный вклад в создание системы безопасности и сотрудничества в этой части мира. Как государство, внешняя политика которого направлена на укрепление мира, Болгария последовательно выступает за полное запрещение ядерного оружия, за всеобщее и полное разоружение. НРБ совместно со странами социалистического содружества выдвинула предложение о ликвидации военных организаций в Европе, выступила одним из инициаторов создания безъядерных зон в мире, поддержала переговоры о сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе.

Специальный раздел монографии посвящен анализу и оценке деятельности НРБ в ООН. Болгарские представители принимают самое активное участие в многогранной деятельности этой организации, являясь авторами или соавторами ряда важных международных соглашений и документов. Позиция Болгарии способствует росту в ООН влияния демократических, антиимпериалистических сил, содействует реализации великих задач по поддержанию мира и организации сотрудничества между народами. Обобщающий характер монографии обусловил минимальное использование ее авторами фактического материала. И тем не менее, книга представляет несомненный интерес не только для историков-специалистов, но и для всех читателей, интересующихся международными отношениями и внешней политикой социалистических стран.

М. А. Муштяк

Д. Б. МЕЛЬЦЕР. Советско-болгарские отношения (1917 — 1935 гг.)
 Минск, 1975, 220 стр.

Книга Д. Б. Мельцера посвящена весьма важной и малоработанной теме, представляющей значительный научный и политический интерес. Автором создан оригинальный труд о советско-болгарских отношениях и связях, охватывающий почти 20-летний период — от первых контактов советских и болгарских представителей в Брест-Литовске в 1917—1918 гг. до установления дипломатических отношений между странами в 1934 г. В работе прослеживается внешнеполитическая линия Советского правительства в этот период, направленная на мирное сосуществование государств с различным общественно-политическим строем, в частности, политика сотрудничества и дружбы с болгарским народом.

Значительное место в монографии отведено исследованию позиции, которую занимали в отношении Страны Советов правительства, стоявшие у власти в Болгарии на протяжении рассматриваемого периода и отражавшие интересы различных кругов болгарской буржуазии.

Книга написана на солидной источниковедческой базе. Автор анализирует большой документальный материал, взятый из фондов советских и болгарских архивов, советской, болгарской и западноевропейской прессы и периодики, документальных и статистических сборников, парламентских отчетов и т. п. Широко использована мемуарная и научная литература.

Сочетание историко-хронологического и проблемно-тематического принципов изложения материала дает автору возможность полнее раскрыть содержание изучаемых процессов и явлений.

В первой главе рассматриваются отношения между Советской Россией и Болгарией в 1917—1923 гг. Автор рассказывает о пропаганде болгарскими тесняками лозунгов Великой Октябрьской социалистической революции и советских мирных предложений, широком движении болгарских трудящихся в их поддержку. Как свидетельствует приводимый в книге материал, к теснякам присоединились на первых порах и деятели БЗНС, а также ряда других буржуазных и мелкобуржуазных партий. Они видели в мирных предложениях Советского правительства выход из тяжелого положения, в котором оказалась Болгария по вине своих правителей.

Много внимания в этой главе уделяется вопросу о заключении Брестского мирного договора, об установлении дипломатических, экономических и других контактов между РСФСР и Болгарией.

Автор рассматривает роль Болгарии в антисоветских планах империалистических держав. Правящие круги стран

Антанты и болгарская буржуазия стремились также использовать в антисоветских целях безавшие в Болгарию формирования белогвардейских войск барона Врангеля. В работе показаны провал этих планов и ликвидация врангелевского заговора. Оккупационный режим не смог приостановить развитие политического кризиса в стране. На его фоне ярко раскрывается борьба трудящихся масс в 1918—1920 гг. против происков реакции и в защиту Советской России.

Значительное внимание автор уделяет массовому движению солидарности с первым в мире рабоче-крестьянским государством в период деятельности мелкобуржуазного правительства А. Стамболийского. Учитывая настроения масс, правительство Стамболийского выступило против втягивания Болгарии в антисоветскую интервенцию. В книге ярко показаны кампания помощи голодающим Поволжья, организованная БКП, шаги правительства Земледельческого союза к нормализации отношений с Советской Россией.

С интересом читаются страницы, посвященные контактам представителей Советской России и Болгарии на Генуэзской конференции 1922 г., роли делегации Советской России в защите национальных интересов Болгарии. Деловые контакты делегаций обеих стран были продолжены на Лозаннской конференции 1922—1923 гг. В книге освещается работа Союза возвращения на родину и Российской миссии Красного Креста среди находившихся в Болгарии русских военнопленных и врангелевцев, советско-болгарские экономические и культурные контакты в этот период.

Вторая глава посвящена широкому кругу вопросов, связанных с антисоветской политикой фашистской Болгарии в 1923—1931 гг. После фашистского переворота 1923 г. болгарская реакция попыталась политически и духовно оторвать болгарский народ от Советской страны; ей удалось задержать процесс установления дипломатических отношений с Советским Союзом более, чем на десять лет. Как показано в монографии, откровенный антисоветизм, ставший основой внешнеполитического курса правительства А. Цанкова, встретил полное одобрение империалистических кругов западных держав. Советско-болгарское экономическое и политическое сотрудничество, наметившееся при правительстве Стамболийского, было фактически сведено на-нет. Автор останавливается на предпринимавшихся в начале 1925 г. попытках создать антисоветский блок на Балканах, которые закончились крахом из-за невозможности преодолеть раз-

погласия между правящими кругами Болгарии и ее соседей — Румынии и Югославии. Характеризуется также антисоветская политика правительства А. Ляпчева, сменившего в январе 1926 г. правительство Цанкова.

Третья глава посвящена советско-болгарским отношениям в период правления кабинета так называемого Народного блока (1931—1934 гг.). В эти годы Болгария оставалась в числе немногих европейских стран, упорно продолжавших следовать антисоветскому внешнеполитическому курсу. Как показано в работе, с образованием Балканской Антанты внешнеполитическая изоляция Болгарии усилилась. Однако болгарское правительство продолжало притрачиваться к враждебной позиции в отношении СССР. Это вызывало рост недовольства в стране. Широкое движение народных масс, а также давление деловых кругов, заинтересованных в нормализации отношений с Советским Союзом и расширении торговых связей с ним, заставили правительство Болгарии пойти на установление некоторых контактов, хотя оно по-прежнему уклонялось от принятия советских предложений об установлении дипломатических отношений.

Особо следует отметить заслуги автора в исследовании вопроса о новом этапе во взаимоотношениях между Болгарией и Советским Союзом, наступившем с приходом к власти в Болгарии правительства К. Георгиева в мае 1934 г. Под воздействием все более возраставшего международного авторитета Советского Союза

и под натиском болгарского народа, испытывавшего глубокие чувства дружбы к первому в мире социалистическому государству, правительство К. Георгиева пошло на установление дипломатических отношений между двумя странами. Этот вопрос разработан Д. Б. Мельцером весьма тщательно, с привлечением интересного фактического материала. Автор подчеркивает, что установление дипломатических отношений с Советским Союзом стало важным историческим событием в жизни болгарского народа, открывшим благоприятные перспективы для развития более широких политических, экономических и культурных связей между двумя государствами.

Работа Д. Б. Мельцера представляет значительный интерес для советского читателя. Она раскрывает принципиальную политику Советского социалистического государства, последовательно проводившего курс на развитие равноправных и взаимовыгодных отношений между двумя странами; этот курс, в частности, имел важное значение для сохранения национальной независимости Болгарии и мира на Балканах. Вместе с тем книга помогает понять классовые корни той напряженной борьбы по вопросу о болгаро-советских отношениях, которая развертывалась на протяжении всего исследуемого периода в самой Болгарии. Таким образом, она вносит существенный вклад в разработку важной научной проблемы.

Л. Б. Валев

Р. Я. ЕВЗЕРОВ, И. С. ЯЖБОРОВСКАЯ. Роза Люксембург. Биографический очерк. «Мысль», 1974

Появление книги Р. Я. Евзерова и И. С. Яжборовской представляется важным событием не только для исторической науки.

Ожесточенная идеологическая борьба, которая более полувека ведется вокруг имени великой революционерки, попытки буржуазных «исследователей» фальсифицировать ее творческое наследие, противопоставить «люксембургянство» ленинизму выдвигают перед марксистами — историками, философами, экономистами — задачу разоблачения лживых легенд, задачу подлинного научного анализа жизненного и творческого пути Р. Люксембург, пламенного борца за дело пролетарской революции.

Книга Р. Я. Евзерова и И. С. Яжборовской — первая в советской исторической литературе научная биография Р. Люксембург — оказалась на переднем крае идеологической борьбы. Авторы подчеркивают связь своей книги с успехами советских исследователей и ученых социалистических стран, разработавших в последние годы ряд важных проблем по

истории международного рабочего движения. Книга опирается на эту разработку, на фактический материал, содержащийся в публикациях и исследованиях, появившихся как в 20—30-е годы, так и в послевоенный период. Несмотря на популярный характер и сравнительно небольшой объем, в ней приведены новые архивные данные, широко использована пресса и публицистика.

Однако главная заслуга авторов в том, что им удалось обобщить и представить читателю полнокровный и многогранный образ выдающегося деятеля революционного движения, проследить весь путь жизни и борьбы Р. Люксембург.

Основные этапы этого пути обусловили структуру и композицию книги. Первые главы посвящены детству и юности Р. Люксембург, годам формирования ее взглядов и вступления на арену активной борьбы. Этот наименее известный период жизни великой революционерки представлен в книге достаточно подробно и полно, что помогает читателю лучше понять процесс складывания

вания мировоззрения Р. Люксембург. В последующих главах показано дальнейшее развитие этого процесса. Освещена роль Р. Люксембург в создании польской социал-демократии, в разработке и осуществлении курса СДКПиЛ на совместную с РСДРП борьбу против царизма в годы приливов и отливов революционной волны, в оформлении левого крыла СДПГ и проведении им неуклонной борьбы против реформизма и центризма, завершившейся образованием Коммунистической партии Германии.

Последовательный показ различных этапов жизненного пути Р. Люксембург, позволяющий увидеть ее образ в развитии, является одной из наиболее сильных сторон книги. При этом эволюцию своей героини авторы ставят в тесную связь с изменением исторической обстановки, показывают факторы, влиявшие на формирование взглядов и позиции выдающейся революционерки.

Важнейшим фактором было само развитие международного рабочего движения, в первую очередь, борьба польского, русского, немецкого пролетариата. В книге показаны как воздействие этого фактора на Р. Люксембург, так и вклад, внесенный ею в развитие рабочего движения Польши, России и Германии, в разработку теории пролетарской борьбы в целом.

Для историка-слависта особый интерес представляет польский аспект жизни и деятельности Р. Люксембург. На страницах книги Р. Люксембург предстает как выдающийся деятель, теоретик и руководитель борьбы польских рабочих, связанный с социал-демократическим движением на всех польских землях, как один из руководителей СДКПиЛ на протяжении всех лет существования этой партии польского пролетариата.

Авторы показывают, что тесная связь с польским рабочим движением, влияние его специфики обусловили в ряде случаев ошибочную позицию Р. Люксембург по некоторым вопросам (в частности, по национальному, крестьянскому, организационно-тактическим вопросам).

Достоинством книги является то, что Р. Я. Евзеров и И. С. Яжборовская не замалчивают ошибок выдающейся революционерки, а анализируют их, стремятся проследить их истоки, найти причину их возникновения. Тем самым выступление авторов против ревизионистских попыток конфронтации взглядов В. И. Ленина и Р. Люксембург приобретает конкретный характер, полемика становится аргументированной. Связывая ошибки и заблуждения Р. Люксембург с окружающей ее обстановкой, с определенными историческими условиями, авторы подчеркивают переходящий характер этих заблуждений. В книге убедительно показано, как под влиянием изменения обстановки и развития революционной борьбы

Р. Люксембург преодолевала ошибочные взгляды, все ближе подходя к ленинизму.

Книга убеждает читателя, что в главном Р. Люксембург никогда не расходилась с В. И. Лениным. Красной нитью проходит мысль о неизменной верности ее пролетарскому интернационализму, непримиримости к национализму и шовинизму, ненависти к национальной узости и ограниченности. Вместе с тем авторы подчеркивают, что Р. Люксембург был чужд космополитизму или национальный нигилизм, что всю свою жизнь она выступала как борец за интересы тудящихся, в том числе за их национальные интересы, против национального угнетения.

Со страниц книги встает образ «Красной Розы» — пламенной революционерки, яростного противника реформизма, принципиально отвергавшей всяческие компромиссы. Р. Люксембург предстает как активный борец, сторонник творческого марксизма, враг догматизма и косности.

Авторы стремились раскрыть огромную творческую одаренность своей героини, отобразить ее разностороннюю деятельность. Они показали ее как теоретика, ученого-экономиста, историка, литературоведа, как блестящего журналиста-публициста, пламенного оратора, педагога, талантливого организатора, политика и стратега.

Р. Люксембург представлена человеком глубокой мысли и чувства, огромной энергии и страсти. Показана широта ее интересов, высокий уровень культуры и эрудиция. Авторам удалось отобразить ее удивительный внутренний мир, показать, как тонко она чувствовала природу, искусство, красоту жизни во всех ее проявлениях. Они нарисовали образ гармоничной личности, прекрасного человека, причем человека живого, а не иконы.

В результате у читателя появляется желание еще больше узнать о жизни Р. Люксембург, лучше изучить ее наследие. Авторы по необходимости вынуждены были ограничить свое исследование рамками сравнительно краткого биографического очерка; не все периоды жизни и деятельности революционерки даны в равной мере подробно. Но большая ценность книги в том, что она будит мысль, намечает новые рубежи, ставит перед исследователями истории международного рабочего движения дальнейшие задачи.

Среди важнейших задач — глубокий и детальный анализ деятельности Р. Люксембург в Польше, России и Германии на всех этапах рабочего движения, создание новых, посвященных ей монографий.

С. М. Фалькович

АКТУАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ О БОЛГАРСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Исследование интеллигенции как социальной группы со всем кругом вопросов, относящихся к этой проблеме, приобретает важное значение особенно в эпоху, когда интеллигенция выступает как одна из главных движущих сил научно-технического прогресса, все более усложняющего ее функции в общественном организме в целом.

Отсюда понятно то пристальное внимание, которое привлекают отечественные и зарубежные работы на эту тему. В 1974 г. в Болгарии была опубликована монография болгарского социолога Крстю Димитрова «Болгарская интеллигенция при капитализме»¹, которая, несмотря на обращение к прошлому, имеет непосредственное отношение к изучению современной болгарской интеллигенции.

В болгарской марксистской литературе все еще отсутствуют обстоятельные социологические работы о болгарской интеллигенции периода капитализма. Книга К. Димитрова в этом смысле — первое издание такого рода.

К. Димитров, автор многих серьезных исследований по проблемам социально-классовой структуры современного болгарского общества, наряду с задачей собственно социологического анализа обращается к социальной структуре капиталистической Болгарии отчасти еще и с целью проследить истоки того сложного комплекса черт, которые составляют духовный облик современной болгарской интеллигенции.

Это позволило автору решать проблему в двух аспектах. Опираясь на значительный фактический материал, К. Димитров проводит социологический анализ болгарской интеллигенции периода капитализма прежде всего с точки зрения ее профессиональной, региональной и классовой структур. Этому посвящена первая часть книги. Сложная и противоречивая социальная природа болгарской интеллигенции этого времени выясняется в контексте ее многосторонних контактов со всем общественным организмом, со спецификой политической, идеологической и культурной структуры буржуазной Болгарии. Идеологический и духовный «портрет» интеллигенции предстает соответственно во второй и третьей частях книги.

Существенным является то, что К. Димитров излагает в вводной части свою точку зрения на существующий социологический понятийный аппарат, охватывающий понятия социологической и социально-классовой структуры общества, понятие интеллигенции, вводит свои оп-

ределения указанных понятий, обосновывая тем самым философско-методологический характер своего исследования.

Так, в определении интеллигенции как «высококвалифицированной межклассовой (граничащей с отдельными классами), но относительно самостоятельной социальной группы, которая с позиций этих (определенных, данных) классовых интересов создает и социализирует (распространяет и внедряет) духовные предпосылки, необходимые для существования, функционирования и развития всего общества» (стр. 29—30), автор исходит из двух наиболее существенных признаков — наличия в системе всего общественного организма основных функций интеллигенции, которые пронизаны классовым содержанием и обуславливают ее зависимость от классов, и связанного с этими функциями творческого характера умственного труда интеллигенции, требующего, в отличие от стереотипного труда служащего, сравнительно высокого образования и квалификации.

Вместе с тем критике подвергаются как определения, в которых интеллигенция рассматривается в качестве самостоятельной надклассовой группы, так и определения, где она всецело отождествляется с классами.

Основная концепция в книге — объяснение характерного только для Болгарии феномена перехода большинства интеллигенции накануне социалистической революции на сторону прогрессивных общественно-политических сил, возглавляемых Коммунистической партией. Специфика этого явления раскрывается в результате анализа, проводимого в обоих аспектах.

Так, закономерные особенности классово-экономической, профессиональной и региональной структур болгарской интеллигенции обуславливаются в исследовании рядом специфических черт социологической структуры буржуазной Болгарии — сильной экономической зависимостью страны от иностранного капитала, отсталой, односторонне развивавшейся экономикой, устаревшими производственными отношениями, острыми классовыми противоречиями, резко разбухшей официально-политической структурой и т. п.

В связи с этим К. Димитров высказывает определенные соображения о социальном источнике пополнения интеллигенции. Вследствие неразвитости капиталистических отношений и соответствующей им социально-классовой структуры общества болгарская интеллигенция «вербовалась» главным образом из мелкобуржуазных слоев. Это оказывало большое влияние на социальную ориентацию интеллигенции, создавало реальную воз-

¹ К. Димитров. Болгарската интеллигенция при капитализма. София, 1974.

можность для значительной ее части быть привлеченной на сторону народа.

Мировоззрение и идеологию основных социально-психологических типов болгарской интеллигенции К. Димитров рассматривает в соответствии со спецификой ее социального положения. В качестве наиболее характерных черт автор отмечает высокую социальную активность интеллигенции, сравнительно незначительное ее число в среде реакционных, а также политически нейтральных слоев, преимущественно стихийно-материалистический и диалектико-материалистический характер ее мировоззрения. Достаточно убедительно анализирует автор и факторы, формировавшие мировоззрение, психический склад и духовный облик болгарской интеллигенции. «Как часть социальной природы интеллигенции, — пишет он, — ее надстроечная природа формируется под воздействием не только материальных общественных отношений, но целой совокупности общественных отношений (включая и надстроечные), посредством точно определенного социального механизма» (стр. 195). Димитров приводит оригинальную схему действия этого механизма, состоящего из «определяющих», «непосредственно решающих» и «опосредованно решающих» факторов, оказывающих как прямое, так и косвенное влияние на формирование мировоззрения, идеологии и психологии интеллигенции. Среди «опосредованно решающих факторов», относящихся к области духовной культуры, автор выделяет: соотношение между основными идеологическими направлениями («элементами») национальной культуры; степень институционализации национальной культуры; характер и силу идеологического влияния других национальных культур и др. Автор отмечает, что в отличие от типичного для буржуазного общества соотношения «двух культур» в Болгарии позиции народно-демократической и пролетарско-социалистической культур, равно как и возможности их оценочно-нормативных ценностей, шире позиций и возможностей буржуазной культуры. Здесь Димитров справедливо говорит о бесплодности буржуазной художественной культуры Болгарии. Ее все возрастающая реакционность привела к тому, что в 30-е годы настоящего столетия уже нельзя назвать ни одного сколько-нибудь высокого в художественном смысле произведения болгарского буржуазного писателя, художника или музыканта.

Позиции народно-демократического и реакционно-буржуазного направлений играли неравнозначную роль в формировании особенностей мировоззрения и идеологии интеллигенции. Опираясь на ряд существенных доказательств, автор приходит к заключению, что по своему характеру (соотношению двух основных направлений, их содержанию, активности форм проявления и т. д.), а также национальной форме институционализации болгарская духовная культура эпохи капитализма «работает» преимущественно на формирование прогрессивного сознания у интеллигенции. Так, основная масса болгарской художественной интеллигенции к 30-м годам — представители буржуазно-демократического и социалистического направления в искусстве.

Определяя интеллигенцию как субъект, чья роль в существовании, функционировании и развитии культуры является решающей, автор прослеживает и обратный процесс: как путем наследования революционно-демократических возрожденческих традиций и восприятия революционного духа русской и советской культур лучшие представители творческой интеллигенции капиталистической Болгарии подчеркнуто прогрессивным характером своего творчества способствовали интенсивному развитию национальной культуры, а своей непримиримостью к буржуазной идеологии поддерживали творческую и критическую атмосферу в различных ее областях.

В этом процессе автор отмечает решающее влияние таких факторов, как зрелость и сила Болгарской коммунистической партии, воздействие советской идеологии и культуры и др.

Социалистическая интеллигенция Болгарии имеет качественно новую природу и структуру, обусловленную новым характером общественных отношений и социологической структурой страны, но в силу исторической преемственности в области духовной культуры нельзя игнорировать механизма отражения «старой» культуры в ряде специфических закономерностей культуры социалистического общества. В этом смысле выводы, к которым приходит автор в результате своего исследования, являются важной предпосылкой как социологического, так и историко-культурного исследования современной болгарской интеллигенции.

О. А. Северная

«*Studia polono-slavica-orientalia*». *Acta litteraria I*. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1974, 335 г.

«Польско-восточнославянские исследования»

В последнее время, вследствие общего оживления сравнительного литературоведения во всех европеейских социалистических странах и роста польской славистики, исследования связей польской литературы с зарубежными заметно стали перемещаться на польско-славянские, в особенности на польско-русские взаимоотношения. Так, в прошлом году, не считая многочисленных статей в журнале «Славия Ориенталис» и других славистических изданиях, вышли две книги, изданные Институтом славяноведения Польской академии наук: первый выпуск «*Studia polono-slavica-orientalia*» и «Из истории польско-украинских литературных отношений» (1974).

Здесь мы остановимся лишь на первом из названных трудов. Он подготовлен сектором восточнославянских литератур Института славяноведения ПАН совместно с группой польско-восточнославянских литературных отношений из Института русистики Варшавского университета и сотрудниками Института славянской филологии Вроцлавского университета. Кроме того, в нем приняла авторское участие адъюнкт Люблинского университета Марии Кюри-Скłodовской и два педагога. Таким образом, в книге объединены разрозненные силы польской славистики. Правда, объединение это носит пока внешний характер, отмеченный обычной для таких сборников тематической пестротой. Этот выпуск, по замыслу его инициаторов, должен стать первым, пробным шагом в развитии сравнительного изучения истории польской литературы, ее места во всеобщей литературе и ее взаимоотношений с другими, в данном случае восточнославянскими, литературами. Связи с последними, несмотря на их существенное значение для польской культуры, в прежней Польше изучались sporadически, часто необъективно, поэтому в настоящее время отношения польской литературы с восточнославянскими и приобрели характер чрезвычайно актуальной проблематики, от разработки которой можно ждать больших научных результатов. Их всестороннее и полное освещение — та общая цель, к которой стремятся советское и польское литературоведение и достижение которой потребует, очевидно, долгого и многотрудного восхождения от издания отдельных сборников, так сказать, случайного состава ко все более выдержанным, систематизированным и обобщающим трудам. Рецензируемая книга и представляет собой одну из первых попыток реализации программы исследований, предлага-

шейся, кстати, на заседаниях XVII секции II Конгресса польской науки.

Сборник открывается краткой информацией «От редакции» и большой статьей его главного редактора Базыли Бялокозовича «Польско-восточнославянские литературные отношения как предмет исследований». На основе общего обзора достижений польского сравнительного литературоведения Б. Бялокозович намечает основные задачи и аспекты дальнейшего изучения связей польской литературы с русской, украинской и белорусской. Его статья в известном смысле имеет программное значение и определяет лицо всего издания.

Б. Бялокозович учитывает состояние зарубежного сравнительного литературоведения. Едва ли ни главной причиной кризиса западной компаративистики (отчасти отразившегося на ее состоянии и в Польше) ученый считает недавнее засилье в литературной науке структурализма, этого «царства без истории». Самым выдающимся достижением славистов социалистической Польши он признает то, что они «опровергли много ходячих и ложных суждений о якобы непреодолимых антиномиях между польской и русской культурой» (стр. 10). Но если польско-русские литературные связи давно уже стали объектом пристального внимания польских ученых, то заметное проявление интереса с их стороны к украинской и белорусской литературам отмечается, по словам исследователя, лишь с 70-х годов. Б. Бялокозович отмечает заслуги отдельных выдающихся славистов (М. Якубца, Р. Лужного и др.), содействовавших преодолению инертности в деле сравнительного изучения польской литературы в ее отношениях с русской, украинской и белорусской. С другой стороны, он освещает и встречные усилия советских полонистов, приводит обширную библиографию. Автор привлекает во внимание и исследования славистов других стран: так, он полемизирует с хорватским ученым А. Флакером (стр. 12), солидаризируется со словацким литературоведом Д. Дюришиным. По убеждению автора, наибольшими возможностями для создания в будущем обобщающего труда располагают на сегодняшний день специалисты по польско-русским литературным связям.

Следующие две статьи касаются преимущественно исторической проблематики. Так, работа известного польского русиста Ф. Селицкого «Польско-русские контакты в свете источников XIII в.» построена на сравнительном анализе Га-

лицко-Волынской летописи и Великопольской хроники и своими конкретными наблюдениями и заключением, гласящим, что XIII век в истории польско-русских отношений «был веком взаимного уважения и толерантности» (стр. 77), представляет, пожалуй, больший интерес для историка-медиевиста, чем для литературоведа. То же самое надо сказать и о работе Э. Горанина «Польские исследования Киевской летописи (1160—1199) в 1900—1970 гг.». Значительно теснее связана с литературоведческой проблематикой статья А. Дворского «Полоника в русских изданиях Фердинанда Орля-Ошменца в 1816—1818 гг.», представляющая собой пример параллельной разработки одной темы, обоюдно интересной и потому требующей двустороннего освещения¹.

Три работы посвящены Сырокомле. Самая значительная из них — это, несомненно, «Владислав Сырокомля и русская литература» Я. Орловского. Автор делает попытку объяснить популярность польского поэта в России и разобраться в его отношениях с П. В. Кукольником, цензуровавшим его произведения, и с другими русскими деятелями. Но основное достоинство этой статьи заключается в исследовательском выводе о демократизации поэзии Сырокомли, сопутствовавшей утверждению реализма в европейской лирике того времени и ярко проявившейся у Некрасова. (Кстати, Я. Орловский — автор монографии «Некрасов в Польше», 1972.)

Статья В. Монаха «Белорусский фольклор в лирике Владислава Сырокомли» носит более частный характер, и к тому же на эту тему трудно сказать что-либо новое. Автор предлагает свою интерпретацию творчества Сырокомли, отличную от точки зрения автора предыдущего исследования. Если Я. Орловский усматривал в народной стилизации Сырокомли реалистическую тенденцию, то В. Монах, напротив, видит в обращении поэта к фольклору доказательство его верности традициям романтизма. Читателю предоставляется решать самому, в какой мере совместимы эти два разноречивых толкования и кто из исследователей ближе к истине.

Содержание статьи В. Вильчинского довольно точно отражено в ее заглавии: «„Почтальон“ Владислава Сырокомли в восточнославянских переводах». Если не ошибаемся, это пока единственная попытка сопоставительного анализа всех более или менее значительных поэтических переводов знаменитого стихотворения Сырокомли на русский, украинский и белорусский языки.

¹ Ср. В. А. Громов. Русско-польские журналы «Друг россияни» и «Отечественный памятник (1816—1818)». В кн. Славянские страны и русская литература. Л., 1973, стр. 5—32.

Здесь уместно отметить, что участники сборника, опираясь на советскую славистику, подвергают ее выводы тщательной проверке и в некоторых случаях вносят существенные коррективы. Так, Я. Орловский оспаривает состоятельность положений С. С. Советова и Н. И. Кравцова о влиянии Некрасова на творчество Сырокомли 40-х годов (стр. 148—149), В. Вильчинский полемизирует с А. А. Илюшиным по поводу вероятности знакомства создателя «Почтальона» с поэмой Рылеева «Войнаровский» (стр. 177) и т. д. Если принять во внимание, что при изучении литературных связей допущения служат едва ли не самой распространенной формой построений, которые затем нередко начинают приниматься за нечто твердо установленное, то отмеченную «придирчивость» наших польских коллег нельзя не приветствовать — в ней залог приближения к истине.

Статья «Судьба женщины в творчестве Льва Толстого и Жеромского» Э. Базели любопытна тем, что здесь на фоне сопоставления философских воззрений двух писателей раскрывается то особое значение, какое придавали они изображению женских образов. Т. Шипков, известный своей монографией «Салтыков-Щедрин в польской литературе 1872—1914 годов» (1965), в рецензируемый сборник представил небольшой этюд «Польский „праведник“ Николая Лескова», посвященный образу доктора-поляка Черешневского из рассказа «Бессребренник».

Статья Э. Вишневецкой «Василий Стефаник и Станислав Пшибышевский» подкупает увлеченностью, с какой исследовательница трактует тему. Но, к сожалению, из-за недостаточной теоретической оснащенности полемика автора с ее украинскими коллегами не представляется убедительной. На наш взгляд, главный просчет исследовательницы, известной своей книгой «Писательское мастерство Михаила Коцюбинского» (1973), заключается в недооценке того, что люди могут иногда находиться даже в самых приятельских отношениях и в то же время существенно расходиться по своим идейно-общественным стремлениям, которые для истории важнее и которые поэтому нельзя «подменять» мотивами личной дружбы. Но справедлива мысль автора о необходимости взглянуть без предубеждения на возможность более широкой зависимости украинского писателя от польского, чем это обычно указывалось.

Приятное впечатление оставляют три дебюта, а именно статьи: «„Сон“ Шевченки и мицкевичевское и пушкинское видение Петербурга» В. Починайлы, «„Двенадцать лет в стране якутов“ В. Серошевского — польская и русская версии» И. Ауляк и «Драмы Леониды Андреева в польских литературных отзывах 1904—1914 гг.» А. Левандовской. Статьи И. Ауляк и А. Левандовской отличаются

тематической новизной, а работа В. Поцинайлы посвящена уже основательно разработанному в украинской, и польской, и русской литературной науке сюжету. Но начинающему исследователю надо отдать должное в отличном знании материала и в объективно-критическом отношении к различным интересующим его концепциям. Именно это позволило ему, используя возможности сравнительного изучения, заострить внимание на том общем и особенном, что роднит и отличает «Сон» Шевченки, «Отрывок» III части «Дзядов» Мицкевича и «Медный всадник» Пушкина.

«Польская, русская и украинская литература на страницах „Нашей Нивы“» — так называется работа В. Стохеля, молодого слависта, уже выступавшего в печати на тему польско-белорусских и польско-украинских связей. Его очередная статья представляет собой добросовестную информацию о белорусской еженедельной газете, уделявшей исключительное внимание соседним славянским литературам и на первых порах даже печатавшейся «польскими и русскими литераторами».

Рецензируемую книгу замыкает статья А. Кмиты «Произведения Максима Горького для детей и о детях в народной Польше». Автор выбрал для себя тему не из легких, и тем ограднее констатировать, что он сумел извлечь из нее достаточно поучительные выводы, касающиеся ка-

чества перевода с одного языка на другой. Трудно не согласиться с А. Кмитой в том, что плохой перевод порочит не столько репутацию самого переводчика, сколько переводимого писателя, и что поэтому взыскательная критика неудачных, а тем более небрежных переводов — дело особой важности, от которого в известной мере зависит развитие культурных взаимоотношений.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что книга оформлена добротно и со вкусом, хотя и не лишена досадных опечаток. Причем, если раздельное написание «и так» или пропуск местоимения «он» в пушкинских стихах (стр. 130) относятся, так сказать, к банальнейшим типографским погрешностям, то «авторизованный перевод с русского» горьковской «Туннели», датированный 1947 годом (стр. 297), — это нечто сенсационное. Это, впрочем, не портит общего впечатления. Сборник радует обилием новых имен, разнообразием исследовательских интересов и богатством наблюдений в области, которую никак не назовешь благодарной, которая требует от посвятивших себя ей огромных затрат энергии на поиски различных «мелочей», часто себя не окупающих, требует неиссякаемого терпения и постоянной готовности к коллективным усилиям.

И. К. Горский

ЧЕШСКИЕ ПЕРЕВОДЫ НЕКРАСОВА

Издательство «Чехословацкий писатель» выпустило новую книгу чешских переводов Н. А. Некрасова «Горькая муза», предназначенную для членов «Клуба друзей русской поэзии»¹. Помимо стихотворений русского поэта в переводах Зденки Бергровой, сборник содержит вступительную статью-эссе Йозефа Стриадела и написанную им же краткую летопись жизни и деятельности Некрасова. Издание хорошо иллюстрировано, содержит отзывы о Некрасове ряда выдающихся представителей не только русской, но и чешской культуры. К числу последних принадлежат Йозеф Фрич, Ярослав Врхлицкий, Элишка Красногорская.

Для литературоведов, занимающихся чешско-русскими связями, особый интерес представляет принадлежащий Йозефу Стриаделу обзор истории переводов произведений Некрасова и его изданий в Чехии, озаглавленный «Н. А. Некрасов у нас». Первым переводом из Некрасова, с которым познакомились чешские чи-

татели в 1852 г., был рассказ «Новоизобретенная привилегированная краска братьев Дирлинг и К^о» (газета «Пражские новины»), опубликованный в 1850 г. в апрельском номере «Современника», который приходил в Прагу. Стихотворения Некрасова на чешский язык впервые перевел Ганка. Это были образцы творчества поэта, входившие в «Письма о русской поэзии» Пыпина, опубликованные в «Журнале Чешского музея» (1858—1859).

Далее 13 стихотворений (в том числе «Поэт и гражданин», «Еду ли ночью по улице темной...», «Муза» и др.) перевел и опубликовал в «Журнале Чешского музея» в 1860 г., сопроводив их специальной статьей, Йозеф Коларж. Через три года в журнале «Родина хроника» (1863) поместил свои переводы стихов Некрасова Эмануил Вавра, которому также принадлежит и одна из ранних чешских статей о Некрасове (ж. «Кветы», 1867). В те же 60-е годы в журналах «Люмир» и «Кветы» появляются многочисленные переводы из поэзии Некрасова Алоиса Дурдика. Первую книгу переводов, озаглавленную «Стихотворения Некрасова»,

¹ N. A. Nekrasov. *Hořká múza*. Praha, 1974.

подготовил и издал в 1876 г. Гинек Ярослав Мейснар.

В последующие годы в переводах Некрасова, рецензировании его изданий, изучении и популяризации творчества русского поэта принимали участие такие видные представители чешской литературы, как Неруда, Фрич, Врхлицкий, Сладек. В 1877 г. Фрич писал: из песен Некрасова «на головы эгоистов и угнетателей сыплются горячие искры». В обзоре сказано о соприкосновении с поэзией Некрасова и других чешских писателей — Галека, Сташека, Арбеса, Красногорской, Гейдука. Последний, например, избрал эпиграфом своей известной книги стихов «Цимбалы и скрипки» строки из стихотворения Некрасова «Поэт и гражданин».

Говоря о переводах Некрасова в XX в., Йозеф Стрнадел отмечает, что за время

существования первой республики не вышло ни одной книги чешских переводов произведений Некрасова. После 1945 г. их было опубликовано в Чехии пять, а вместе с изданием 1974 г. — шесть. Немало сделано за последние годы и в изучении творчества Некрасова (работы Иржи Горака, Юлиуса Доланского, Евы Германовой и др.).

Краткий обзор истории переводов и изучения творчества Некрасова в Чехии представляется ценным и полезным слагаемым нового издания произведений русского поэта. К нему с признательностью обратятся те, кто продолжит разработку этой темы в дальнейшем.

В целом новая книга переводов Некрасова — хороший подарок чешским читателям.

Л. К.

Е. П. ЛЬВОВА. Изобразительное искусство Болгарии эпохи национального Возрождения. М., «Наука», 1975, 208 стр.

За последние годы советская славистика заметно расширила и углубила свою проблематику, перейдя к постановке и решению ряда крупных историко-теоретических проблем: успешно ведется коллективное исследование обширного комплекса вопросов истории славянских народов периода перехода от феодализма к капитализму, формирования славянских культур периода складывания наций. Все большее внимание уделяется изучению истории славянских культур в тесной связи с историей культур других народов Центральной и Юго-Восточной Европы в период перехода от феодализма к капитализму, поскольку историко-культурные и иные закономерности, вскрываемые на этом материале, имеют не локальное, но более широкое значение. Сказанное прежде всего относится к так называемой эпохе национального Возрождения, которая может рассматриваться как определенный социокультурный феномен, имеющий типологические аналогии в других регионах. В этом отношении любопытны сравнительно-исторические материалы, отражающие процессы формирования нации и соответствующей им национальной культуры у ранее угнетенных народов Ближнего Востока, Африки и некоторых других регионов. Таков контекст, составной частью которого следует рассматривать монографию Е. П. Львовой, где подробно анализируется развитие болгарского изобразительного искусства периода с конца XVIII до 70-х годов XIX в., именуемого в истории Болгарии эпохой национального Возрождения.

В кратком авторском вступлении Е. П. Львова отмечает главную особен-

ность изучаемого периода — создание всего за одно столетие художественной культуры нового времени. «Это явление, — подчеркивает автор, — можно считать уникальным в истории европейской культуры. Почти пять столетий турецкие завоеватели проводили политику истребления болгарской культуры — древней литературы, архитектуры и искусства, но, оказав сильнейшее духовное сопротивление, болгарский народ выстоял в неравной борьбе. Опираясь на великие традиции эпохи самостоятельного болгарского государства, впитав все лучшее, что могли дать болгарской культуре другие европейские народы, болгарские просветители и революционеры, поэты и художники, учителя и писатели, народные мастера и строители создали произведения, достойные своей бурной и героической эпохи, ставшей переломной в истории Болгарии» (стр. 5). Действительно, достаточно хотя бы в общих чертах сопоставить друг с другом начальный и конечный рубежи изучаемого периода, чтобы согласиться с исходной мыслью автора.

...XVIII век. Болгарский народ томился под игом Османской империи. В сфере духовной жизни господствовало греческое духовенство, не только не интересовавшееся языком и обычаями болгар, но и презиравшее их. Европейское Просвещение почти не затронуло болгарской культуры, по-прежнему представленной в основном рукописной книгой древней традиции, иконописью, стиснутой церковными канонами. Но постепенно зрели подспудные силы, предвещавшие неуклонные перемены в социальной и экономической структуре. Набатным колоколом прозвучал среди болгар призыв Паисия

Хилендарского к борьбе за национальное освобождение и создание национальной культуры. Спустя столетие картина болгарской культуры разительно меняется. Благодаря напряженной деятельности лучших представителей передовой национальной интеллигенции как бы совершенно заново возникает богатая художественная культура. Появляются новые виды и жанры искусства, прежде неизвестные в истории болгарской культуры — станковый портрет, гравюра, историческая живопись, пейзаж, литография и др., связанные в первую очередь с именами таких мастеров национальной школы, как С. Доспевский, Х. Цокев, Н. Павлович, Г. Данчов. И характерная черта — все сколько-нибудь значительные деятели болгарского искусства принимают непосредственное участие в народно-освободительной и революционной борьбе формировавшейся болгарской нации. Пожалуй, можно согласиться с Е. П. Львовой, что далеко не каждый народ мог бы представить столь убедительный пример боевой связи национальной культуры с коренными потребностями своего существования.

Построение монографии Е. П. Львовой удачно отражает сложный путь формирования болгарского искусства, начиная от ранних, по существу средневековых, форм изображения до складывания основ национальной художественной школы нового времени. После «Введения», в котором автор характеризует состояние историографии вопроса, следует глава, посвященная общему обзору болгарского искусства конца XVIII — первой половины XIX в. в связи с национальной культурно-просветительским движением этих десятилетий. Е. П. Львова обращает внимание на связи, существовавшие между этим движением и факторами базисного порядка. «Изменения в экономике болгарского общества становятся в конце XVIII — начале XIX в. все более ощутимыми, острее выявляются общественные противоречия, растет активность передовой части болгарского народа в борьбе с феодализмом» (стр. 21). В области культуры отмеченная эволюция проявляется в отходе от безымянного творчества, характерного для феодального искусства, в усилении в нем личностного момента. Просветители все более отходят от привычных канонов церковного искусства, ищут место художника в жизни народа и его культуре. В результате возникает новое понимание роли и значения искусства и художественной культуры в целом как способа и пути познания мира. Эти черты, по мнению Е. П. Львовой, проявляются в творчестве художника Неофита Рильского — одного из ярких представителей раннего этапа национального Возрождения. В первые десятилетия в болгарском изобразительном искусстве выделяются и на-

чинают развитие два самостоятельных вида художественной культуры, находившиеся, однако, в тесном переплетении, — книжная иллюстрация и станковая графика. Среди художников, внесших наиболее значительный вклад в болгарское искусство середины XIX в., Е. П. Львова выделяет Захария Зографа, посвящая анализу его творчества II главу монографии. Оценивая художественное значение монументальных стенописей, выполненных Захарием Зографом в различных болгарских монастырях, Е. П. Львова подчеркивает присущую им экспрессивность и целенаправленность, яркость жизненных наблюдений и социальное осмысление традиционных тем. Особую роль в формировании болгарской культуры сыграли болгаро-русские связи. Русский народ, выполнивший освободительную миссию в ходе ликвидации турецкого ига, был для нескольких поколений деятелей болгарской культуры моральной опорой в борьбе за создание основ прогрессивной болгарской культуры. Е. П. Львова детально рассматривает историю культурных связей между братскими народами, отмечая факты обучения болгар в русских художественных школах и творческое освоение ими богатого опыта, накопленного к середине XIX в. русской культурой (III глава). Две последние главы монографии затрагивают завершающий этап национального Возрождения, приходящий на 50—70-е годы XIX в. и заключаемый возникновением независимой Болгарии в итоге русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Здесь рассматривается деятельность болгарских художников в период революционного подъема этих десятилетий. Наиболее подробно автор характеризует творчество Н. Павловича как крупнейшего представителя складывавшейся национальной школы живописи, с именем которого в значительной степени связан расцвет светского искусства.

Монография Е. П. Львовой написана на обширном материале исторических источников и памятников изобразительного искусства, отчасти впервые ею введенных в научный оборот. Это позволило автору нарисовать широкую и в целом удачную картину генезиса болгарского искусства эпохи национального Возрождения с присущим ему — п, добавим, исторически обусловленным — процессом ускоренного развития, в ходе которого в литературе и искусстве Болгарии своеобразно переплетались элементы классицизма, сентиментализма, романтизма и реализма. Несомненно, те или иные конкретные суждения и оценки автора вызовут споры или возражения со стороны искусствоведов, но в любом случае они будут способствовать углублению знаний о художественной культуре болгарского народа конца XVIII и большей части XIX века. Думается, в частности, что эволю-

ция живописи от иконописи до художественной реалистической школы послужит материалом для более широких размышлений о существе развития художественного мышления эпохи национального Возрождения. Едва ли можно согласиться в этой связи с мнением Е. Георгиева о том, что, в отличие от западноевропейского Возрождения, для которого было характерным «открытие человеческой личности», болгарское Возрождение явилось «открытием нации». Во-первых, идущий от Я. Буркхардта тезис об открытии Ренессансом человеческой личности сам по себе крайне спорен, поскольку человек был и навсегда останется главной целью искусства любой эпохи. Другое дело — каково осмысление, какова трактовка в той или иной художественной системе человеческой личности. Во-вторых, и в основе западноевропейского Ренессанса и в основе болгарского национального Возрождения лежали сложные процессы формирования нации, лишь различавшиеся уровнем и конкретной исторической об-

становкой. Для художественной культуры болгарского Возрождения, как в типологически сходных случаях у других народов, было поэтому характерно не столько «открытие», сколько полное переосмысление места и роли человека, усиление личностного начала, как об этом справедливо пишет Е. П. Львова, напрасно, однако, соглашаясь с неоправданной антиномией Е. Георгиева (стр. 18). Ибо, если развитие болгарского искусства рассматриваемой эпохи оценивать в широком историко-культурном контексте, то оно отражало общие закономерности, присущие культуре любого народа в эпоху перехода от феодализма к капитализму, формирования нации и национальной культуры. И именно в этом, в привлечении обширного материала и в его тонком историко-культурном анализе, заключается основная ценность и привлекательность монографии Е. П. Львовой.

А. С. Мильников

БИБЛИОГРАФИЯ

ВАЖНЕЙШИЕ СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ ПО СОВРЕМЕННОМУ ПОЛОЖЕНИЮ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКАМ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ В 1976 г.
(ПРОДОЛЖЕНИЕ)

I. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ

1. Общие вопросы

Аврамов Р. Исторические победы рабочего класса и банкротство идеологов антикоммунизма. 30-летний опыт строительства социализма в Болгарии. В кн. Рабочий класс в мировом революционном процессе. М., 1975.

Видершиль С. Рабочий класс и интеллигенция в современном социалистическом обществе. (На примере 30-летнего опыта Польской Народной Республики.) В кн. Рабочий класс в мировом революционном процессе. М., 1975.

Жеков К. Н. Г. Димитров о руководящей роли рабочего класса в строительстве социализма. Вестн. Моск. ун-та. Теория науч. коммунизма, 1975, № 4.

Ложковая Г., Калинин Э. Критика извращения общественных потребностей в антимаרקсистских концепциях «рыночного социализма». Экономика Сов. Украины, 1975, № 8.

Сохань И. С. Деякі методологічні аспекти дослідження радянсько-болгарського співробітництва. Іст. дослідження. Історія заруб. країн, Київ, 1975, вип. 1.

Ципко А. С. Общественно-политические и идеологические проблемы строительства развитого социалистического общества. Вopr. философии, 1975, № 6.

Яжборовская И. С. Актуальные проблемы истории социалистического строительства. В кн. Рабочий класс в мировом революционном процессе. М., 1975.

2. Международные отношения. Взаимоотношения братских стран и партий. Внешняя политика.

Голубович В. Восстановление судходства на Дунае. Воен.-ист. журн., 1975, № 8.

Знаменська М. В. Наукова конференція «Ленінські принципи — основа зовнішньополітичної діяльності соціалістичних країн». Іст. дослідження. Історія заруб. країн, 1975, вип. 1.

Лавошиков В. Е. Координация внешней политики стран социалистического содружества. В кн. Вопросы социально-экономического и политического развития стран социализма. М., 1975.

Лукашевич Е. Ленинские принципы мирного сосуществования и вопросы идеологической борьбы. В кн. Рабочий класс в мировом революционном процессе. М., 1975.

Петерс I. А. Становлення нового зовнішньополітичного курсу Чехословаччини (1945—1948 рр.). Іст. дослідження, Історія заруб. країн, 1975, вип. 1.

Пугачев Б. М. Политическая сфера социалистической интеграции. В кн. Вопросы социально-экономического и политического развития стран социализма. М., 1975.

Семилетка Г. П. Про військово-політичне співробітництво Чорноморського флоту з флотами соціалістичних країн. Укр. іст. журн. 1975, № 8.

Смирнов М., Шихирев В. Мир социализма и «третий мир». Молодой коммунист, 1975, № 8.

3. Коммунистические партии социалистических стран

Боттга С. Работа КПЧ с руководящими кадрами общественных организаций. В кн. Из опыта партийного руководства государственными и общественными организациями трудящихся в странах социалистического содружества. М., 1975.

Велчев Б. О научном подходе в партийной работе. Парт. жизнь. 1975, № 16.

Виноградов Н. Н. Совершенствование системы партийного руководства государственными и общественными организациями на современном этапе. В кн. Из опыта партийного руководства государственными и общественными организациями трудящихся в странах социалистического содружества. М., 1975.

Віднянський С. В. Керівна і організуюча роль КПЧ в консолідації профспілкового руху Чехословаччини (квітень 1969 р. — червень 1972 р.). Укр. іст. журн., 1975, № 6.

Позьдзик С. Некоторые вопросы совершенствования партийного руководства политическим и экономическим образованием коммунистов в деятельности Польской объединенной рабочей партии. Вopr. эффективности парт. пропаганды и полит. информации, 1975, вып. 3.

4. Экономика. Экономическое сотрудничество

Адамович М. Стандартизация в области строительства и промышленности строительных материалов. В кн. Социалистическая интеграция в области капитального строительства. М., 1975.

А ля м о в с к и й Е. В. О междуна-
родной кооперации и обобществлении
производства в условиях социалисти-
ческой интеграции. В кн. Вопросы раз-
вития и сотрудничества социалистических
стран М., 1975.

А р о й о Ж. Хозяйственный расчет
в международных хозяйственных объе-
динениях. В кн. Международная науч.-
техн. конференция ученых и специалистов
стран — членов СЭВ и СФРЮ по проб-
леме «Организация управления социали-
стическим промышленным производ-
ством» М., 1975. Тезисы докладов, сек.
7. М., 1975.

А ф о н и н Б. А. Программный ха-
рактер совместного планирования. В кн.
Вопросы развития и сотрудничества со-
циалистических стран. М., 1975.

А ч а г у Г. М. Укрепление трудовых
кооперативных земельческих хозяйств
в Болгарии (1958—1959 гг.). Научн.
труды Кубанского ун-та, Красно-
дар, 1975, вып. 192.

Б о г а н и ч А. А. Развитие эконо-
мики и экономической интеграция стран
СЭВ. В кн. Вопросы развития и сотру-
дничества социалистических стран. М.,
1975.

Б а й б а к о в Н. К. Согласованный
план многосторонних интеграционных ме-
роприятий — новая ступень развития сов-
местной плановой деятельности стран —
членов СЭВ. План хоз-во, 1975, № 9.

Б а р и ч Я. Удосконалення системи
заробітної плати в ЧССР. Питання політ.
економії, 1975, вип. 121.

Б а р с С. Сотрудничество стран —
членов СЭВ в области водного хозяйства.
Экон. сотрудничество стран — членов
СЭВ. М., 1975, № 2.

Б а с с Л. А. Проблемы расширения
и углубления экономических связей СССР
и Болгарии. В кн. Вопросы развития
и сотрудничества социалистических стран.
М., 1975.

Б а у м а н Л. Сотрудничество стран
СЭВ в химической промышленности. Меж-
дунар. жизнь, 1975, № 9.

Б а у т и н а Н. Об использовании
хозрасчета в совместной плановой дея-
тельности. В кн. Международная науч.-
техн. конференция ученых и специалистов
стран — членов СЭВ и СФРЮ по проб-
леме «Организация управления социали-
стическим промышленным производ-
ством». М., 1975. Тезисы докладов. Сек.
7. М., 1975.

Б е л я е в А., В о р о т н и к о в В.
Международные экономические органи-
зации в системе управления социалисти-
ческой экономической интеграцией. В
кн. Международная науч.-техн. конфе-
ренция ученых и специалистов стран —
членов СЭВ и СФРЮ по проблеме «Ор-
ганизация управления социалистическим
промышленным производством». М., 1975.
Тезисы докладов. Сек. 7. М., 1975.

Б о д я н С. Ю. Економічні інтереси
країн — членів РЕВ і розвиток інтегра-
ції. Питання політ. економії, 1975, вип.
121.

Б о р и н е ц ь С. Я. Научно-технич-
на интеграція — якісно вищий етап спів-
робітництва країн — членів РЕВ у
сфері науки і техніки. Питання політ.
економії, 1975, вип. 121.

Б у л а ш М. О. Необхідність і особ-
ливості використання товарно-грошових
відносин в економічному співробітництві
соціалістичних країн. Питання політ.
економії, 1975, вип. 121.

В а к с А. Б. Предприятия и объеди-
нения в системе реализации научно-тех-
нических достижений в странах СЭВ. В
кн. Совершенствование управления и
эффективность производства. Киров —
Йошкар-Ола, 1975.

В а л е в Э. Б., Д и н е в Л. Проб-
лемы географии трудовых ресурсов. На-
родной Республики Болгарии. В кн. Го-
родское и сельское расселение. Вопросы
географии мест отдыха. М., 1974.

В а х р а м е е в Л. Морской торговый
флот ПНР. Мор. флот, 1975, № 6.

В и н о г р а д о в В. В. Из опыта ис-
пользования резервов производства в
странах — членах СЭВ. В кн. Резервы
промышленного производства — на служ-
бу народному хозяйству. Ярославль, 1975.

В о р о н и н П. А. Научно-техниче-
ское сотрудничество в промышленности
строительных материалов. В кн. Социали-
стическая интеграция в области капи-
тального строительства. М., 1975.

В о х м я н и н а Г. Ф. Рыбное хозяй-
ство ПНР и развитие его международных
связей с капиталистическими и развиваю-
щимися странами. «Мировое рыболов-
ство», 1975, № 6.

Г а п и н ь с к и С. Новые формы ор-
ганизации и управления в госхозах Оль-
штынского воеводства. Междунар. с.-х.
журн., 1975, № 4.

Г в и ш и а н и Л. Международные
научно-технические связи Советского Со-
юза. Внешн. торговля, 1975, № 7.

Г е о р г и е в Г. Социалистическая
экономическая интеграция — важный
фактор строительства развитого социали-
стического общества в НРБ. План. хоз-во,
1975, № 8.

Г з о в с к и й В. М. Сотрудничество
стран — членов СЭВ в освоении ми-
неральных ресурсов мирового океана. В
кн. Вопросы развития и сотрудничества со-
циалистических стран. М., 1975.

Г л я з у р А. Оптимизация проектных
решений в жилищном строительстве. В кн.
Социалистическая интеграция в области
капитального строительства. М., 1975.

Г о л о в к о А. А. Организационно-
правовые формы управления сельскохо-
зяйственными организациями НРБ. Весн.
Беларус. ун-та, Гісторыя, філасофія,
навуковы камунізм, эканоміка, права,
1975, № 2.

Грабовский А. П. Социалистическая интеграция и управление социальным развитием общества. В кн. Вопросы социально-экономического и политического развития стран социализма. М., 1975.

Грингольд И. Положение международных хозяйственных объединений и совместных предприятий в системах управления народным хозяйством стран — членов СЭВ (теоретические предпосылки правового урегулирования). В кн. Международная науч.-техн. конференция ученых и специалистов стран — членов СЭВ и СФРЮ по проблеме «Организация управления социалистическим промышленным производством». М., 1975. Тезисы докладов. Сек. 7. М., 1975.

Гурвич Ф. Г. Экономическая интеграция: типы, проблемы, перспективы. «Техника и наука», 1975, № 8.

Гуров Ю. Сотрудничество СССР с социалистическими странами Европы в строительстве предприятий черной металлургии. Внешн. торговля, 1975, № 7.

Децугат В. І. До питання вдосконалення зв'язків матеріального виробництва і зовнішньої торгівлі Польської Народної Республіки. Питання політ. економії, 1975, вип. 121.

Державин В. Долгосрочное прогнозирование в странах — членах СЭВ. Эконом. науки, 1975, № 8.

Десятое заседание Комитета СЭВ по научно-техническому сотрудничеству. (Москва, 17—18 марта 1975 г.) Экон. сотрудничество стран — членов СЭВ. М., 1975, № 2.

Деятельность Международного банка экономического сотрудничества в 1974 г. «Деньги и кредит», 1975, № 8.

Дзыза О. А. Критика буржуазных теорий о методах осуществления социалистической экономической интеграции. (На примере «неолиберализма».) В кн. Вопросы социально-экономического и политического развития стран социализма. М., 1975.

Дудолов Б., Телятник Н. Развитие энергетики Югославии. Бюл. иностр. коммерческой информации, 1975, 21 июня, № 72.

Дудчак В. І. Соціалістична економічна інтеграція — якісно вища ступінь у розвитку співробітництва країн — членів РЕВ. В кн. Питання теорії та аналізу економічного розвитку на сучасному етапі. Київ, 1974.

Заседание Комитета СЭВ по сотрудничеству в области материально-технического снабжения. (София, май 1975 г.). Материально-техн. снабжение, 1975, № 8.

Золоев В. Сотрудничество стран СЭВ в области внешнеторгового учета и статистики. Внешн. торговля, 1975, № 9.

Золотарев В. Тенденции и перспективы развития внешней торговли стран — членов СЭВ. В кн. Внешне-экономические связи СССР в свете решений XXIV съезда КПСС. М., 1974.

Зубков А. И. Интеграция на всех уровнях. Международные совместные предприятия стран СЭВ. Экон. и организация пром. производства. Новосибирск, 1975, № 3.

Зубков А. И. Интеграция стран — членов СЭВ и задачи экономических исследований в горной промышленности. В кн. Экономические исследования в горной промышленности, вып. 1. М., 1975.

Зубков А. И. Некоторые вопросы использования хозрасчета в деятельности международных экономических организаций стран СЭВ. В кн. Международная науч.-техн. конференция ученых и специалистов стран — членов СЭВ и СФРЮ по проблеме «Организация управления социалистическим промышленным производством». М., 1975. Тезисы докладов. Сек. 7. М., 1975.

Иванов Ю. О методологии исчисления показателей баланса народного хозяйства в сопоставимых ценах в странах — членах СЭВ. Вестн. статистики, 1975, № 7.

Ильин В. И. Теория конвергенции и опыт сотрудничества стран — членов СЭВ в области изобретательства. Вопр. изобретательства, 1975, № 8.

Иноземцев Н. Некоторые особенности координации народнохозяйственных планов стран — членов СЭВ на современном этапе. План. хоз-во, 1975, № 8.

Интервью руководителей Министерств и ведомств стран — членов СЭВ по науке и технике, посвященное научно-техническому сотрудничеству. Экон. сотрудничество стран — членов СЭВ, 1975, № 2.

Ионкова О. Розвиток інтеграційних процесів між Болгарією і Радянським Союзом. Питання політ. економії, 1975, вип. 121.

Иорданов И. Экономические проблемы управления НИР (научные исследования и разработки). В кн. Международная науч.-техн. конференция ученых и специалистов стран — членов СЭВ и СФРЮ по проблеме «Организация управления социалистическим промышленным производством». М., 1975. Тезисы докладов. Сек. 5. М., 1975.

Кайда Р. Д. Соціально-економічні наслідки соціалістичної індустріалізації в Польській Народній Республіці. (1950—1955 рр.). Укр. іст. журн., 1975, № 6.

Калипин К. Сельское хозяйство стран — членов СЭВ в 1974 г. Междунар. с.-х. журн., 1975, № 4.

Каменский Е. В. Сотрудничество стран СЭВ в развитии рыбопромышленного судостроения. «Судостроение», 1975, № 7.

Карпич В. С. Финансово-кредитная система в строительстве. В кн. Социалистическая интеграция в области капитального строительства. М., 1975.

Кирей Н. И. Торговые связи Алжира с капиталистическими и социалистическими странами. Науч. труды Кубанского ун-та, 1975, вып. 192.

Кириллин В. Реализация Комплексной программы — главное содержание научно-технического сотрудничества. Экон. сотрудничество стран — членов СЭВ. М., 1975, № 2.

Климко Н. Н. Розвиток економічного співробітництва країн — членів РЕВ з країнами Латинської Америки. Питання політ. економії 1975, вип. 124.

Клочко В. П. Концентрация виробництва і промислов об'єднання в країнах РЕВ. Питання політ. економії. 1975, вип. 121.

Кнызяк З. Элементы международного планирования в национальных планах хозяйственного развития. План. хоз-во, 1975, № 8.

Ковалев А. А. Экономические основы формирования заработной платы при социализме в условиях экономической интеграции. В кн. Некоторые проблемы экономической интеграции в современном мире. М., 1975.

Ковальцев Г. Социалистическая интеграция и планирование. Междунар. жизнь, 1975, № 7.

Козма Ф. Новая модель углубления кооперации между странами СЭВ. В кн. Международная науч.-техн. конференция ученых и специалистов стран — членов СЭВ и СФРЮ по проблеме «Организация управления социалистическим промышленным производством». М., 1975. Тезисы докладов. Сек. 7. М., 1975.

Колесник В. С. Рівні розвитку соціалістичних виробничих відносин та їх зівставлення. Питання політ. економії. 1975, вип. 121.

Колесов В. Два типа интеграции и развивающиеся страны. Экон. науки, 1975, № 8.

Конференции и симпозиумы, организованные Постоянной комиссией СЭВ по строительству. В кн. Социалистическая интеграция в области капитального строительства. М., 1975.

Корд Ф. Социалистическое преобразование и развитие сельского хозяйства Чехословакии. Междунар. с.-х. журн., М., 1975, № 4.

Косыгин А. Н. К новым успехам стран социалистического содружества. План. хоз-во, 1975, № 9.

Крафт Г. Экономическая интеграция и укрепление единства социалистических стран. В кн. Вопросы социально-экономического и политического развития стран социализма. М., 1975.

Кубик Я. Влияние научно-технического развития на организацию и управление промышленным производством в ЧССР. В кн. Международная науч.-техн. конференция ученых и специалистов стран — членов СЭВ и СФРЮ по проблеме «Организация управления социа-

листическим промышленным производством». М., 1975. Тезисы докладов. Сек. 5. М., 1975.

Кулигин П. Совершенствование управления экономикой в странах социалистического содружества. Экон. науки, 1975, № 8.

Лакис Ю. Ю. Процессы интернационализации в развитии мировой системы социализма. Вестн. Моск. ун-та. Теория науч. коммунизма, 1975, № 4.

Лер Л. Финансы Чехословацкой Социалистической Республики за тридцать лет. «Финансы СССР», 1975, № 7.

Лецев А. XXV заседание Постоянной Комиссии СЭВ по статистике. (Белград, май 1975 г.). Вестн. статистики, 1975, № 7.

Либал В. Реализация научно-технического развития и рационализации управления производством на предприятии. В кн. Международная науч.-техн. конференция ученых и специалистов стран — членов СЭВ по проблеме «Организация управления социалистическим промышленным производством». М., 1975. Тезисы докладов. Сек. 5. М., 1975.

Лигай К. М. Проблемы экономического сотрудничества СССР с социалистическими странами — не членами СЭВ. В кн. Вопросы развития и сотрудничества социалистических стран. М., 1975.

Лопухова Н. Р. Международные экономические организации и развитие социалистической экономической интеграции. В кн. Вопросы развития и сотрудничества социалистических стран. М., 1975.

Лушников О. Е. Возможности применения хозяйственного расчета в международных отраслевых организациях стран СЭВ. В кн. Вопросы социально-экономического и политического развития стран социализма. М., 1975.

Любодеев В. Руководство международным хозяйственным объединением «Интертекстильмаш». В кн. Международная науч.-техн. конференция ученых и специалистов стран — членов СЭВ и СФРЮ по проблеме «Организация управления социалистическим промышленным производством». М., 1975. Тезисы докладов. Сек. 7. М., 1975.

Лямцев В. Н. Актуальні проблеми міжнародної спеціалізації кооперування верстатобудівного виробництва на сучасному етапі. Питання політ. економії, 1975, вип. 121.

Макрущенко В. А. Возможности автоматизации оценки экономической ситуации в условиях экономической интеграции. В кн. Вопросы развития и сотрудничества социалистических стран. М., 1975.

Маркичева Н. К. Международные хозяйственные организации стран — членов СЭВ. Бюл. иностр. коммерц. информации, 1975, 19 авг., № 98.

Мартынов Г. М. Опыт переустройства сельских населенных пунктов в странах — членах СЭВ. Сб. науч. тр. Центр. науч.-исслед. и проектного ин-та типового и эксперим. проектирования жилища, 1974, вып. 3.

Матевосян П., Хоудек Ф. Доклад о десятилетнем опыте работы международной организации по сотрудничеству в черной металлургии «Интерметалл». В кн. Международная науч.-техн. конференция ученых и специалистов стран — членов СЭВ и СФРЮ по проблеме «Организация управления социалистическим промышленным производством». М., 1975. Тезисы докладов. Сек. 7. М., 1975.

Международный банк экономического сотрудничества в 1974 году. Внешн. торговля, 1975, № 8.

Месарош Ш., Дюланс М. Совместная разработка системы сбора и использования информации в сельском хозяйстве стран — членов СЭВ. Междунар. с.-х. журн. М., 1975, № 4.

Многосторонние соглашения стран — членов СЭВ в области строительства и промышленности строительных материалов. В кн. Социалистическая интеграция в области капитального строительства. М., 1975.

Морозов В. Экономическое сотрудничество СССР и Чехословакии. Внешн. торговля, 1975, № 9.

Надобенко П. И., Ярема В. И. Эффективність співробітництва промислових підприємств країн — членів РЕВ і його вплив на поліпшення, використання основних виробничих фондів. Питання політ. економії, 1975, вип. 121.

Некипелов А. Д. Методологические проблемы политэкономического анализа мирового социалистического хозяйства. В кн. Вопросы развития и сотрудничества социалистических стран. М., 1975.

Некола З. Формирование международных производственных комплексов. В кн. Международная науч.-техн. конференция ученых и специалистов стран — членов СЭВ и СФРЮ по проблеме «Организация управления социалистическим промышленным производством». М., 1975. Тезисы докладов. Сек. 7. М., 1975.

Ноак И. Общность интересов стран — членов СЭВ в развитии экономического и научно-технического сотрудничества в угольной промышленности. В кн. Экономические исследования в горной промышленности. Вып. I. М., 1975.

Новиков И. Т. Развитие социалистической экономической интеграции в капитальном строительстве. В кн. Социалистическая интеграция в области капитального строительства. М., 1975.

Новович Н. Инициативе трудящихся — широкую поддержку. Вестн. соц. соревнования, 1975, № 3.

Новожилов В. В. Развитие внутриотраслевых кооперационных связей в автомобилестроении стран — членов СЭВ и экономический механизм их реализации (в условиях социалистической интеграции). В кн. Некоторые проблемы экономической интеграции в современном мире. М., 1975.

Новожилов В. В. Углубление внутриотраслевой специализации социалистического производства в условиях экономической интеграции стран — членов СЭВ. В кн. Некоторые проблемы экономической интеграции в современном мире. М., 1975.

О совершенствовании статистики цен и применении ЭВМ для расчета показателей статистики цен. (Сводный доклад по материалам НРБ, ВНР, ГДР, ПНР, СРР, СССР, ЧССР.) В кн. Применение ЭВМ для расчета показателей статистики цен. (Сб. науч. трудов под общ. ред. Ю. В. Яковца.) М. 1975.

Овсебян Б. Совет Экономической Взаимопомощи: цели, принципы, функции, структура. «Коммунист», 1975, № 8.

Организационно-методические и правовые основы научно-технического сотрудничества стран — членов СЭВ. Экон. сотрудничество стран — членов СЭВ. М., 1975, № 2.

Павлов К. Развитие внешней торговли СССР со странами — членами СЭВ. В кн. Внешнеэкономические связи СССР в свете решений XXIV съезда КПСС. М., 1974.

Пашкова И. И. Проблемы долгосрочной совместной плановой деятельности стран — членов СЭВ. В кн. Вопросы развития и сотрудничества социалистических стран. М., 1975.

Пельцер М., Халупски З., Аксенова Э. Вопросы адаптации национальных систем управления и планирования в народном хозяйстве в процессе совершенствования механизма управления процессом социалистической экономической интеграции. В кн. Международная науч.-техн. конференция ученых и специалистов стран — членов СЭВ и СФРЮ по проблеме «Организация управления социалистическим промышленным производством». М., 1975. Тезисы докладов. Сек. 7. М., 1975.

Песчаный Д. Г. Историография и источники проблемы сотрудничества СССР и НРБ в области сельского хозяйства (1948—1958 гг.) Науч. труды Кубанского ун-та, 1975, вып. 192.

Петров Г. Финансы международных научно-технических и производственных организаций и их отношение с бюджетами стран — участниц. В кн. Международная науч.-техн. конференция ученых и специалистов стран — членов СЭВ и СФРЮ по проблеме «Организация управления социалистическим промышленным производством». М., 1975. Тезисы докладов. Сек. 7. М., 1975.

Помазанов С. Использование плано-координационных инструментов в деятельности международных хозяйственных объединений. В кн. Международная науч.-техн. конференция ученых и специалистов стран — членов СЭВ и СФРЮ по проблеме «Организация управления социалистическим промышленным производством». М., 1975. Тезисы докладов. Сек. 7. М., 1975.

Попов А., Райко Н. СЭВ и международные организации. Экон. сотрудничество стран — членов СЭВ, М., 1975, № 2.

Потолитчев Н. Сотрудничество стран — членов СЭВ в области внешней торговли крепнет и расширяется. Экон. сотрудничество стран — членов СЭВ, М., 1975, № 2.

Прокопьев И. СЭВ и Финляндия. Экон. сотрудничество стран — членов СЭВ, М., 1975, № 2.

Промский Н. Хозяйственный расчет во внешнеэкономической деятельности предприятий Венгрии, ГДР и Польши. План. хоз-во, 1975, № 9.

Разин В. «Интерэталонприбор»: достижения и перспективы. Экон. сотрудничество стран — членов СЭВ, М., 1975, № 2.

Розенберг М. Г. Регулирование поставок между организациями стран — членов СЭВ. Сов. государство и право, 1975, № 7.

Рокитко А. И. Удосконалення форм соціалістичного усуніщення сільськогосподарського виробництва на сучасному етапі. Питання політ. економії, 1975, вип. 121.

Рокоча В. В. Вплив світової соціалістичної системи господарства на загострення суперечностей капіталізму і послаблення його позицій. Питання політ. економії, 1975, вип. 121.

Система статистики цен в ЧССР и опыт использования вычислительной техники для расчета индексов цен. В кн. Применение ЭВМ для расчета показателей статистики цен. М., 1975.

Ситнин В. В. Хозяйственный расчет и финансирование развития производства (Опыт европейских зарубежных стран — членов СЭВ). В кн. Хозрасчет и стимулирование эффективности и расширенного воспроизводства. М., 1975.

Смитиенко Б. М. Вопросы взаимодействия внутренних и внешних факторов воспроизводства совокупного общественного продукта в условиях интернационализации хозяйственной жизни социалистических стран. В кн. Некоторые проблемы экономической интеграции в современном мире. М., 1975.

Смолянова В. Б. Про міжнародні соціалістичні виробничі відносини. Питання політ. економії, 1975, вип. 121.

Соболь И. Конференция в Ереване. «Техника и наука», 1975, № 8.

Совершенствование сотрудничества и развитие социалистической экономической интеграции стран — членов СЭВ. План. хоз-во, 1975, № 8.

Статистические данные о динамике цен в некоторых странах — членах СЭВ. В кн. Применение ЭВМ для расчета показателей статистики цен. М., 1975.

Степанова Е. А. Сотрудничество Югославии со странами — членами СЭВ. В кн. Вопросы социально-экономического и политического развития стран социализма. М., 1975.

Стоичков Г. Внедрение передового опыта в строительстве НРБ. В кн. Социалистическая интеграция в области капитального строительства. М., 1975.

Тальрозе В. Сотрудничество стран — членов СЭВ в области научного приборостроения. Экон. сотрудничество стран — членов СЭВ, 1975, № 2.

Ташнади Э. Изобретательство и патентное дело на службе научно-технического прогресса. Экон. сотрудничество стран — членов СЭВ, 1975, № 2.

Твардонь З. «Интератоминструмент»: некоторые итоги работы. Экон. сотрудничество стран — членов СЭВ, 1975, № 2.

Тивончук І. О., Богачевський Г. М. Про фактори і показники участі країн РЕВ у міжнародному поділі праці. (На матеріалах країн — членів РЕВ.) Питання політ. економії, 1975, вип. 121.

Тодоров Г. Новые этапы развития строительства в НРБ. Экономика стр-ва, 1975, № 7.

Тот В. Совместные усилия стран — членов СЭВ в области подготовки специалистов и научных кадров. Экон. сотрудничество стран — членов СЭВ, 1975, № 2.

Устав международного хозяйственного объединения по организации кооперирования производства, поставок оборудования и оказанию технического содействия в сооружении атомных электростанций «Интератомэнерго». Внешн. торговля, 1975, № 9.

Устименко В. В. Формы и методы управления и планирования в строительстве. В кн. Социалистическая интеграция в области капитального строительства. М., 1975.

Утенкова Н. Ю. Международные совместные предприятия в условиях социалистической экономической интеграции. В кн. Вопросы развития и сотрудничества социалистических стран. М., 1975.

Утямышев Р., Иванов А. Координационный центр проблемы и пути совершенствования научно-технического сотрудничества стран СЭВ. В кн. Международная науч.-техн. конференция ученых и специалистов стран — членов СЭВ и СФРЮ по проблеме «Организация управления социалистическим про-

мышленным производством». М., 1975. Тезисы докладов. Сек. 7. М., 1975.

Федотов В. А. Концентрация социалистического производства и совершенствование организационных форм управления. В кн. Некоторые проблемы экономической интеграции в современном мире. М., 1975.

Фишер А., Гринвальд Р. Образование и функционирование международных экономических организаций стран — членов СЭВ. В кн. Международная науч.-техн. конференция ученых и специалистов стран — членов СЭВ и СФРЮ по проблеме «Организация управления социалистическим промышленным производством». М., 1975. Тезисы докладов. Сек. 7. М., 1975.

Фрумкин Б. Е. Некоторые проблемы интеграции стран — членов СЭВ в аграрно-промышленной сфере. В кн. Вопросы развития и сотрудничества социалистических стран. М., 1975.

Хейфец Б. А. Некоторые аспекты структурной политики европейских стран — членов СЭВ на современном этапе. В кн. Вопросы социально-экономического и политического развития стран социализма. М., 1975.

Хермановски Х. Управление научно-техническим прогрессом и внедрением его результатов в промышленность. В кн. Международная науч.-техн. конференция ученых и специалистов стран — членов СЭВ и СФРЮ по проблеме «Организация управления социалистическим промышленным производством». М., 1975. Тезисы докладов. Сек. 5. М., 1975.

Хоргош Д. Сотрудничество стран — членов СЭВ и СФРЮ в радиотехнической и электронной промышленности. Экон. сотрудничество стран — членов СЭВ, 1975, № 2.

Христов С. Система статистики цен в НРБ и использование вычислительной техники для расчета показателей статистики цен. В кн. Применение ЭВМ для расчета показателей статистики цен. М., 1975.

Царевски Н. Роль социалистической экономической интеграции в строительстве развитого социалистического общества в НР Болгарии. В кн. Международная науч.-техн. конференция ученых и специалистов стран — членов СЭВ и СФРЮ по проблеме «Организация управления социалистическим промышленным производством». М., 1975. Тезисы докладов. Сек. 7. М., 1975.

Ченчиковский С. О специализации и кооперировании производства стран — членов СЭВ. Внешн. торговля, 1975, № 7.

Шедивы З. Основные направления развития народного хозяйства ЧССР и координация планов со странами — членами СЭВ на период до 1980 г. План. хоз-во, 1975, № 8.

Шинкарук Г. Ф. Специализация и кооперирования производства — важный засіб створення оптимальних народногосподарських комплексів країн — членів РЕВ. Питання політ. економії, 1975, вип. 121.

Шитов В. П. Углубление сотрудничества стран — членов СЭВ в области науки и техники. Бюл. иностр. коммерч. информации, 1975, 9 авг., № 94.

Шмелев Н. Проблемы многостороннего экономического и научно-технического сотрудничества стран СЭВ в развитии связей с Западом. В кн. Международная науч.-техн. конференция ученых и специалистов стран — членов СЭВ и СФРЮ по проблеме «Организация управления социалистическим промышленным производством». М., 1975. Тезисы докладов. Сек. 7. М., 1975.

Шопа Е., Прокудин В. Роль планирования и прогнозирования в развитии научно-технического сотрудничества стран — членов СЭВ. Экон. сотрудничество стран — членов СЭВ, 1975, № 2.

Юзуфович Г. Хозяйственные и научно-промышленные организации стран — членов СЭВ в системе социалистических производственных отношений. В кн. Международная науч.-техн. конференция ученых и специалистов стран — членов СЭВ и СФРЮ по проблеме «Организация управления социалистическим промышленным производством». М., 1975. Тезисы докладов. Сек. 7. М., 1975.

Юнкер В. Сотрудничество строителей стран — членов СЭВ. В кн. Социалистическая интеграция в области капитального строительства. М., 1975.

Яременко Г. Проблемы социальной политики в социалистическом обществе. Мировая экономика и междунар. отношения, 1975, № 7.

Ясина Л. А. Место Чехословакии в социалистической экономической интеграции. В кн. Вопросы социально-экономического и политического развития стран социализма. М., 1975.

5. Государственное строительство.

Право

Актуальные проблемы социалистического административного права. Сов. государство и право, 1975, № 3.

Александрова З. К. Конституционные права как основной элемент правового статуса граждан зарубежных социалистических стран. Сб. уч. трудов Свердл. юрид. ин-та, 1975, вып. 36.

Анашкин В. М. Правовое положение и функции капитана морского судна по законодательству социалистических стран (НРБ, ГДР, ПНР, СССР). Науч. техн. информация центр. бюро ММФ СССР, 1975, № 62.

Бардина М. П. Правовые формы организации деятельности СЭВ. Советские в Москве. Вестн. АН СССР, 1974, № 12.

Бурда А. До питання про межі між державним і адміністративним правом. Вісн. Львівського ун-ту. Сер. юрид., 1975, вип. 14.

Важнейшие нормативные акты социалистических стран по вопросам международных отношений, опубликованные в 1972 г. В кн. Советский ежегодник международного права. 1973. М., 1975.

Васильев Г. Международная конференция государствоведов в ПНР. Сов. государство и право, 1975, № 6.

Гавердовский А. С. Социально-экономические и международно-правовые основы сотрудничества стран социализма в борьбе с преступностью. Тр. Киевской выпш. школы МВД СССР, 1974, № 8.

Гельфер М. Краткосрочное лишение свободы по уголовному праву социалистических стран. Сов. юстиция, 1975, № 11.

Гельфер М., Умалатов Б. Должностные преступления. Соц. законность, 1975, № 8.

Голубов Г., Марышева Н. Новый договор между СССР и Болгарией о правовой помощи по гражданским семейным и уголовным делам. Соц. законность, 1975, № 6.

Горачек В. Плечом к плечу с советским народом и его армией. Коммунист Вооруж. Сил, 1975, № 9.

Губиньский А. Кондификация польского права о проступках. Сов. государство и право, 1975, № 8.

Даскалова С. Новый Уголовно-процессуальный кодекс Народной Республики Болгарии. Соц. законность, 1975, № 7.

Згуровський Ю. Винахідницьке право окремих соціалістичних країн і проблема його уніфікації. Рад. право, 1975, № 8.

Квеш В. Практическое значение ленинизма. В кн. Мировая социалистическая система — воплощение идей ленинизма. М., 1970.

Куричев А. П. Конституционные основы политической системы Народной Республики Болгарии. Сб. уч. трудов Свердл. юрид. ин-та, 1975, вып. 36.

Лаптев В. В. Правовое положение социалистических предприятий и объединений. В кн. Социалистическое государство, право и научно-техническая революция. М., 1975.

Литература социалистических стран по международному праву. (1972 г.) Советский ежегодник международного права. 1973. М., 1975.

Михалева Н. А. Конституционное законодательство зарубежных социалистических стран периода построения развитого социализма. Изв. выпш. уч. заведений. Правоведение, 1975, № 3.

Мотовиловкер Я. Особые производства в уголовном процессе ПНР. Соц. законность, 1975, № 7.

Овчаренко А. Правове становище державної ради Народної Республіки Болгарії. Рад. право, 1975, № 4.

Преображенська В. В. Міжнародно-правові форми політичного співробітництва соціалістичних держав. Вісн. Львівського ун-ту. Сер. юрид., 1975, вип. 14.

Скотарек Е. Организационно-политическое укрепление местных органов государственной власти в ПНР. В кн. Из опыта партийного руководства государственным и общественными организациями трудящихся в странах социалистического содружества. М., 1975.

Скрипко В. Р. Судебная защита прав изобретателей в странах — членах СЭВ. Сов. государство и право, 1975, № 5.

Скшидло В. Місце і роль Сейму в системі соціалістичної демократії. Вісн. Львівського ун-ту. Сер. юрид., 1975, вип. 14.

Советские журналы социалистических стран (Варна). Сов. юстиция, 1974, № 24.

Советские министры юстиции социалистических стран (Варшава, апрель, 1975 г.). Соц. законность, 1975, № 7.

Сокуренок В. Г. Співробітництво соціалістичних країн в галузі правознавства. Вісн. Львівського ун-ту. Сер. юрид., 1975, вип. 14.

Спасов Б. Развитие представительной демократии в условиях научно-технической революции. В кн. Социалистическое государство, право и научно-техническая революция. М., 1975.

Топорнин Б. Н. Государственная власть, демократия и научно-техническая революция при социализме. В кн. Социалистическое государство, право и научно-техническая революция. М., 1975.

Трахтенгерц Л. А. Правовые формы сотрудничества стран СЭВ при проведении научных исследований (координация и кооперация). Тр. Всесоюз. науч.-исслед. ин-та сов. законодательства, 1975, вып. 3.

Фабьян К. Социалистические основы правотворческого процесса в ЧССР. Сов. государство и право, 1975, № 6.

Файнштейн А. А. Изменение и расторжение хозяйственных договоров по законодательству стран — членов СЭВ. Тр. Всесоюз. науч.-исслед. ин-та сов. законодательства, 1975, вып. 3.

Шмайлова Л. П. Значение программных положений в социалистических конституциях. Сб. уч. трудов Свердл. юрид. ин-та, 1975, вып. 36.

Шурок-Шведа Я. О формах и методах повышения авангардной роли коммунистов в местных органах государственной власти ЧССР. В кн. Из опыта партийного руководства государственным и общественными организациями трудящихся в странах социалистического содружества. М., 1975.

II. ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ

1. История

Авершин В. И. Борьба СССР за коллективную безопасность в Дунайском бассейне и на Балканах (1933 — июнь 1935 гг.). «Балканы и Ближний Восток в новейшее время». Свердловск, 1974, вып. 3.

Байчинский К. Союз рабочих и крестьян — движущая сила социалистической революции в Болгарии. В кн. Общие закономерности и разнообразие форм развития социалистической революции. М., 1975.

Валента Й. Тридцатая годовщина освобождения Чехословакии от фашистских захватчиков. Парт. жизнь., 1975, № 9.

Витол А. В. Турция и европейские державы на Берлинском конгрессе (1878 г.). В кн. Тюркологический сборник. 1973. М., 1975.

Власова Л. В. Молдавско-польские политические контакты 1687—1690 гг. В кн. Карпато-Дунайские земли в средние века. Кишинев, 1975.

Гнедков В. Н. Принудительная мобилизация иностранной рабочей силы для военной экономики фашистской Германии (сентябрь 1939 г. — май 1940 г.). «Балканы и Ближний Восток в новейшее время», Свердловск, 1974, вып. 3.

Грингут-Дальмер Э. Развитие культурного ландшафта в западнославянских областях: проблемы, методы и результаты исследования. Сов. археология, 1975, № 2.

Гусак Г. Великая вежа мировой истории. «Проблемы мира и социализма», Прага, 1975, № 5.

Дымковскый Е. 2-я армия Войска Польского в Берлинской и Пражской операциях. Воен. ист. журн., 1975, № 6.

Дьяков В. А. Польские конспираторы 1830—1840-х годов в их связях с Францией. В кн. Славяне и Запад. М., 1975.

Ена М. І. Інтернаціональні зв'язки чехословацьких і радянських трудящих (1926—1936 рр.) у радянській і чехословацькій історичній літературі. Вісн. Харк. ун-ту, 1975, № 118. Історія, вип. 9.

Заборовский Л. В. Канун и начало русско-польской войны и позиция государств Юго-Восточной Европы (50-е годы XVII в.). В кн. Карпато-Дунайские земли в средние века. Кишинев, 1975.

Захаров В. В. Югославская и советская историография о так называемых кметских отношениях в Далмации XIII—XV веков. Науч. труды Кубанского ун-та, Краснодар, 1975, вып. 192.

Инкин В. Ф. К вопросу о социально-политической организации галицких сел на волошском праве (О сборах-вечах). В кн. Карпато-Дунайские земли в средние века. Кишинев. 1975.

Каиров С. Л. Деякі питання політико-виховної та культурно-освітньої роботи комуністів в Югославії у період повстання 1941 року. «Питання нової та новітньої історії», 1975, вип. 21.

Катушев К. Тридцатая годовщина победы над фашизмом и развитие мировой социалистической системы. «Коммунист», 1975, № 8.

Козак В. М. Радянські громадяни — учасники народно-визвольної війни в Югославії 1941—1945 рр. Вісн. Харк. ун-ту, 1975, № 118. Історія, вип. 9.

Козак В. М. Участь радянських людей в антифашистському русі. Опору на Балканах. Укр. ист. журн., 1975, № 2.

Кохан Г. І. Пропаганда рішень VII конгресу Комінтерну на Закарпатті. Укр. іст. журн., 1975, № 8.

Кульчицький В. С., Іванець Є. С. Примусове включення Західної України до складу буржуазно-поміщицької Польщі. «Проблеми правознавства», 1975, вип. 30.

Лихач С. В. «Запасний варіант» політик Великобританії в Дунайському басейні (Середина 1916 — початок 1917 р.). «Питання нової та новітньої історії», 1975, вип. 21.

Лукашенко У. Г., Мандрик В. Н. Допомога Радянського Союзу в разгортанні партізанського руху в Чехії і Моравії (1944—1945 рр.). Укр. ист. журн., 1975, № 25.

Ляхович М. В., Макара Ю. І. Передумови виникнення даду народної демократії у країнах Центральної та Південно-Східної Європи (На прикладах з історії Польщі та Румунії). В кн. Актуальні питання суспільних наук, історії, філології. Зб. матеріалів, підгот. до 100-річчя Чернівець. держ. ун-ту. Львів. 1974.

Магтош М. Соотношение общего и специфического в социалистической революции на примере февраля 1948 года в Чехословакии. В кн. Общие закономерности и разнообразие форм развития социалистической революции. М., 1975.

Митрясов А. І. Дослідження в наукових установах УРСР 20-х років середньовічної історії зарубіжних слов'ян і Візантії. Вісн. Харк. ун-ту, 1975, № 118. Історія, вип. 9.

Монин М. Великая интернациональная миссия (Советской армии в годы второй мировой войны). Мировая экономика и международн. отношения, 1975, № 5.

Мыльников А. С. Чешские земли в освещении немецкой прессы середины XVIII в. В кн. Славяне и Запад. М., 1975.

Наумов Е. П. Динамика сербского феодализма и проблема типологических сдвигов на Балканах. (В эпоху турецкой экспансии.) В кн. Карпато-Дунайские земли в средние века. Кишинев, 1975.

Наумов Е. П. Славянские страны в западноевропейской публицистике XIV в. В кн. Славяне и Запад, М., 1975.

Недосекин В. И. Лже-Петр III — царь Черногории. Эпизоды из истории борьбы южнославянских народов с турецкими поработителями. Науч. труды Кубанского ун-та, 1975, вып. 192.

Недлы М. Создание 1-го Чехословацкого армейского корпуса и его роль в освобождении Чехословакии. Воен.-ист. журн., 1975, № 6.

Немец Ю. Некоторые особенности опыта развития социалистической революции в Чехословакии и критика ревизионистских взглядов. В кн. Общие закономерности и разнообразие форм развития социалистической революции. М., 1975.

Нерод В. О. Солідарність трудящих УРСР з політичними в'язнями капіталістичної Польщі. (1929—1933 рр.) Укр. іст. журн., 1975, № 5.

Новотный Л. Чехословакия: 30 лет со дня освобождения от фашистских захватчиков. Полит. самообразование, 1975, № 5.

Орел В. Магистралью социализма. (К 30-летию освобождения Чехословакии Советской Армией.) Мировая экономика и междунар. отношения, 1975, № 5.

Палуян У. А. Барацьба працоўных Заходняй Беларусі за сацыяльнае і нацыянальнае вызваленне і ўз'яднанне з БССР (1921—1929 гг.). В кн. Гісторыя Беларускай ССР. Т. 4. Мінск, 1975.

Палуян У. А. Рэвалюцыйны рух у 1929—1939 гг. Барацьба камуністаў за ўтварэнне антыфашысцкага народнага фронту. В кн. Гісторыя Беларускай ССР, т. 4. Мінск, 1975.

Петросян Ю. А. Из истории пропаганды доктрины османизма на Балканах (По материалам библиотек и архивов Сараева). В кн. Тюркологический сборник. 1973. М., 1975.

Писарев Ю. А., Сумарокова М. М. Комиссия историков СССР и СФРЮ. Вопр. истории, 1975, № 4.

Плева Я. Интернациональная сущность Словацкого национального восстания. Вопр. истории, 1975, № 4.

Подградская Е. М. Таможенная политика русского государства по отношению к кучеству стран Юго-Восточной Европы, входивших в состав Оттоманской империи (XVII в.). В кн. Карпато-Дунайские земли в средние века. Кишинев, 1975.

Раткош П. Характер «первого» и «второго» крепостничества в истории Словакии. В кн. Карпато-Дунайские земли в средние века. Кишинев, 1975.

Рогов А. И. Польша в русских исторических и географических сочинениях XVII в. В кн. Славяне и Запад. М., 1975.

Розкоки слов'янських пам'яток на території НДР (Огляд публікацій). «Археологія». 1975, № 16.

Ряженцев Ю. В единой семье социалистического содружества. К 30-летию освобождения Чехословакии от фашистских захватчиков. «Коммунист Узбекистана», 1975, № 5.

Сандалов Л. М. Освобождение Чехословакии. «Новая и новейшая история», 1975, № 3.

Семиряга М. И. Советская помощь европейскому движению Сопротивления. Вопр. истории КПСС, 1975, № 4.

Советов П. В. Типологические аспекты молдавского феодализма (в период турецкого ига и в проектах о вступлении в подданство России, Польши и Австрии). В кн. Карпато-Дунайские земли в средние века. Кишинев, 1975.

Телегин Ф. Н. Использование фашистской Германией экономического потенциала Балканских стран во второй мировой войне. Науч. труды Кубанского ун-та, 1975, вып. 192.

Фадеева И. Е. Реформаторская деятельность Мидхат-паши в Болгарии в 60-х годах XIX в. В кн. Тюркологический сб., 1973. М., 1975.

Флорья Б. Н. Россия и походы запорожцев в Молдавию в 70-х годах XVI в. В кн. Карпато-Дунайские земли в средние века. Кишинев, 1975.

Фрейденберг М. М. Город и влады в Далмации (XIV—XVI вв.). В кн. Карпато-Дунайские земли в средние века. Кишинев, 1975.

Цепилевски Е. Особенности развития народно-демократической революции в Польше. В кн. Общие закономерности и разнообразие форм развития социалистической революции. М., 1975.

Чернявский Г. И. Крах змови російських білогвардійців у Болгарії. Укр. іст. журн., 1975, № 6.

Чистяков В. В. Роза Люксембург и российская социал-демократия в начале XX века (1900—1904 гг.). В кн. Проблемы международных отношений и освободительных движений. Сб. трудов. М., 1975.

2. Культура

Айзеншток И. Я. Арбузова И. В. В. Ягич — интерпретатор русской литературы XVIII века. В кн. XVIII век. Сб. 10. Русская литература XVIII века и ее международные связи. Л., 1975.

Атанасов П. Московские старопечатные Прологи и болгарские рукописные книги в XVII—XVIII вв. В кн. Рукописная и печатная книга. М., 1975.

Баскаков В. Н. Литературоведческая русистика в журнале «Przegląd Humanistyczny» (1970—1974). Рус. лит., 1975, № 3.

Белосусов В. Мемориальные сокращения Югославии. В кн. Зодчество. М., 1975.

Бондар Л. П. Деякі аспекти вивчення зв'язків і взаємодій у сучасному літературознавстві. Укр. слов'язознавство, 1975, вип. 11.

Бухнер А. Оскар Неббал во главе венского Оркестра общества музыкантов. В кн. Славяне и Запад. М., 1975.

Валицкий А. Беседа с польским историком философии А. Валицким. Науч. докл. высш. школы Филос. науки, 1975, № 2.

Васевський К. Уроки чистої любові. «Всесвіт», 1975, № 6.

Войнов Л. И. Совещание редакторов философских и социологических журналов социалистических стран. (Будапешт, октябрь — ноябрь 1974 г.). Вопр. философии, 1975, № 3.

Выка К. О единстве и многообразии польской литературы XX века. В кн. Современная литературная критика европейских социалистических стран. М., 1975.

Выслужил Й. Моравский и славянский фольклор как стилеобразующий элемент музыки Яначка. В кн. Славяне и Запад. М., 1975.

Гомоннай В. В. Народна освіта в соціалістичних країнах Європи. Рад. школа, 1975, № 5.

Гудец В. О развитии журналистики СССР после освобождения страны Советской Армией. Вестн. Моск. ун-та. Журналистика, 1975, № 2.

Гутри М. Развитие детских библиотек Польши на протяжении полувека. В кн. Библиотекведение и библиография за рубежом, вып. 52. М., 1975.

Димитрова И. Волшебница слова (Творчество Д. Габе). Дет. лит., 1975, № 6.

Дмитриев Л. А. К вопросу об издании памятников Тырновской книжной школы. Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1975, т. 34, № 2.

Добрев Ч. Идеи и изобразительность. (Основное направление в болгарской литературе 50—70-х гг. XX в.) В кн. Современная литературная критика европейских социалистических стран. М., 1975.

Добрынина Е. Шесть вечеров в Софии. (IV смотр произведений молодых болгарских композиторов.) Сов. музыка, 1975, № 6.

Достал В. Судьбы социалистического реализма у нас. В кн. Современная литературная критика европейских социалистических стран. М., 1975.

Дылевский Н. М. Русская и украинская историография XVIII столетия и «История во кратце о болгарском народе славянском» Спиридона (1792). В кн. XVIII век. Сб. 10. Русская литература XVIII века и ее международные связи. Л., 1975.

Зарев П. К новым вершинам в отображении нашей социалистической современности (Доклад на Втором съезде

Союза болгарских писателей). В кн. Современная литературная критика европейских социалистических стран. М., 1975.

Захаркина Д. А. О системе педагогического образования родителей по месту жительства в ПНР. В кн. Вопросы идейно-политического и нравственного воспитания учащихся. М., 1975.

Игнатов М. Тема второй мировой войны в польской публицистике последних лет. Обзор. Соврем. худож. лит. за рубежом, 1975, № 2.

Каранфилов Е. Творческое начало в социалистическом труде и в нашей прозе. В кн. Литература в изменяющемся мире. Актуальные проблемы соврем. идейно-эстет. борьбы. М., 1975.

Касвин Г. 30 лет строительства социалистической школы в Чехословакии. Нар. образование, 1975, № 5.

Качинский Т. Из бесед с Витольдом Лютославским. Сов. музыка, 1975, № 8.

Кернер Д. Прага в жизни Моцарта. В кн. Славяне и Запад. М., 1975.

Кишкин Л. С. «Старослов'янський цикл Вацлава Фіали» Укр. слов'язознавство, 1975, вип. 11.

Клементьев С. В. Творчество М. Шолохова в Народной Польше. Вестн. Моск. ун-та. Филология, 1975, № 3.

Козак Я. Настоящее и будущее. (30-летие развития чешской литературы.) Вопр. лит., 1975, № 5.

Колевски В. Социалистический реализм в болгарской литературе. В кн. Литература в изменяющемся мире. Актуальные проблемы соврем. идейно-эстет. борьбы. М., 1975.

Колтунов Р. Опыт использования вычислительной техники в управлении народным образованием в НРБ. Сов. педагогика, 1975, № 6.

Конечный Д. О жизни народа. Живопись, скульптура и графика современной Чехословакии. «Творчество», 1975, № 6.

Копистянська Н. Х. Статті С. К. Неймана про Закарпаття у чеській літературі. Укр. слов'язознавство, 1975, вип. 11.

Коссак Б. Демократизм, идейность, творчество. (Политика социалистической Польши в области культуры.) «Проблемы мира и социализма», Прага, 1975, № 5.

Круть Ю. З. Збирання фольклору слов'янського населення УРСР. Нар. творчість та етнографія, 1975, № 4.

Кулешов В. И., Николаева Н. В. У литературоведов-русистов Чехословакии. Вестн. Моск. ун-та. Филология, 1975, № 3.

Кулябко Е. С., Соколова Н. В. Утраченная переписка М. В. Ломоносова с польским пиаром Е. Цяпинским. В кн. XVIII век. Сб. 10. Русская

литература XVIII века и ее международные связи. Л., 1975.

К ш и ж а к о в а К. Восстановление Варшавского замка. «Архитектура СССР», 1975, № 8.

Левый И. Теория информации и литературный процесс. В кн. Структурализм: «за» и «против». М., 1975.

Лозинський І. М. Тема поезії і революції у творчості Ладо Новомеського 60-х років. Укр. слов'янознавство, 1975, вип. 11.

Лужный Р. Древнепольская традиция в литературе русского Просвещения. В кн. XVIII век. Сб. 10. Русская литература XVIII века и ее международные связи. Л. 1975.

Малыарчик Я. Идея миру в политической думці польского Відродження. Вісн. Львів. ун-ту. Сер. юрид., 1975, вип. 14.

Матль Й. Ф. Я. Янкович и австро-сербско-русские связи в истории народного образования в России. В кн. XVIII век. Сб. 10. Русская литература XVIII века и ее международные связи. Л., 1975.

Матхаузерова С. «Собрание разных песен» Чулкова и «Славянские народные песни» Челаковского. В кн. XVIII век. Сб. 10. Русская литература XVIII века и ее международные связи. Л., 1975.

Машинский С. И. «Литературные разговоры» в Загребе. В кн. Машинский С. И. Слово и время. Статьи. М., 1975.

Музыка на службе идей интернационализма. Встречи главных редакторов музыкальных журналов европейских социалистических стран. Москва, 1975 г. Сов. музыка, 1975, № 5.

Мукарежовский Я. Преднамеренное и непреднамеренное в искусстве. В кн. Структурализм: «за» и «против». М., 1975.

Навроцкий В. Рабочая тема: дискуссия, достижения, перспективы. В кн. Современная литературная критика европейских социалистических стран. М., 1975.

Небесник И. М. Строительство социалистической школы в Чехословакии. В кн. Культурное строительство в европейских странах социализма. Киев, 1975.

Недогозов А., Мулников А. Slavonic and Balkan studies. (Славяно-балканские исследования в Советском Союзе 70-х гг.) «Social sciences», М., 1975, № 2.

Ноневич Г. Взгляды И. Лелевеля на некоторые вопросы экономической теории. «Экономика», 1975, т. 13, вып. 1.

Общее богатство социалистических литератур. Вопр. лит., 1975, № 8.

Павлов Т. Социалистический реализм не догма, а творческий метод. В кн. Литература в изменяющемся мире. Актуальные проблемы соврем., идейно-эстет. борьбы. М., 1975.

Петерайова Л. На подъеме. (Современное словацкое изобразительное искусство.) «Творчество», 1975, № 6.

Плавец Й. Исследователь и другая чешская и словацкая музыки. (И. Ф. Бэлза.) В кн. Славяне и Запад. М., 1975.

Плавка А. Панорама свершений. (30-летие развития чешской литературы; творческие планы писателей). Вопр. лит., 1975, № 5.

Полянина Т. В. Проблемы культуры на з'їзді славистів. (VII Международный съезд славистов. Варшава, 1973) Укр. слов'янознавство, 1975, вип. 11.

Прутица С. Ю. Борьба Коммунистической партии Чехословакии за преодоление ревизионизма и оппортунизма в области культуры (1969—1971 гг.). В кн. Культурное строительство в европейских странах социализма. Киев, 1975.

Путилов Б. Н. О современной фольклористике Югославии. Сов. этнография, 1975, № 4.

Ритчик Ю. И. Шекспировские спектакли в пражском Временном театре. В кн. Славяне и Запад. М., 1975.

Рудзинский В. О значении и роли музыки Станислава Монюшко. В кн. Славяне и Запад. М., 1975.

Свирида И. И. Иностранцы художники в Польше (конец XVIII — первая треть XIX в.). В кн. Славяне и Запад. М., 1975.

Селиванов А. К. Братское сотрудничество вузов СССР и Польши. Вестн. высш. школы, 1975, № 6.

Сиверт Т. Польский эмигрант Ян Чиньский и парижский театр XIX в. В кн. Славяне и Запад. М., 1975.

Сидоров А. А., Злыднев В. И. И. Ф. Бэлза как историк культуры. В кн. Славяне и Запад. М., 1975.

Славинский Я. К теории поэтического языка. В кн. Структурализм: «за» и «против». М., 1975.

Слізінський Е. Владислав Сирокомля у Чехословаччині. Укр. слов'янознавство, 1975, вип. 11.

Снижкова Й. Многоголосие в музыке чешского Ренессанса. В кн. Славяне и Запад. М., 1975.

Сохань П. С. Единство национального и интернационального в болгарской социалистической культуре. В кн. Культурное строительство в европейских странах социализма. Киев, 1975.

Список печатных работ И. Ф. Бэлзы. В кн. Славяне и Запад. М., 1975.

Стецяк И. П. Основные этапы развития народного образования в социалистической Югославии. В кн. Культурное строительство в европейских странах социализма. Киев, 1975.

Стойков А. Болгарские художники в антифашистской борьбе. «Искусство», 1975, № 5.

Титова Л. Н. Любительский театр и чешская культура XIX в. В кн. Славяне и Запад. М., 1975.

Тодоров Ц. Поэтика. В кн. Струтурализм: «за» и «против». М., 1975.

Уханова И. Н. Русско-сербские культурные связи в XVII—XVIII вв. (По материалам декоративно-прикладного искусства). В кн. Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1974. М., 1975.

Федоренко Л. Р. Решение задач культурной революции в Польской Народной Республике. В кн. Культурное строительство в европейских странах социализма. Киев, 1975.

Хоминьский Ю. Кароль Шпмановский и западноевропейская музыка. В кн. Славяне и Запад. М., 1975.

Хорев В. Поиски и перспективы (Заметки о польском романе последних лет). В кн. Современная литература за рубежом. Сб. 4. М. Сов. писатель, 1975.

Шабловская И. В. Эволюция жанра романа в творчестве Вацлава Ржезача. Весн. Беларус. ун-та. Филологія, журналістыка, педагогіка, псіхалогія, 1975, № 1.

Шайкевия Б. О. Болгарська лірична поезія і портретний живопис першого десятиріччя ХХ століття. Укр. слов'янознавство, 1975, вип. 11.

Швачкин В. Польская поэтическая Лениниана. «Кодры», 1975, № 4.

Шестакова Е. Литературоведы из ПНР о современной советской и польской литературе. Вестн. Моск. ун-та. Филология, 1975, № 4.

Шматлак С. Партия и литература в социалистическом обществе. В кн. Современная литературная критика европейских социалистических стран. М., 1975.

Штолл Л. К вопросу о критериях модерности и прогрессивности искусства. В кн. Современная литературная критика европейских социалистических стран. М., 1975.

Шуб Ю. Советские пьесы в театрах Чехии и Словакии. «Театр», 1975, № 5.

3. Наука

Белицка Л. Национальная система тезаурусов. Проблемы создания и развития Междунар. системы науч. и техн. информации, 1975, вып. 1.

Быков А. Н. Вопросы совершенствования управления деятельностью международных научно-технических организаций. В кн. Международная науч.-техн. конференция ученых и специалистов стран — членов СЭВ и СФРЮ по проблеме «Организация управления социалистическим промышленным производством» М., 1975. Тезисы докладов. Сек. 7. М., 1975.

В. П. Деятельность Проблемной комиссии многостороннего сотрудничества академий наук социалистических стран «Рабочий класс в мировом революционном процессе». (Важнейшие мероприятия

в 1972—1974 гг.). В кн. Рабочий класс в мировом революционном процессе. М., 1975.

Голембевски Я. Новое научно-исследовательское учреждение в Польше — Институт рабочего движения. В кн. Рабочий класс в мировом революционном процессе. М., 1975.

Гроте К. Некоторые аспекты многостороннего сотрудничества академий наук социалистических государств. Экон. сотрудничество стран — членов СЭВ, 1975, № 2.

Грязнова У. Г. Наукова работа студентів — славистів. Укр. слов'янознавство, 1975.

Гудков В. П. На международном симпозиуме славистов в Югославии. Вестн. Моск. ун-та, Филология, 1975, № 3.

Дробичева Л. М. Международный симпозиум по методологическим проблемам этнографического изучения современного социалистического быта и культуры. Сов. этнография, 1975, № 1.

Дуков В. И. Научно-техническая революция и социальный прогресс. (Междунар. симпозиум ученых и специалистов стран — членов СЭВ и СФРЮ). В кн. Вопросы истории естествознания и техники, вып. 4 (49). М., 1975.

Зотова К. И. И. И. В текущей национальной библиографии европейских социалистических стран. Проблемы создания и развития Междунар. системы науч. и техн. информации, 1975, вып. 1.

Ильин М. О роли и месте международных научно-производственных объединений в интеграционных процессах стран СЭВ. В кн. Международная науч.-техн. конференция ученых и специалистов стран — членов СЭВ и СФРЮ по проблеме «Организация управления социалистическим промышленным производством». М., 1975. Тезисы докладов. Сек. 7. М., 1975.

Киселев Н. А. Из опыта классификации тератологических композиций в памятниках южнославянской и русской письменности XI—XIII вв. В кн. Карпато-Дунайские земли в средние века. Кишинев, 1975.

Кшижановски Л. И., Пельп К. И. Система управления научно-исследовательской деятельностью: высшего учебного заведения. В кн. Международная науч. техн. конференция ученых и специалистов стран — членов СЭВ и СФРЮ по проблеме «Организация управления социалистическим промышленным производством». М., 1975. Тезисы докладов. Сек. 5. М., 1975.

Леяровский Е. Научные проблемы — совместными усилиями. Экон. сотрудничество стран — членов СЭВ, 1975, № 2.

Ливанцев К. Е. Государственно-правовая мысль периода польского Просвещения. Изв. высш. учеб. заведений. Правоведение, 1975, № 2.

Лилов А. Активное сотрудничество — насущная потребность ученых социалистических стран. В кн. Рабочий класс в мировом революционном процессе. М., 1975.

Лось И. Д. Трибуна люду — спадкоємниця робітничої та комуністичної преси Польщі. Укр. слов'янознавство, 1975, вип. 11.

Морозова И. С. Журнал «Социологические проблемы» в 1973—1974 годах. Социол. исследования, 1975, № 2.

Папазов Н. Социализм и наука. «Проблемы мира и социализма», Прага, 1975, № 5.

Пивоваров Ю. Л. Стронгина М. Л. Комитет территориально-экономического развития страны Польской Академии наук. Изв. АН СССР. Сер. геогр., 1975, № 2.

Присуждение Государственной Димитровской премии авторам «Атласа Народной Республики Болгарии». Изв. АН СССР. Сер. геогр., 1975, № 2.

Путилов Б. Н. Встреча славистов в Югославии. (IV Международная научная встреча славистов. Белград — Нови Сад, сентябрь 1974 г.) Сов. этнография, 1975, № 3.

Рафалович И. А. К вопросу о степени влияния Византии на материальную культуру населения Карпато-Днепровских земель в VI—IX вв. В кн. Карпато-Дунайские земли в средние века. Кишинев, 1975.

Рендош Л. О задачах Братиславской высшей экономической школы по подготовке экономических кадров в рамках социалистической интеграции. Экон. проблемы эффективности производства, 1973, вып. 2.

Рузевич Е. С. И. Вавилов и польская наука. В кн. Вопросы истории естествознания и техники, вып. 4 (49). М., 1975.

Савушкина Н. И. Три недели в Софийском университете. Вестн. Моск. ун-та. Филология, 1975, № 3.

Сидоров Н. И. Управление экономическими исследованиями в странах — членах СЭВ и проблемы научного сотрудничества в этой области. В кн. Международная науч.-техн. конференция ученых и специалистов стран — членов СЭВ и СФРЮ по проблеме «Организация управления социалистическим промышленным производством». М., 1975. Тезисы докладов. Сек. 5. М., 1975.

Смирнов С. Н., Урманчеев М. А. Актуальные проблемы общественных наук и сотрудничество обществоведов социалистических стран. Вопр. филология, 1975, № 5.

Собецки А. Научно-техническая информация в системе сотрудничества стран — членов СЭВ. Интервью главной редакции на IX заседании Комитета постоянных представителей МЦНТИ. Экон.

сотрудничество стран — членов СЭВ, 1975, № 2.

Степанов Е. И. О некоторых проблемах становления науки социального управления в Болгарии. Науч. доп. вып. школы. Науч. коммунизм, 1975, № 3.

Сцибор Е. Общая концепция применения ИПЯ в общепольской национальной автоматизированной системе научной и технической информации. Проблемы создания и развития Междунар. системы науч. и техн. информации, 1975, вып. 1.

Тихомирова Т. С. Польские ученые в МГУ. Вестн. Моск. ун-та. Филология, 1975, № 3.

Федосеев П. Н. Важная область сотрудничества ученых. (Интервью П. Н. Федосеева в связи с Совещанием представителей академий наук социалистических стран. Совместные исследования социально-экономических, политических и идеологических проблем.) «Новое время», 1975, 26 фев. № 9

4. Язык

Гудков В. П. На международном симпозиуме славистов в Югославии. Вестн. Моск. ун-та. Филология, 1975, № 3.

Иванов В. В. К типологическому анализу внутренней формы праслав. *čelověk* 'человек'. В кн. Этимология. 1973. М., 1975.

Куркина Л. В. Славянские этимологии III. В кн. Этимология. 1973. М., 1975.

Львов А. С. Тюркизм ли старославянское ТЬЛО? В кн. Этимология. 1973. М., 1975.

Мещерский Н. А. Древнеславянский — общий литературно-письменный язык на раннем этапе культурно-исторического развития всех славянских народов. Вестн. Ленингр. ун-та, 1975, № 8. История, яз., лит., вып. 2.

Нерознак В. П. Албанский — иллирийский — мессапский. Проблемы родства. В кн. «Античная балканистика 2». М., 1975.

Ольгович С. И. К вопросу о семантическом усвоении старославянизмов в русском языке. Уч. зап. Томского ун-та, 1975, № 92. Вопр. рус. яз. и его говоров, вып. 3.

Пенева С. Ж., Цицюра Л. Ф. Некоторые вопросы сопоставительной характеристики фонетических систем русского и болгарского языков. Вісн. Київського ун-ту. Сер. філології, 1975, № 17.

Петлева И. П. Этимологические заметки по славянской лексике. III. В кн. Этимология. М., 1975.

Прыходзька М. А. Некаторыя пытанні дапаасавання выказніка да дзейніка у сербахарвацкай, славенскай і беларускай мовах. Беларус. мова і мовазнаўства, 1975, вып. 3.

Свяжынскі У. М. Польска-беларуская фанетычная інтэрферанцыя у «Дзеньніку» Ф. Еулашоускага. Весті АН БССР. Сер. Грамад. навук, 1975, № 4.

Семчинский С. В. Билингвизм и заимствование метафор. (На материале сла-

вяно-восточно-романских языковых контактов.) Науч. докл. высш. школы. Филол. науки, 1975, № 4.

Трубачев О. Н. Несколько древних латинско-славянских параллелей. В кн. Этимология. 1973. М., 1975.

СОДЕРЖАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛОВ

«Przeгляд Historyczny», 1975, № 2

Т. Грудзинский. Характер и значение присяги Мешко Болеславица, принесенной в Магдебурге в 1013 г.; С. Руссоцкий. Начало сословно-представительских учреждений в Центральной Европе; М. Згурняк. Международная ситуация Польши в начале 30-х годов XX в.; А. Хойновский. «Союз мазур» в Дзялдово в 1935—1939 годах.

«Z pola walki», 1975, № 2

А. Жарновская. Революция 1905—1907 гг. и политическая активизация рабочего класса Королевства Польского; П. Лоссовский. Революционные восстания в прибалтийских губерниях России в 1905 г.; Л. Яськевич. Политический облик земского движения в России накануне революции 1905—1907 гг.; А. Акритакис. Коммунистическая партия Греции и греческое движение Сопротивления в 1941—1945 гг.

«Československý časopis historický», 1975, № 4

А. И. Недорезов. КПЧ — организатор победы социалистической революции; Й. Гржибек. Образование и развитие национального фронта в течение национально-освободительной борьбы; Г. Крачмарова. Чешские студенты высших школ в революционных событиях весной 1945 г.; В. Блодич. Борьба чехословацкого народа за освобождение Эрста Тельмана в 30-х годах; В. Грохова, М. Грох. Миф крестовых походов в буржуазной историографии; К. Герман. Западногерманские работы о чехословацких легионах в России; М. Карны. «Второй тур».

«Historický časopis», 1975, № 2

М. Вартикова. Общесловацкая деловая конференция КПЧ в Кошицах — вклад в разработку государственной программы первого правительства Нацио-

нального фронта чехов и словаков М. Потемра. Венгерское избирательное право и выборы в Словакии в 1904—1914 гг.; В. Немцова. Организация и монополизация международной лесоторговли в 1918—1938 гг.

«Slovanský přehled», 1975, № 3

В. Краль. Накануне Пражского восстания. Образование первого правительства Национального фронта; Я. Пиволуска. Продвижение Советской Армии к границам Чехословакии и отклики на это продвижение в словацком движении Сопротивления; Л. Я. Гибанский. Юго-Восточная Европа в отношениях ведущих держав антигитлеровской коалиции от Ялты до Потсдама; Б. Легар. Экономическое сотрудничество ГДР и ЧССР в 1960—1975 гг.

«Jezik», 1974—1975, № 3

С. Бабич. Кайкавское ё в литературном языке; Ж. Беланович. Фонологическая и морфологическая обусловленность образования этнонимов с помощью суффикса *anac*; Д. Алерич. Еще о необходимости честной адаптации диалектных географических названий и фамилий.

«Jezik in slovstvo», 1974/75, № 5

М. Кмецл Памяти Франце Коблара. Заметки к сербохорватскому (и словенскому) этимологическому словарю; Ф. Безлай. Словенск. *hrobati* 'глотать, грызть' и родственные; А. Шивиц-Дулар. 16. Словенск. *razposajen*; Й. Топоришич. Словенские местоимения; В. Погорелец. Дополнение к сказуемому в словенском синтаксисе; Я. Градишник. О норме в литературном языке; Б. Якопич. Употребление и смысл некоторых выражений для обозначения расстройств слуха и речи; Й. Шиффер. Славистическая экскурсия в область Шкофья Лока; Й. Коружа. Славистическая деятельность Братка Крефта (к семидесятилетию).

VII ВСЕСОЮЗНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ИСТОРИКОВ-СЛАВИСТОВ

VII Всесоюзная научная конференция историков-славистов, проведенная Министерством высшего и среднего специального образования СССР, Министерством высшего и среднего специального образования УССР, Институтом славяноведения и балканистики АН СССР и Черновицким государственным университетом 24—27 июня 1975 г. в г. Черновцы, была посвящена 30-летию великой победы советского народа в войне с фашистскими захватчиками и освобождению зарубежных славянских народов от гитлеровских оккупантов, 70-летию первой русской революции, 40-летию VII конгресса Коминтерна и 100-летию национально-освободительного восстания в Боснии и Герцеговине. Форумы славистов стали хорошей традицией подведения итогов научных исследований за определенный период. Причем с каждой последующей конференцией они становятся все более представительными и в них принимает участие все большее количество научной молодежи.

Конференцию открыл заместитель председателя Оргкомитета, заведующий кафедрой всеобщей истории Черновицкого университета И. М. Теодорович. От имени ректората и парткома университета участников конференции тепло приветствовал проректор по научной работе С. С. Костышин. Он рассказал об успехах университета за годы Советской власти, о подготовке к 100-летию юбилею вуза, об обязательствах коллектива к XXV съезду КПСС.

Второй секретарь Черновицкого областного комитета компартии Украины В. И. Слинченко в докладе «Социалистические преобразования в Черновицкой области» рассказал о тех огромных изменениях, которые произошли за годы социалистического строительства в жизни трудящихся некогда отсталого края. Северная Буковина, бывшая полуколония в самом центре Европы, превратилась благодаря заботе Коммунистической партии и Советского правительства в высокоразвитую в экономическом и культурном отношении область, отметившую 28 июня 1975 г. 35-летие воссоединения с Советской Украиной в едином Союзе Советских Социалистических Республик.

С докладом «Великая Отечественная война Советского Союза и освободительная

антифашистская борьба народов зарубежных славянских стран», подготовленным совместно с В. С. Парсадановой, И. И. Попом и Г. М. Славиным, выступил заведующий сектором Института славяноведения и балканистики АН СССР Л. Б. Валев. В докладе широко обобщено влияние борьбы советского народа за подъем движения Сопротивления славянских народов против гитлеровских оккупантов, показана большая помощь Советского Союза этому движению, роль марксистско-ленинских партий рабочего класса в организации национально-освободительной антифашистской борьбы, в осуществлении антифашистских, демократических, а затем социалистических преобразований в славянских странах.

В докладе «Изменение социально-классовой структуры общества социалистических стран Европы в процессе строительства социализма» заместитель директора того же института А. И. Недорезов рассмотрел в обобщающе-теоретическом плане сложный процесс превращения классово-антагонистического общества в общество единства рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции, подчеркнув, что эта перестройка происходит под воздействием объективных законов развития социалистического общества.

Заведующая отделом Института истории АН УССР И. Н. Мельникова в докладе «Национальный фронт в европейских странах народной демократии и его роль в строительстве социализма» дала теоретически-обобщенную оценку роли национальных фронтов во всех европейских странах, ставших на путь социализма после второй мировой войны. Национальный фронт как массовое общественно-политическое движение зарождался и развивался под руководством марксистско-ленинских партий в ходе войны и после ее окончания. Его органы брали на себя зачастую функции органов народной власти на местах и в центре. Национальный фронт в зависимости от конкретно-исторических условий той или иной страны охватывал политические и общественные силы от сугубо народно-демократических до буржуазных. Через него проходила своеобразная фильтрация общественно-политических отношений в каждой стране. В настоящее время фронт объединяет

под руководством коммунистов все общественно-политические силы на борьбу за построение развитого социализма.

С информацией об основных проблемах преподавания курса истории южных и западных славян в вузах страны выступил заведующий кафедрой истории южных и западных славян Московского университета В. Г. Карасев. Он охарактеризовал преподавание курса, а также остановился на проблемах специализации. В. Г. Карасев акцентировал внимание на необходимости скорейшего издания двух учебников по курсу, подготовленных кафедрой Московского университета и коллективом ученых вузов Украины.

В дальнейшем работа конференции проходила в шести секциях и девяти подсекциях.

Первая секция объединяла тематику «Социалистические революции и строительство социализма в зарубежных славянских странах». В ее составе работали две подсекции: первая — по проблемам социалистического строительства и вторая — сотрудничества социалистических стран.

На заседаниях первой подсекции особое внимание уделялось проблеме: социальная структура, классы и классовые отношения (включая и неславянские социалистические страны). В докладах раскрывались: роль, место классов и общественных слоев в социальной структуре; отношения между ними; процесс ликвидации эксплуататорских классов; изменения в социальной структуре деревни в ходе кооперирования сельского хозяйства. Поднимались также вопросы историографии. Все доклады подсекции были представлены учеными из Института славяноведения и балканистики АН СССР. Тема выступления Б. И. Желицкого — «К проблеме классовых отношений в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в период построения основ социализма», М. И. Копашевой — «К вопросу о классовых отношениях в славянских странах социализма в 60-х — начале 70-х годов XX ст.», Т. А. Покивайловой — «Изменение социальной структуры деревни в европейских социалистических странах в ходе социалистического преобразования сельского хозяйства», В. И. Беляевой — «Некоторые проблемы развития европейских социалистических стран в буржуазной историографии 70-х годов».

С содержательными сообщениями по этой же проблеме выступили Я. С. Хонигсман (Тернопольский финансово-экономический институт), А. И. Черный (Ровенский пединститут), В. В. Сузарев (Институт истории партии при ЦК Компартии Украины), А. Н. Росинский (Институт общественных наук АН УССР). Несколько обособленно от общей направленности проблематики прозвучало интересное сообщение К. Л. Жигин

(Институт истории АН МССР), касавшееся вопроса о подготовке мирного договора с Болгарией в 1945—1947 гг.

Работа подсекции показала, что необходимо и далее изучать важные вопросы классовой структуры общества и отношений между классами в период социалистического строительства. При этом следует углубленно изучать вопросы периодизации строительства социализма, развитого социалистического общества, социальной структуры, места и роли рабочего класса, кооперированного крестьянства, интеллигенции в современном социалистическом обществе.

В интересных выступлениях И. В. Пименовой (Институт славяноведения и балканистики), Р. А. Зозуляк (Институт общественных наук АН УССР), Т. И. Бушиной (Черновицкий университет), Л. Г. Федоренко (Запорожский машиностроительный институт); освещались вопросы развития культуры, просвещения, воспитательной и идеологической работы в социалистических странах Европы.

Особо следует отметить обращение к тематике идейно-воспитательной работы среди молодежи. Р. М. Постоловский (Ровенский пединститут) рассказал об идейно-политической работе Коммунистической партии Чехословакии по коммунистическому воспитанию молодежи в последнем пятилетии, А. Е. Петруников (Институт истории АН БССР) — об участии комсомола Болгарии в социалистическом строительстве.

На заседаниях второй подсекции освещались вопросы взаимоотношений социалистических стран Европы.

Обстоятельный доклад «Развитие социалистического содружества и формирование новых межгосударственных и международных отношений» сделал А. Я. Манусевич (Институт славяноведения и балканистики). Доклады И. А. Петерса (Институт истории АН УССР) «Чехословакия и проблема европейской безопасности в 1949—1960 гг.» и В. Н. Белановского (Ленинградский университет) «X съезд Союза коммунистов Югославии о вступлении страны в новый этап строительства социализма» касались более узких, но не менее важных проблем развития зарубежных славянских стран, их взаимоотношений с Советским Союзом и друг с другом, а также с развитыми капиталистическими странами.

В. К. Мороз (Институт общественных наук АН УССР) касался вопросов сосуществования двух мировых систем и идеологической борьбы в современном мире, С. В. Бакалейко (Киевский институт инженеров гражданской авиации) — вопроса о научно-техническом сотрудничестве стран — членов СЭВ в области сельского хозяйства.

А. А. Янин (Московский институт международных отношений) остановился на советско-чехословацких отношениях в

1945—1949 гг. Е. В. Пилишек, А. С. Аникеев, А. Ф. Носкова и Т. Ю. Григорьянц (Институт славяноведения и балканистики) — соответственно, на советско-польском сотрудничестве в области просвещения и науки в 1944—1950 гг., проблеме нормализации советско-югославских отношений и позиции США в этом вопросе, Згожедецком договоре 1950 года между ПНР и ГДР и проблеме нормализации отношений ПНР с ФРГ на основе договора 1970 г.

В ряде сообщений рассматривались связи советских республик или их общественных организаций с зарубежными славянскими странами. В частности, в выступлениях Л. Д. Чекаленко (Киевский университет) и Б. П. Крачковского (Институт общественных наук АН УССР) поднимались вопросы о вкладе Украинской ССР в советско-польское научно-техническое сотрудничество в 1945—1975 гг., о развитии связей между трудящимися государственных сельскохозяйственных предприятий УССР с трудящимися соответствующих предприятий зарубежных социалистических стран. М. Д. Римша (Винницкий пединститут) построил свое выступление на оригинальном материале о сотрудничестве трудящихся Хмельницкой области УССР с трудящимися Силистринского округа Народной Республики Болгарии.

Белорусские ученые (Институт истории АН БССР) Л. П. Мирочичкий, С. А. Кузняева, Н. Е. Коваленко и В. С. Толстой осветили вопросы: вклад Белорусской ССР в развитие советско-чехословацкого научного сотрудничества (1964—1974 гг.), роль БССР в общественно-политическом сотрудничестве Советского Союза и Народной Республики Болгарии (1960—1970 гг.), сотрудничество комсомола Белоруссии с организациями союзов молодежи социалистических стран и вклад общественных организаций республики в советско-польское сотрудничество в 1959—1974 гг.

А. И. Доронченков (Институт философии АН УССР) вместе с первым секретарем Самаркандского горкома компартии Узбекистана Ш. Файзиевым подготовил выступление о рабочих Болгарии в трудовых коллективах Узбекистана (1957—1959 гг.). А. Мирзаев (Самаркандский пединститут) остановился на культурных и научных связях Советского Узбекистана с НРБ.

В. М. Фомин (Московский университет) рассмотрел развитие высшего образования в Югославии, а Маниев из того же университета — историографию советско-болгарских отношений 1944—1950 гг.

Участники второй секции занимались проблемой «Победа над фашизмом и установление народно-демократического строя в зарубежных славянских странах». В составе секции также работало две подсекции: первая объединяла тематику борь-

бы против фашистских захватчиков, вторая — становления народно-демократического строя.

На заседаниях первой подсекции обсуждались доклады: М. Е. Моница (Военно-политическая академия им. В. И. Ленина) — «Помощь СССР славянским странам в строительстве регулярных армий в период Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.)», П. М. Калениченко (Институт истории АН УССР) — «Взаимодействие Советской Армии с гражданским польским населением в ходе освобождения Польши (июль 1944 — май 1945 г.)», В. С. Парсадановой (Институт славяноведения и балканистики) — «Интернациональные связи Польской рабочей партии (1942—1944 гг.)», Ю. И. Макара (Черновицкий университет) — «Польский вопрос в отношениях стран антигитлеровской коалиции на завершающем этапе второй мировой войны», Н. И. Туривненко (Донецкий университет) — «Славянский комитет СССР и его деятельность в военные и послевоенные годы», И. И. Попа (Институт славяноведения и балканистики) — «Противоречия среди гитлеровских сателлитов стран Центральной и Юго-Восточной Европы в современной историографии».

Значительное внимание в сообщениях уделялось освещению дружбы и сотрудничества в борьбе против фашизма зарубежных славян с советскими людьми, братской и бескорыстной помощи в этой борьбе со стороны Советского Союза.

Г. И. Жуков (Великолукский сельскохозяйственный институт) рассказал об участии зарубежных славян в советском партизанском движении, Ф. П. Шевченко (Институт истории АН УССР) — об участии южных славян в партизанском движении на Украине, П. П. Брицкий (Черновицкий университет) — о злодеяниях фашизма в оккупированных славянских странах в годы второй мировой войны, В. А. Белоус (Луцкий пединститут) — об участии советских партизанских отрядов в борьбе против оккупантов на территории восточных районов Польши в 1943—1944 гг. О роли советских фронтовых газет на польском языке в укреплении советско-польской дружбы говорила Ж. А. Бондаренко (Киевский пединститут), а о роли печати Войска Польского в этом процессе — Л. В. Ярош (Институт общественных наук АН УССР). И. М. Мирониченко (Тернопольский медицинский институт) остановился на роли ПНР в формировании морально-политического облика воинов народного Войска Польского в 1944—1945 гг., Т. Г. Медоварова (Днепропетровский университет) — на вопросе о боевом сотрудничестве Армии людовой и Батальонов хлопских в 1943—1944 гг., Н. А. Рудой из того же университета — на деятельности польских коммунистов по воссозданию в подполье профсоюзов

(1943—1944 гг.), А. Ф. Носкова (Институт славяноведения и балканистики) — на планах польско-чехословацкой конфедерации в годы второй мировой войны, В. Н. Сухоруков (Крымский областной госархив) — на борьбе против гитлеровской «пятой колонны» в Польше в сентябре 1939 г.

О формировании Чехословацкого армейского корпуса в СССР рассказал А. Д. Марченко (Московский институт инженеров с/х производства), о формах и методах антифашистской борьбы в Чехословакии во время войны — И. М. Гойло (Черновицкий университет), о роли чехословацкой молодежи в антифашистской борьбе в годы войны — Т. Б. Ионова (Высшая комсомольская школа при ЦК ВЛКСМ), об общественно-политической деятельности З. Неядлы во Все-славянском комитете (1941—1945 гг.) — Б. М. Руколь (Московский университет).

А. В. Кузьмин (Харьковский университет) осветил проблему взаимодействия Советской Армии и Народно-освободительной армии Югославии на завершающем этапе войны, М. В. Куян (Криворожский горнорудный институт) — аспекты советской помощи в создании НОАЮ, Л. Н. Дмитриева (Волгоградский политехнический институт) — вопросы экономической помощи СССР Югославии на завершающем этапе Великой Отечественной войны, В. Н. Козак (Харьковский университет) — роль советских людей в партизанском движении Македонии и Черногории (1943—1944 гг.), С. Л. Каиров (Николаевский институт культуры) — тактику КПЮ в восстании 1941 г., Г. М. Славин (Институт славяноведения и балканистики) — значение деятельности Всеславянского комитета для народно-освободительного движения Югославии, Л. Я. Гибианский (Институт славяноведения и балканистики) — проблему периодизации народно-освободительной борьбы и революции в Югославии.

Во второй подсекции с докладом «Проблемы строительства основ социализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы» выступил В. М. Алексеев (Ленинград. Высшая партийная школа). В. В. Марьина (Институт славяноведения и балканистики) сделала доклад на тему «К вопросу о политике коммунистических и рабочих партий стран Центральной и Юго-Восточной Европы по отношению к отдельным слоям крестьянства в народно-демократических революциях», Т. И. Комкова из того же института — «Творческие союзы в системе Национального фронта Чехословакии».

В сообщениях В. В. Беньковского (Белорусский университет), А. А. Мальхина (Институт экономики мировой социалистической системы АН СССР), Е. Ю. Матвеевой (Институт научной информации по общественным наукам АН СССР), С. М. Антоюка (Киевский университет),

И. И. Братанчука (Ленинградский инженерно-строительный институт), И. И. Мельника (Советская группа войск в Германии) рассматривались узловые вопросы развития революционного процесса в Польше в период становления народно-демократического строя, историческая обстановка, соотношение классовых и политических сил и развитие классовой борьбы в Польше в это время, освободительная миссия Советской Армии и помощь СССР польскому народу в возрождении государства и восстановлении экономики, в развитии страны по пути социализма.

Сообщения С. И. Магазинера (Липецкий политехнический институт), Г. Е. Шоймера (Информационный центр библиотеки им. В. И. Ленина), Н. И. Леднева (Харьковский политехнический институт), А. А. Копылова (Каменец-Подольский пединститут) и Т. В. Игнатевой (Институт славяноведения и балканистики) были посвящены победе революции и становлению народно-демократического строя в Болгарии. В них, в частности, рассматривались вопросы о влиянии освободительной миссии Советской Армии на развитие и характер болгарской революции, о стратегии и тактике БКП, характере и историческом значении восстания 9 сентября 1944 г., о деятельности Отечественного фронта в первые годы народной власти.

На заседаниях подсекции состоялся полезный обмен мнениями о современном состоянии исследования узловых вопросов становления и развития народно-демократического строя в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Было обращено внимание на необходимость сравнительно-исторического изучения этого процесса и подготовки обобщающих коллективных трудов, углубленное исследование проблемы интернационального значения опыта социалистического и коммунистического строительства в СССР и его творческого использования коммунистическими и рабочими партиями других социалистических стран.

Третья секция занималась проблемами рабочего, коммунистического и национально-освободительного движения в славянских странах, первая подсекция — в дооктябрьский период, вторая — на первом этапе общего кризиса капитализма.

Из докладов первой подсекции один — И. А. Хрепова (Институт славяноведения и балканистики) «Революция 1905—1907 гг. в России и развитие освободительного движения зарубежных славянских народов» — касался общеславянской тематики. И. И. Белякевич (Львовский университет) сделал доклад «Участие польских интернационалистов в военной подготовке Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде в 1917 году», а П. Н. Серпенинов (Луцкий пединститут) — «Связи русской и польской ре-

волюционной эмиграции с I Интернационалом в начале 70-х годов XIX века», С. С. Гринберг (Донецкий университет) — «Из истории становления болгарской фабричной промышленности».

Половина сообщений этой подсекции была посвящена польской тематике. А. М. Матвеев (Ташкентский университет) проанализировал деятельность польских общественных организаций в Туркестане после Февральской революции, С. А. Малевич (Белорусский университет) показал влияние идей ленинизма на развитие русско-польских революционных связей в конце XIX — начале XX ст., О. Н. Семенова (Институт славяноведения и балканистики) остановилась на роли польской буржуазной партии национальной демократии в Королевстве Польском на рубеже XIX—XX ст., а Л. Е. Волькович (Львовский торгово-экономический институт) показал отношение партии «Пролетариат» к тактике террора.

А. В. Крапивин (Донецкий университет) рассказал о руководстве БРСДП (тесных социалистов) молодежным движением в Болгарии в годы первой мировой войны, С. А. Виноградов (Ленинградский институт физкультуры) — о влиянии ленинской «Искры» на рабочее движение в Сербии и югославских землях Австро-Венгрии в 1901—1903 гг., З. П. Яхимович (Орловский пединститут) — о политике Италии по отношению к славянским народам Балканского полуострова в 1908—1914 гг., Ю. И. Поп (Винницкий пединститут) — о роли Чехословацкой социал-демократической партии в борьбе по национальному вопросу в Австро-Венгрии в конце XIX — начале XX века.

Коллективный доклад сотрудников Института славяноведения и балканистики АН СССР В. Ф. Кадацкого, А. Х. Клеванского, И. В. Михутиной и М. М. Сумарковой («Коммунистические партии Болгарии, Польши, Чехословакии и Югославии на пути к новой политической ориентации (К 40-летию VII конгресса Коминтерна)» и доклад Е. И. Сливаковского (Институт научной информации по общественным наукам АН СССР) «Коммунистический Интернационал и коммунистические партии Болгарии, Румынии и Югославии. (Некоторые вопросы стратегии и тактики компартий балканских стран в межвоенный период)» определили содержание работы второй подсекции, анализировавшей деятельность Коминтерна и его секций в годы революционного подъема под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции, в годы частичной стабилизации капитализма, мирового экономического кризиса и борьбы против угрозы фашизма.

Ряд докладов в подсекции отразил польскую тематику: А. С. Клевчени (Бе-

лорусский университет) — «Борьба Коммунистической партии Польши против буржуазной идеологии, реформизма и ревизионизма», А. Н. Мацко (Минский пединститут) и О. М. Швыдака (Житомирский пединститут) — «Интернациональная деятельность Коммунистической партии Польши (1918—1938 гг.)», В. П. Чугаева (Институт общественных наук АН УССР) — «Деятельность „Красной помощи“ в Польше. 1924—1938 гг.», И. М. Гранчак (Ужгородский университет) выступил на тему «Социалистическое строительство в СССР и развитие революционного движения в Чехословакии (1918—1938 гг.)», Г. И. Чернявский (Харьковский институт культуры) — «Коммунистическая партия — организатор движения солидарности советского народа с революционной борьбой болгарского народа (1923—1931 гг.)», Н. В. Ляхович (Черновицкий университет) — «Солидарность трудящихся славянских стран с борьбой рабочего класса Румынии в 1933 г.».

Значительная часть сообщений была связана с польской и болгарской тематикой. Очень слабо была представлена чехословацкая тематика и отсутствовала югославская. Небезынтересно отметить, что в ряде сообщений освещались интернациональные связи трудящихся зарубежных славянских стран и их солидарность с трудящимися СССР. Н. Н. Кравец (Черновицкий университет) остановился на интернациональном единстве польских и украинских трудящихся в борьбе против сил реакции в середине 20-х годов XX в. В. А. Нерод (Институт общественных наук АН УССР) говорил о солидарности трудящихся УССР и трудящихся Польши в 1929—1933 гг., Н. Т. Гонжа (Черновицкий университет) — о борьбе коммунистов Северной Буковины за интернациональное сплочение трудящихся в 1918—1940 гг., С. К. Мишуриева (Одесский медицинский институт) — об общественной и педагогической деятельности Райны Кандевой в СССР в 1928—1945 гг., Е. Д. Воробьева (Институт славяноведения и балканистики) — об истории интернациональных связей советских и чехословацких трудящихся в 20—30 гг., Е. Д. Голодненко (Ивано-Франковский пединститут) — о роли прессы в формировании интернационального сознания на территории Западной Украины, Б. А. Стеблич (Львовский университет) — об участии трудящихся Польши в международном движении солидарности в защиту Г. Димитрова в период Лейпцигского процесса, Е. Л. Валева (Московский университет) — об интернациональной деятельности Болгарского всеобщего народного студенческого союза в 1930—1941 гг.

В выступлении М. Д. Куликовского (Луцкий пединститут) шла речь об аграрной программе Коммунистической

партии Польши, А. А. Титовой (Гомельский университет) — о позиции польских политических партий в сейме по вопросу об аграрной реформе (ноябрь 1922 — май 1926 гг.), Г. Ф. Матвеева (Московский университет) — об идейно-политическом развитии национальной демократии в Польше в 1919—1927 гг., О. П. Семь (Ивано-Франковский пединститут) — о борьбе Коммунистической партии Польши за единство рабочего класса, Р. П. Гришиной (Институт славяноведения и балканистики) — о проблемах связи государственно-монополистического капитала с военно-фашистским режимом в Болгарии (1923—1925 гг.), Т. Ф. Маковецкой (тот же институт) — о законе об аграрной реформе правительства БЗНС, Х. Ойматова (Гаджикский университет) — о положении и борьбе сельскохозяйственных рабочих в Болгарии в 1930—1934 гг., В. И. Воронкова (Московский университет) — о позиции польских политических партий в Учредительном сейме в 1919 г. Б. Я. Табачников (Воронежский университет) остановился на освещении советской историографией режима «санации» в Польше, а Н. Т. Сапронова — на источниках и историографии борьбы Болгарского общего народного студенческого союза за мир в 1936—1939 гг.

Четвертая секция занималась проблемами социально-экономического и политического развития и национально-освободительного движения славянских народов с конца XVIII до середины XIX в.

Интересные доклады представили ученые из Института славяноведения и балканистики АН СССР: И. С. Миллер — «Закономерности развития народов Центральной и Юго-Восточной Европы в период перехода от феодализма к капитализму», И. И. Лециловская — «Идейно-теоретические основы национальных движений южных славян в первой половине XIX века», Ю. А. Писарев — «Восточный кризис и освободительное движение югославянских народов», Д. Ф. Поплыко — «Общественно-политические течения в национально-освободительном движении Боснии и Герцеговины 1875—1878 гг.».

И. А. Воронков (Московский университет) осветил тему «Восточная политика польских повстанческих властей в период восстания 1830—1831 гг.», В. Г. Карасев (Московский университет) — «Русско-сербский революционный союз 70-х годов и боснийско-герцеговинское восстание», П. С. Сохань (Институт истории АН УССР) — «Освободительная борьба на Балканах в 70-х годах XIX в. и общественность Украины», В. П. Черный (Львовский университет) — «Восстание в Герцеговине и Боснии и болгарское революционно-освободительное движение», И. А. Калоева (Институт науч-

ной информации по обществ. наукам, Москва) — «Научные связи России с южными славянами в XVIII — первой половине XIX в.», К. Б. Виноградов (Ленинградский университет) — «Европейская дипломатия в период Восточного кризиса (1875—1876 гг.)», А. С. Мыльников (Институт славяноведения и балканистики) — «В. Н. Татищев и „Чешская хроника“ В. Гайка. К вопросу о типологическом сходстве в славянских культурах», В. Е. Федорищев (Черновицкий университет) — «Идея единства славянских народов в трудах чешских и словацких просветителей конца XVIII—XIX вв.».

Профессор Сараевского университета из СФРЮ Р. Петрович выступил с докладом «О причинах восстания в Боснии и Герцеговине».

Особо следует отметить выступления о связях славянских народов в революционно-освободительной борьбе. В частности, Н. Н. Яковлев (Куйбышевский пединститут) осветил участие русских добровольцев в боснийско-герцеговинском восстании 1875—1876 гг., Б. С. Попков (Петрозаводский университет) — традиции декабристов в польской общественной мысли 30—40-х годов прошлого века, С. М. Трусевич (Институт общественных наук АН УССР) — украинско-польские революционные связи 60—70-х годов XIX ст., Р. И. Стовбун (Винницкий пединститут) — польское восстание 1863—1864 гг. в Молдавии, В. Н. Черепица (Гродненский пединститут) — влияние Восточного кризиса 70-х годов XIX в. на польское национально-освободительное движение, К. А. Поглубко (Институт истории АН МССР) — влияние П. Лаврова и его последователей на развитие революционной мысли в Болгарии.

Часть сообщений касалась проблем историографии и источниковедения. Т. А. Балабушевич (Центральная научная библиотека АН УССР) рассказала об освещении современной польской историографией генезиса капитализма в сельском хозяйстве стран Восточной Европы, Л. А. Коваленко (Каменец-Подольский пединститут) — о возникновении славяноведения на Украине, Н. Н. Червенков (Институт истории АН МССР) — об оценке Любомом Каравеловым Парижской Коммуны, Ю. Н. Иванов (Николаевский пединститут) — об оценке С. М. Кравчинским польского «социально-революционного» движения, К. В. Душенко (Московский университет) — об изучении идеологии варшавского позитивизма в историографии ПНР, З. Г. Цимбаева (Институт славяноведения и балканистики) — об освещении в русской и советской историографии политических воззрений деятелей сербского просвещения, О. А. Хорева (Московский университет) — об источниковедческой базе по

проблеме национального движения Чехии в 1848 г.

Ряд выступлений был посвящен проблемам научно-литературных связей. Л. Н. Алексахина (НИИ содержания и методов обучения АПН СССР) осветила аспекты межславянских связей 50—60-х годов XIX в. по работам и письмам О. М. Бодянского и М. Ф. Раевского; Л. П. Кондаурова (Московский университет) — чешско-русские связи в 40—60-х годах прошлого века по материалам неопубликованных писем В. Ганки М. Ф. Раевскому; М. Ю. Досталь (Институт славяноведения и балканистики) — чешские связи И. И. Срезневского в 70-х годах XIX в.; П. М. Никоенко (Черновицкий университет) — тему национально-освободительной борьбы южных славян в творчестве буковинских писателей-демократов XIX в.; Б. Н. Билунов (Московский университет) — сотрудничество болгарских авторов в русской периодической печати в 40—70-х годах XIX в.

В работе секции приняли также участие А. Л. Арш (Институт славяноведения и балканистики), И. М. Нефедов (Луцкий пединститут), Л. С. Кармазинов (Могилевский машино-строительный институт), Д. Б. Кацнельсон (Дрогобычский пединститут), Н. М. Пашаева (Гос. публ. историческая библиотека).

Пятая секция занималась проблемами развития славянских народов в эпоху феодализма. Доклады на ее заседаниях охватывали тематику: «Германо-славянские отношения в X в.» — Г. Э. Санчук (Институт славяноведения и балканистики), «Древняя Русь, Крым и Византия в X—XI вв.» — Г. Г. Литаврин (тот же институт), «Городская община на Балканах в средние века» — М. М. Фрейденберг (Калининский университет), «Восточный вопрос во внешней политике России и Речи Посполитой во второй половине XVI в.» — Б. Н. Флоря (Институт славяноведения и балканистики), «Восточный вопрос во внешней политике России и Речи Посполитой в 40—50-х годах XVI в.» — Л. В. Заборовский (тот же институт), «Восточнославянское и польское книгопечатание в конце XVI—XVII вв.» — Я. Д. Исаевич (Институт общественных наук АН УССР).

Значительная часть сообщений касалась проблем социально-экономического развития славян в эпоху средневековья. В частности, Г. П. Мельников (Московский университет) рассмотрел вопросы социальной структуры чешского города в первой половине XVI в., В. С. Савчук (Калужский пединститут) — некоторые аспекты общественного развития полабских славян в современной немецкой историографии, Н. Н. Улащик (Институт истории АН СССР) — историю «Супрасльской летописи», В. А. Маркина (Киевский университет) — структурные

изменения в феодальной собственности на землю во владениях Речи Посполитой XVI—XVIII вв. (на материалах Правобережной Украины), О. Е. Иванова (Ленинградский университет) — вопросы изменения социально-экономического положения крестьян в Речи Посполитой в XVI—XVIII вв., Т. П. Брянцева (Киевский университет) — политику Речи Посполитой в отношении городов Правобережной Украины во второй половине XVIII в., П. В. Михайлина (Черновицкий отдел Института истории АН УССР) — политику Речи Посполитой по отношению к городским промыслам на Украине во второй половине XVI — первой половине XVII в., Е. В. Ерохина (Харьков) — политику Речи Посполитой в отношении Молдавии в начале XVII в., И. Г. Шульга (Винницкий пединститут) — значение материалов сухопутных таможенных застав как источника исторических связей южных и западных славян с Роспеей во второй половине XVIII в.

В. В. Захаров (Кубанский университет) остановился на патрицианском землевладении в Далмации в XIII—XV вв., Н. П. Мананчикова (Воронежский университет) на социальной характеристике торговли XIII—XIV вв. в Далмации, О. В. Иванова (Институт славяноведения и балканистики) — на освещении современной болгарской историографией протоболгарской проблемы.

Остальные сообщения касались в основном проблем культуры. В. М. Петегрич (Институт общественных наук АН УССР) говорил о связи материальной культуры древнерусского населения Прикарпатья и Вольны IX—XIII вв. с культурой западных славян, Н. А. Гусакова (Белорусский университет) — о чешско-белорусских литературных связях в XV—XVI вв., И. С. Захара (Институт общественных наук АН УССР) — об истории русско-польских культурных связей конца XVII — начала XVIII в., Г. К. Кожолянок (Черновицкий университет) — о социально-экономической и культурной общности молдавского и славянских народов в XIV—XVIII вв., Л. В. Горина (Московский университет) — о деятельности Григория Цамблака в России.

Шестая секция обсуждала проблемы межславянских связей и роль славянских стран в системе международных отношений. В докладах Н. Д. Ратнер — «Славянские народы Австро-Венгрии и политика господствующих классов Габсбургской монархии (от начала XX века до Боснийского кризиса 1908 г.) и Т. Ю. Григорьянц — «Германская политика на польских землях в 70—90-х гг. XIX в.» (обе из Института славяноведения и балканистики) освещалось положение славянских народов под чужеземным господством до первой мировой войны. Док-

лады О. Н. Исаевой (Саратовский университет) — «Из истории создания балканской Антанты», К. Я. Почса (Латвийский университет) — «Польша и прибалтийские государства в антисоветских планах английских консерваторов в 1927 году», И. М. Теодоровича (Черновицкий университет) — «Польско-германские отношения после Мюнхенского диктата», А. Ф. Кизченко (Киевский университет) — «Идеологическая борьба в оценке внешней политики Чехословакии накануне второй мировой войны» были посвящены проблемам межвоенного периода.

В большинстве сообщений рассматривалось место славянских государств в системе международных отношений на первом этапе общего кризиса капитализма. В выступлении З. П. Писаренко (Институт истории АН МССР) нашла отражение балканская политика Болгарии накануне второй мировой войны. Д. Б. Мельдер (Белорусский университет) осветил болгаро-советские отношения в мае 1934 — январе 1935 гг., Н. В. Метасова (Московский университет) — аспекты борьбы Югославии и Италии в 1924—1926 гг. за влияние в Албании, В. П. Газин (Черновицкий университет) — германскую экономическую экспансию в Польшу и Чехословакию в период Веймарской республики, Д. С. Климовский (Институт истории БССР) — некоторые вопросы истории германо-польских отношений в 1930 г., С. М. Фалькович (Институт славяноведения и балканистики) — проблему культурного обмена в советско-польских отношениях межвоенного двадцатилетия.

Выступление Л. А. Демиденко (Киевский пединститут) касалось проблемы историко-этнографического исследования болгарского населения УССР, Е. В. Лихача (Черновицкий университет) — неофициальной дипломатии Лондона в вопросе о независимости славянских народов Австро-Венгрии в годы первой мировой войны, остальные — отношений между балканскими странами в начале XX в. и накануне первой мировой войны. Г. И. Хенегар (Ивано-Франковский пединститут), М. В. Кирсенко (Киевский университет), Б. Б. Кросс (Исковский пединститут) осветили соответственно балканскую политику Румынии, греко-сербские отношения, сербо-румынские отношения.

На заключительном пленарном заседании были заслушаны информационные сообщения и подведены итоги работы конференции. В частности, о работе журнала «Советское славяноведение» рассказал его главный редактор И. И. Костюшко. Он поделился с присутствующими планами редколлегии в связи с подготовкой к XXV съезду КПСС. Перед «Советским славяноведением» стоят важные задачи освещения проблем строительства со-

циализма, сотрудничества братских социалистических стран, освободительного движения, закономерностей развития за рубежных славянских стран.

В. П. Чорний — редактор республиканского научного сборника «Українське слов'язознавство», издающегося при Львовском университете, рассказывая о работе редколлегии, подчеркнул, что особое внимание она обращает на проблемы социалистического строительства. В сборнике имеется историографическая рубрика, печатаются источниковедческие материалы.

О планах работы межведомственного научного сборника «Питання нової та новітньої історії» проинформировал собравшихся заместитель редактора Г. И. Чернявский, который указал на трудности, возникшие перед вновь сформированной редколлекцией в связи с передачей издания Киевским университетом Харьковскому.

А. Л. Арп рассказал об издаваемом Институтом славяноведения и балканистики АН СССР с 1974 г. сборнике «Балканские исследования», задачей которого является комплексное освещение истории как славянских, так и неславянских народов. Информацию об отображении славистики в справочной литературе сделала главный библиотекарь Государственной публичной исторической библиотеки РСФСР Н. М. Пашаева.

Участники конференции с удовлетворением отметили выход в свет ряда ценных трудов, в значительной мере обогащающих знания в области советского славяноведения, и усиление внимания историков-славистов к разработке новейшей истории, в особенности вопросов строительства социализма и братского сотрудничества социалистических стран. Редакцией журнала «Советское славяноведение» проделана значительная работа по освещению актуальных проблем славистики. Поввысилась роль курса истории южных и западных славян, читаемого во всех университетах страны, особенно в плане обобщения опыта социалистического строительства в славянских странах. Вместе с тем улучшилась подготовка кадров историков-славистов.

Однако в научной работе историков-славистов имеются некоторые недостатки. Встречаются работы, выполненные не на высоком научном уровне, с повторяющимся фактическим материалом, не содержащим новых выводов и обобщений. Имеет место дублирование в изучении отдельных проблем, обнаруживаются значительные недостатки в организации научной информации и координации исследований.

Участники конференции считают необходимым дальнейшее повышение идейно-теоретического уровня исследований в области славистики на основе марксистско-ленинской методологии, глубокого ана-

лиза источников, сравнительного изучения исторических процессов и явлений, комплексной разработки важных научных проблем.

Представляется целесообразным сосредоточение внимания историков-славистов на исследовании проблем строительства социализма, складывания и развития социалистического содружества, роли Октябрьской революции и Советского Союза в исторических судьбах народов Центральной и Юго-Восточной Европы, рабочего, крестьянского и национально-освободительного движения, закономерностей общественного развития в периоды капитализма и феодализма, межславянских связей, международных отношений, формирования этнических общностей, историографии этих проблем.

Одной из важных задач историков-славистов является разоблачение буржуазных фальсификаций и ревизионистских концепций по вопросам строительства социализма, революционного движения, межславянских отношений.

По мнению участников конференции, необходимо активизировать деятельность соответствующих научных советов, улучшить постановку научной информации, повысить требовательность к публикуемым работам, расширить авторский актив журнала «Советское славяноведение», постоянно повышать идейно-теоретический уровень общего курса по истории зарубежных славянских народов и совершенствовать методику его преподавания.

Участники конференции считают необходимым скорейшее издание учебников по истории южных и западных славян,

подготовленного в Московском университете и коллективом историков вузов Украины, а также справочника «Историки-слависты СССР», подготовленного Харьковским университетом и Институтом славяноведения и балканистики АН СССР. Просить Министерство высшего и среднего специального образования УССР и Черновицкий государственный университет опубликовать материалы конференции.

По мнению участников конференции, следовало бы провести очередную, VIII Всесоюзную конференцию историков-славистов в феврале 1978 г., на которой рассмотреть проблемы образования и развития независимых славянских государств в связи с 60-летием Великой Октябрьской социалистической революции и 100-летием национальной государственности славянских стран Балканского полуострова, обсудить вопросы преподавания курса истории южных и западных славян в высшей школе. Участники конференции с большим удовлетворением принимают предложение Донецкого государственного университета провести эту конференцию на его базе.

Участники конференции призывают всех историков-славистов своей научной, педагогической работой внести посильный вклад в достойную встречу XXV съезда КПСС.

Участники конференции выражают сердечную благодарность Черновицкому государственному университету за хорошую организацию конференции, дружеское внимание и гостеприимство.

Ю. И. Макар, И. М. Теодорович

XVII ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО КОМИТЕТА СЛАВИСТОВ

В Берлине и Баутцене (ГДР) 2—8 сентября 1975 г. состоялось XVII Пленарное заседание Международного комитета славистов (МКС), в котором приняли участие слависты — представители 23 стран.

Главной задачей заседания МКС была разработка тематики VIII Международного съезда славистов (Югославия, Загреб — Любляна, 1978 г.), в соответ-

ствии с которой все национальные комитеты славистов должны представить в МКС конкретные темы докладов. Советский комитет славистов будет принимать от соответствующих научных организаций темы докладов (с краткими аннотациями) для их рассмотрения и отбора до 1 марта 1976 г. Ниже публикуется утвержденная МКС тематика VIII Международного съезда славистов.

ТЕМАТИКА VIII МЕЖДУНАРОДНОГО СЪЕЗДА СЛАВИСТОВ

Общая тематика

1. Проблемы развития славянских языков, литератур, фольклора и истории культуры в XX веке.

2. Теоретические и методологические проблемы сравнительных исследований в славистических дисциплинах, включая вопросы их сопоставления и типологии.

3. Л. Н. Толстой и наше время*

Секционная тематика

I. Языкознание

1. Основные тенденции и новейшие явления (включая и социолингвистические) в развитии славянских языков и диалектов в XX в.
2. Проблемы диахронической и синхронической морфологии и морфонологии славянских языков.
3. Контакты славянских языков между собой и с неславянскими языками.
4. Проблемы типологии систем славянских языков, особенно в области синтаксиса.
5. Проблемы этимологии и семантики славянских языков.
6. Основные направления науки о славянских языках в XX веке.
7. Основные проблемы развития древних славянских языков.
8. Славянская ономастика и ее место среди гуманитарных наук*.

II. Литературоведение

1. Мировое значение славянских литератур XX века и развитие литературных направлений и жанров (поэзия, проза, драма).
2. Методологические основы сравнительного изучения славянских литератур.
3. Поэтика и типология славянского романа в контексте европейского романа.
4. Закономерности развития древних славянских литератур (генезис, контакты, типология).
5. Античное наследие в славянских литературах.
6. Л. Н. Толстой и наше время.

* Звездочкой помечены темы, имеющие междисциплинарный характер.

III. Литературно-лингвистическая проблематика

1. Литературные стили и развитие поэтического языка в славянских литературах в XX веке.
2. Устное народное творчество и его соотношение с письменной литературой и развитием средств языковой выразительности.
3. Проблемы интерпретации и художественного перевода славянских текстов (включая поэтику) и проблемы текстологии.
4. Стилистическая формация как проблема литературной периодизации.
5. Критерии различия литературно-лингвистических единиц в произведениях отдельных авторов и определенных периодов.
6. Литературно-лингвистическая проблематика в произведениях Л. Н. Толстого.

IV. Фольклористика

1. Фольклор славянских народов в XX веке. Новые процессы в народной культуре. Соотношение с литературой.
2. Поэтика и стилистика славянского фольклора на сравнительной основе*.
3. Язык фольклора с учетом диалектов и в отношении с литературным языком*.
4. Связи между славянским и неславянским фольклором.

V. Историческая проблематика

1. Основные проблемы истории и истории культуры славянских народов в XX веке.
2. Национально-освободительные движения южных славян во второй половине XIX века и отношение других славянских народов к этим движениям.
3. Этногенез славянских народов (включая связь с античностью)*.
4. Проблемы истории славистики*.

CONTENTS

- M. V. Iskrov.* The principles of socialist internationalism — the basis of the mutual relations of the socialist countries. *I. V. Mikhutina.* The Soviet-Polish relations in the times of the beginning of Polish-German rapprochement (February — April 1934). *G. I. Chernyavskij.* The Mission of the Soviet Red Cross in Bulgaria (1922—1923). *Hilmar Walter* (GDR). On the history of the Bulgarian Renaissance. *E. P. Naumov.* To the history of the Serbian feudal state at the end of XII — the beginning of XIII centuries (central authority and principalities). *M. E. Vlasova.* On the history and theory of the Polish realistic short story of the second half of the XIX century (To the question of traditions of small prosaic genre). *V. M. Mokiyeiko.* The semantic diffusion of Russian and Chech phraseological units (as illustrated by the Russian set «бить, наказывать»). *A. S. Lvov.* The inscription about Konstantin-Cyril the Philosopher in the calendar of the Gospel of Ostromir 3

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

- M. A. Muntyan.* «Социалистическата външна политика на Народна Република България. 1944—1974». *L. B. Valev.* Д. Б. Мельцер. Советско-болгарские отношения (1917—1935 гг.). *S. M. Falkovich.* Р. Я. Evzerov, I. S. Yazhborovskaya. Rose Luxemburg. A Biographic essay. *O. A. Severnaya.* An essential study on the Bulgarian Intelligentsia. *I. K. Gorskii.* «Studia polono-slavica-orientalia». *L. K.* Czech translations of Nekrasov's poetry. *A. S. Mylnikov.* Е. П. Львова. Изобразителное искусство Болгария эпохи национального Возрождения 98

Bibliography

- The main articles and materials on the present state, history, culture and languages of the foreign slav peoples published in the soviet periodicals in 1975 (continued). The contents of foreign periodicals 111

SCIENTIFIC LIFE

- Yu. I. Makar, I. M. Teodorovich.* The VII-th All-Union scientific conference of historians-slavists. The XVII-th plenary meeting of the International Committee of slavists The VIII-th International Congress of Slavists . . . 126

Технический редактор *Е. В. Синецкина*

Сдано в набор 10/X-1975 г.	Т-18381	Подписано к печати 15/XII-1975 г.	Тираж 1250
Зак. 2950	Формат бумаги 70×108 ¹ / ₁₆	Усл. печ. л. 11,9	Бум. л.4 ¹ / ₄ Уч.-изд. л. 14,2

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

В ОБЛИЧКА 34/33 КВ 40

ТАЛСТОВУ И И

70891

1-12

Цена 1 руб.

Индекс 70891

К

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Готовится к печати:

Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев (методология и историография). 20 л. 1 р. 50 к.

Сборник посвящен проблемам этнической истории славян и восточных романцев в Центральной и Юго-Восточной Европе. Особое внимание уделено вопросам методологии и историографии. Отличительной чертой сборника является соединение работ специалистов разных отраслей науки — историков, археологов и лингвистов.

Сборник рассчитан на историков, археологов, лингвистов, этнографов, географов, а также студентов и аспирантов.

Для получения книги почтой заказы просим направлять по адресу:
117464 МОСКВА, В-464, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»;

197110 ЛЕНИНГРАД, П-110, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайшие магазины «Академкнига».

Адреса магазинов «Академкнига»:

480391 Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97; 370005 Баку, ул. Джапаридзе, 13; 320005 Днепропетровск, проспект Гагарина, 24; 734001 Душанбе, проспект Ленина, 95; 664033 Иркутск, 33, ул. Лермонтова, 303; 252030 Киев, ул. Ленина, 42; 277012 Кишинев, ул. Пушкина, 31; 443002 Куйбышев, проспект Ленина, 2; 192104 Ленинград, Д-120, Литейный проспект, 57; 199164 Ленинград, Университетская наб., 5; 199004 Ленинград, 9 линия, 16; 103009 Москва, ул. Горького, 8; 117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; 630090 Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22; 630076 Новосибирск, 91, Красный проспект, 51; 620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137; 700029 Ташкент, ул. 50 лет Узбекистана 11; 700029 Ташкент, Л-29, ул. Ленина, 73; 700100 Ташкент, ул. Шота Руставели, 43; 634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18; 450075 Уфа, Коммунистическая ул., 49; 450075 Уфа, проспект Октября, 129; 720001 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42; 310003 Харьков, Уфимский пер., 4/6.